

1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

м. ф. 3 2. 2/30/89

Александр Б. Гурани

И. Бонд

5

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ 9 АПРЕЛЯ
В ТБИЛИСИ

ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Я осуждаю жестокость.
Перевод Лианы Татишвили . . . 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Стихи. Переводы Юрия Даниэля, Александра Еременко, Татьяны Бек, Бориса Резникова . . . 6

НУГЗАР ШАТАИДЗЕ. Рассказы. Перевод Левана Беджизати . . . 12

ДАЛИ ЦААВА. Из книги «Двенадцать каприччо». Стихи. Перевод Владимира Еременко . . . 49

ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Гроза. Стихи . . . 54

ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Фантазия. Рассказ . . . 57

БУАЛО-НАРСЕЖАК. Среди мертвых. Роман. Перевод с французского Алексея Дроздовского . . . 76

5

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ 9 АПРЕЛЯ
В ТБИЛИСИ

Из почты Союза писателей Грузии 154

ПУБЛИЦИСТИКА

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Интернациональ-
ное без национального, или «интер» без
функций 158

К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси 203

ЗАМЕТКИ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. «Тифлис» или Тбилиси? 218

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПОЧТЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ 154

ПУБЛИЦИСТИКА

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Интернациональ-
ное без национального, или «интер» без
функций 158

К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси 203

ЗАМЕТКИ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. «Тифлис» или Тбилиси? 218

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

М. МАРАБАДИЯНИ. Стихи. Перевод
Л. Юрия Давидыча Давидыча 219

В. БЕРМЕНДЖИ. Рассказы. Перевод
В. Берменджидзе 220

Л. ПАВА. Из книги «Давидыч» 221

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 222

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 223

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 224

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 225

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 226

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 227

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 228

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 229

В. ПАВА. Стихи. Перевод В. Берменджидзе 230

5

СРЕДИ МЕРТВЫХ

РОМАН

Посвящается Пьеру Верит*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

— Понимаешь, Роже, — начал Жевинь, — я бы хотел, чтобы ты понаблюдал за моей женой.

— Черт возьми, Поль!.. Она что, изменяет тебе? — поинтересовался Флавьер.

— Да нет.

— Ну, а в чем же дело?

— Мне трудно тебе объяснить это, старик. У нее появились какие-то странности... Словом, меня беспокоит ее поведение.

— Ну, а что конкретно?

Пребывая в нерешительности, Жевинь посмотрел на своего собеседника. Конечно же, Флавьер хорошо знал, что останавливает Жевиня — ведь по натуре тот был и остался человеком недоверчивым. Флавьер помнил его все таким же. Еще пятнадцать лет тому назад, в студенческие годы, когда они вместе учились на юридическом факультете, — Жевинь был рассудительным, готовым излить свои чувства и, вместе с тем, в глубине души напряженным, смущенным и несчастным. И несмотря на то, что минуту назад при встрече он распротер объятия и воскликнул: «Роже, старик, как я рад вновь увидеть тебя!» — Флавьер тем не менее инстинктивно

* Верит, Пьер (1900—1960), один из наиболее знаменитых французских писателей детективного жанра (Здесь и далее прим. переводчика).

ощутил едва заметную неловкость, некоторую принужденность и натянутость в том, что его сокурсник по университету суетился несколько больше, чем следовало бы, да и смеялся он несколько громче. Ему так и не удалось изжить в себе свои привычки за минувшие пятнадцать лет, которые изменили внешний облик их обоих. Жевинь стал почти лысым, и подбородок его отяжелел, брови порыжели, а возле носа появились веснушки. Флавьер тоже выглядел уже не так, как прежде, он знал, что после того неприятного случая похудел и сгорбился, а из-за опасения, что Жевинь поинтересуется, почему он, сдав экзамен на работу в полиции, все же стал адвокатом, его ладони покрылись холодным потом.

— Собственно говоря, ничего конкретного я не имею в виду, — продолжал Жевинь. Он протянул Флавьеру дорогой работы портсигар. Галстук его тоже выглядел дорогим, как и восхитительного кроя твидовый костюм. Отрывая розовую спичку от коробки, на которой было написано название одного из самых дорогих ресторанов, он демонстрировал унизанные сверкающими перстнями пальцы. Он втянул в себя щеки и прежде, чем выпустить голубой дымок, произнес: — Нужно понять обстановку.

Да, Жевинь очень изменился. Чувствовалось, что он приблизился к кругам власть имущих, а за его спиной угадывалось членство во всевозможных обществах, компания солидных друзей, целая сеть связей и знакомств с влиятельными лицами. И вместе с тем глаза его остались такими же живыми, готовыми внезапно испугаться и спрятаться за тяжелыми опущенными веками.

Советским читателям хорошо известны романы Пьера Буало и Тома Нарсежака «Инженер слишком любил цифры», «Та, которой больше не стало», «Лица в тени», «Неприкасаемые», «Волчицы» и другие.

Роман «Среди мертвых», который мы предлагаем нашим читателям, несомненно является одним из лучших произведений детективно-приключенческого жанра. Известный англо-американский режиссер Алфред Хичкок снял по нему фильм «Головокружение».

— Обстановку? — повторил Флавьер с легкой иронией в голосе.

— Полагаю, что это наиболее подходящее слово, — настаивал Жевинь. — Моя жена вполне счастлива. Мы женаты почти четыре года... Средств у нас предостаточно. Со времени объявления мобилизации мое предприятие в Гавре работает на полную мощь. Кстати, меня не призвали именно из-за этого. Одним словом... учитывая обстоятельства, необходимо признать, что мы принадлежим к привилегированным слоям общества.

— А дети у тебя есть? — прервал его Флавьер.

— Нет.

— Продолжай.

— Итак, я говорил, что у Мадлен есть все условия, чтобы чувствовать себя счастливой. Но все же чего-то как раз и не хватает. У нее всегда был странный характер, часто менялось настроение, бывали периоды депрессий, а несколько месяцев тому назад ее состояние резко ухудшилось.

— А к врачу ты обращался?

— Разумеется. Я консультировался со всеми светилами. Но никто так и не смог у нее ничего обнаружить. Ты слышишь?

— Ничего с физиологической точки зрения, — согласился Флавьер. — Ну, а с точки зрения психической?

— Ничего... Ничего... Это здесь ни при чем!

Он стряхнул упавший ему на пиджак пепел.

— Ах! Уверяю тебя, это сложный случай. Я и сам сперва думал, что всему виной какая-то навязчивая идея, какой-то безрассудный страх, рожденный войной. Мадлен могла неожиданно погрузиться в молчание и едва слышала обращенные к ней слова. Или же смотрела пристально в одну точку... Уверяю тебя, что это очень подействовало на меня. Можно было поклясться, что она видит... даже не знаю что... Ну, наверное, какие-то невидимые другим вещи. А когда она вновь приходила в себя, то у нее оставалось какое-то потерянное выражение лица, будто ей приходилось делать над собой усилия, чтобы узнать свой дом... и даже меня самого...

Оставив в пепельнице горящую сигарету, Жевинь

сам уставился куда-то в пустоту с видом обманутого когда-то человека.

— Раз она не больна, значит, притворяется, — сказал Флавьер, теряя терпение.

Но Жевинь тут же поднял свою толстую руку, пытаясь сразу же опровергнуть это предположение:

— Поначалу эта мысль и мне пришла в голову, поэтому я решил немного понаблюдать за Мадлен. Однажды я вышел за ней из дома... Она направилась в Булонский лес, села перед озером и более двух часов просидела, не шелохнувшись, созерцая водную гладь...

— Это не страшно.

— Напротив, она созерцала воду... как бы тебе объяснить... внимательно, серьезно, словно это было занятие чрезвычайной важности... А вечером она заверяла меня, что из дому никуда не отлучалась. Как ты понимаешь, я не стал ей говорить, что все это не так.

Перед Флавьером постепенно восстанавливался образ прежнего его сокурсника, и эта игра уже начала раздражать.

— Послушай, — сказал он, — давай рассуждать логично. Твоя жена либо изменяет тебе, либо она больна, или же просто притворяется по какой-то неизвестной причине. Вот и выбирай.

Протянув руку к стоящей на письменном столе пепельнице, Жевинь стряхнул пепел и грустно улыбнулся.

— Ты рассуждаешь именно так, как и я, если бы, скажем, оказался на твоём месте. Я как раз уверен, что Мадлен не изменяет мне... а профессор Лаварен убедил меня в том, что психически она совершенно нормальна... Ну, а притворяться ей попросту ни к чему... Да и ради чего она стала бы притворяться? Чего ей не хватает?.. Люди ведь притворяются не только ради удовольствия. Кроме того, никто не станет просто так терять два часа в Булонском лесу... а ведь это далеко не единственная деталь подобного рода.

— А ты говорил с ней об этом?

— Разумеется... Я даже спросил у нее, какие чувства овладевают ею, когда она неожиданно погружается в мечтания.

— Ну, и что она тебе ответила?

— Что мне, мол, не стоит беспокоиться... что она

вовсе не мечтает, а просто так, как и многие, обеспокоена войной.

— А не кажется ли тебе, что она несколько скупает?

— Пожалуй. И кроме того, она словно смущена чем-то.

— А у тебя не было ощущения, что она лжет?

— Отнюдь. Напротив: у меня возникло ощущение, что она чем-то напугана... Я даже должен признаться тебе в одной вещи, которая, возможно, вызовет лишь улыбку. Помнишь тот немецкий фильм, который мы видели, кажется, в двадцать третьем-двадцать четвертом году в «Урсулинках», он назывался «Жакоб Бозм»?

— Да, помню.

— А ты помнишь выражение лица главного героя, когда его застают во время мистического кризиса и он пытается отрицать и утаить свои видения? Ну так вот, у Мадлен... у нее было точно такое же выражение лица, точь-в-точь, как у того немецкого актера... Несколько потерянный, слегка нетрезвый взгляд и глаза-щупальца...

— Ну вот еще! Не станешь же ты утверждать, что твоя жена подвержена мистическим кризисам!

— Я предполагал, что ты отреагируешь именно так... Точно так же, старина, как отреагировал бы и я! Я тоже вначале было воспротивился... и отказывался признать очевидное.

— Она у тебя набожна?

— Не более, чем все... Ну, посещает воскресные мессы... Но это, скорее, всего лишь дань традиции, привычка.

— А она случайно не из тех женщин, которые любят предсказывать будущее?

— Нет, повторяю тебе, что Мадлен может внезапно как бы переключаться, и невольно начинаешь замечать, что она уже находится в потустороннем мире.

— И это происходит с ней помимо ее воли?

— Вне всяких сомнений. Ты понимаешь, я уже привык наблюдать за ней. Чувствуя приближение кризиса, она старается как можно больше двигаться, говорить... Она даже встает, подходит к окну и открывает его, словно ей не хватает воздуха... или же на всю громкость

включает радио... Если в этот момент я вступаю в эту игру, если я начинаю шутить, болтать о том, о сем, то ее разуму все же удастся удержаться в рамках, остановиться... Извини за все эти подробности, но объяснить толком, что происходит с ней, совсем не просто. Если же, напротив, я делаю вид, что чем-то занят, рассеян или погружен в свои размышления, кризис неизбежен... Она замирает, ее глаза начинают блуждать в пространстве, ища какую-то таинственную точку... точнее, я полагаю, ей кажется, что эта точка движется... затем она глубоко вздыхает, прикладывает ладонь ко лбу и на пять-десять минут становится похожей на сомнамбулу...

— А у нее при этом возникают какие-то движения?

— Нет, честно говоря, я никогда не видел сомнамбул, но у меня создается впечатление, что она вовсе не спит, а просто рассеяна, как человек, не принадлежащий сам себе... Она очень изменилась. Я, конечно же, прекрасно понимаю, что это глупо. И тем не менее не могу не констатировать: она стала совершенно иной.

В глазах Жевиня стоял неподдельный ужас.

— Совершенно иной — для меня это еще ничего не значит, — буркнул Флавьер.

— Ты что, не веришь в существование потусторонних сил?..

Положив свою жеваную сигарету на край пепельницы, Жевинь крепко сжал ладони.

— Раз уж я начал, — продолжил он, — то должен тебе рассказать все. Так вот: в роду Мадлен была одна довольно странная женщина... — Полина Лажерлак. Мадлен она приходилась прабабкой... Понимаешь, в поведении их обеих есть много общего. Прабабка, будучи еще девочкой тринадцати или четырнадцати лет, вроде заболела: у нее начались странные судороги, и люди, ухаживавшие за ней, слышали доносящиеся из ее комнаты какие-то настораживающие, необъяснимые звуки...

— Удары в стену?

— Да.

— Поскрипывание паркета. Словно по нему передвигают мебель?

— Да.

— Ясно, — сказал Флавьер. — Подобные явления

— не редкость и часто наблюдаются там, где есть девочки такого возраста. Впрочем, их никто и не пытается объяснить... И чаще всего они длятся недолго.

— Я не очень хорошо подкован в этих вопросах, — продолжал Жевинь, — знаю только, что Полина Лажерлак после этого случая осталась несколько не в себе. Вначале она даже хотела стать монахиней, однако затем отказалась от пострижения. В конце концов она вышла замуж, а несколько лет спустя без всяких на то причин покончила с собой.

— И сколько же ей было тогда лет?

Достав платок из верхнего кармана, Жевинь вытер губы.

— Двадцать пять, — пробормотал он. — Ровно столько, сколько сейчас Мадлен.

— Черт возьми!

Они оба замолчали. Флавьер задумался.

— И твоя жена, разумеется, знает об этом? — спросил он.

— В том-то и дело, что нет... Все эти подробности я узнал от тещи. Она рассказала мне об этой Полине Лажерлак некоторое время спустя после нашей свадьбы... Я тогда слушал ее только из вежливости. Если бы я тогда знал!... Но теперь уже тещи нет на этом свете, и никто не сможет объяснить мне эту загадку.

— Послушай, а что касается этих откровений... Тебе случайно не показалось, что она делится ими с тобой, преследуя при этом какую-то определенную цель?

— Нет. Во всяком случае, я думаю, что нет. Это произошло случайно, во время одного нашего разговора. Однако я отчетливо помню, что она запретила мне рассказывать об этом Мадлен. Ей было не очень-то приятно сообщать мне, что одна из ее ближайших родственниц была несколько не в своем уме. Именно поэтому она предпочитала, чтобы ее дочь ничего об этом не знала.

— Но ведь все-таки эта Полина Лажерлак покончила с собой по какой-то причине?

— Нет. Похоже, что нет — ведь она была счастлива. За несколько месяцев до этого происшествия у нее родился мальчик; и все полагали, что материнство благотворно скажется на ее состоянии. Но затем внезапно...

— Я пока что не вижу никакой связи между этой историей и твоей женой, — заметил Флавьер.

— Не видишь? — удрученно спросил Жевинь... — Сейчас ты все поймешь. Итак, после смерти своих родителей Мадлен, разумеется, унаследовала от них всевозможные безделушки, украшения, драгоценности, ранее принадлежавшие ее прабабушке и помимо всего прочего — янтарное ожерелье... Так вот: она постоянно рассматривает все эти вещи, касается их... ну, с некоторым чувством... как бы это выразить?.. тоски, что ли? Например, в доме есть автопортрет Полины Лажерлак — она ведь занималась живописью. Ну и Мадлен, как зачарованная, может целыми часами созерцать эту картину. Более того, недавно я застал ее, когда она, поставив эту картину на стол в гостиной, рядом с зеркалом и надев ожерелье, пыталась сделать себе точно такую же прическу, как у прабабушки на портрете... Впрочем, она у нее так и осталась, — закончил Жевинь с заметным смущением, — тяжелый пучок волос на затылке.

— А она похожа на эту Полину?

— Возможно, но сходство весьма отдаленное.

— Я опять повторяю свой вопрос, чего ты, собственно, опасаться?

Вздыхнув, Жевинь снова взял сигарету и принялся рассеянно рассматривать ее.

— Я даже не осмеливаюсь признаться тебе во всех мыслях, возникающих в моей голове... Несомненно лишь одно: Мадлен уже не та, что прежде. Более того: иногда мне кажется, что женщина, живущая рядом со мной, вовсе не Мадлен.

Встав, Флавьер заставил себя рассмеяться:

— Тоже мне, скажешь такое! Ну и кто же она по твоему... Полина Лажерлак?.. Поль, да ты с ума сошел, старик... Может, выпьешь? Что ты будешь — «Порто», «Чинзано» или «Кар-Корс»?

— Немного «Порто».

Флавьер поднялся, направился в столовую за подносом и стаканами.

— Да, забыл спросить тебя. Ты женился? — прокричал ему вдогонку Жевинь.

— Нет, — глухо откликнулся Флавьер. — И не имею ни малейшего желания.

— Я как-то случайно узнал, что ты ушел из полиции, — продолжал Жевинь.

Из гостиной не последовало никакого ответа.

— Может, тебе помочь?

Встав с кресла, Жевинь направился к открытой двери и прислонился плечом к дверной раме: Флавьер откупоривал бутылку.

— А у тебя здесь очень мило... Извини, что надоедаю тебе своими историями, но все же я чертовски рад увидеть тебя вновь. Мне, наверно, следовало бы сперва позвонить тебе и заранее предупредить о своем приходе, но ты же знаешь — я весь в делах...

Распрямившись, Флавьер мягко вытянул пробку; момент напряжения миновал.

— Ты говорил, что являешься владельцем судовой верфей, — начал он, наполняя бокалы.

— Да, в настоящее время мы производим корпуса для катеров. Довольно солидный заказ. Похоже, что в министерстве обороны опасаются нападения с моря.

— Еще бы! Ведь когда-нибудь все же придется покончить с этой «странной войной»*. Скоро уже май... Твое здоровье, Поль!

— И твое, Роже.

Они пили, глядя друг другу в глаза. Будучи маленького роста, Жевинь казался квадратным. Он расположился напротив окна, и падающий дневной свет оттенял его лицо — лицо римского патриция с мясистыми ушами и благородным лбом. И все же Жевинь был человеком не очень-то больших умственных способностей. Чтобы вылепить ему этот обманчивый профиль римского проконсула, хватило всего лишь несколько капель провансальской крови. А после войны этот малый наверняка станет миллионером... Впрочем, разве он, Флавьер, сам не пользовался тем, что все другие сейчас мобилизованы. Пусть он и протестант, однако это, возможно, не является оправданием. Флавьер поставил свой стакан на поднос.

— Я чувствую, что эта история не выходит у меня из головы. Да, у твоей жены никого нет на фронте?

* Странная война — начало позиционной войны Франции и Англии против фашистской Германии, когда боевые действия практически не велись.

— Да так — несколько дальних родственников, с которыми мы никогда не поддерживали отношений. Так что из близких, собственно говоря, никого.

— А как ты с ней познакомился?

— О, это довольно романтическая история. — Подыскивая слова, Жевинь поднял свой стакан и на свету рассматривал его содержимое. Он по-прежнему опасался показаться смешным. Когда-то эти опасения настолько сковывали его, что на устных экзаменах он даже лишился дара речи. И все же он отважился:

— Я встретил ее в Риме, во время одной деловой поездки. Мы проживали в одной и той же гостинице.

— Какой именно?

— В «Континентале».

— А что она делала в Риме?

— Она занималась живописью. Рисует она, как мне кажется, превосходно. Но ты же знаешь — я в живописи немного смыслю...

— Она изучала живопись для того, чтобы потом давать уроки?

— Ну что ты?.. Наоборот, исключительно ради удовольствия. Ей никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь. Ты только представь себе: в восемнадцать лет у нее была уже своя собственная машина. Отец ее был крупным промышленником...

Повернувшись на каблуках, Жевинь вернулся в кабинет. Флавьер отметил его гибкую и уверенную походку. Прежде он ходил как-то неуверенно и неровно. Состояние его жены, несомненно, изменило его в лучшую сторону.

— А она что, по-прежнему занимается живописью?

— Нет. Она постепенно забросила это занятие. У нее на это не хватало времени. Ты же знаешь, наши парижанки так заняты!

— Послушай... а все эти, ну, беспокойства что ли, о которых ты мне рассказывал... они ведь, наверное, вовсе небеспричинны. Припомни: не произошло ли накануне какого-нибудь инцидента?.. Ссоры, например? Или, может быть, какие-то плохие вести? Должно быть, ты уже пытался вспомнить нечто подобное?

— Черт возьми! Конечно же, пытался... Однако так ничего и не вспомнил... Не забывай, что часть недели я провожу в Гавре.

— А эти нарушения или, если хочешь, помутнения сознания происходили во время твоего пребывания в Гавре?

— Нет, я был здесь. Точнее, только что вернулся. Это было в субботу. Мадлен, как обычно, была весела. И лишь вечером она впервые показалась мне странной. Но тогда я как-то даже не придавал этому никакого значения — я ведь и сам в тот день чувствовал себя довольно усталым.

— А до того?

— До того?.. Ну, ее иногда охватывали приступы дурного настроения, но это не было похоже на это странное состояние.

— А ты уверен, что в ту субботу в ее жизни не произошло ничего необычного?

— Абсолютно уверен по одной простой причине: весь тот день мы провели вместе с ней. Я в тот день приехал утром, около десяти часов. Мадлен к этому времени только что встала с постели. Мы поболтали о том, о сем... только ты не будь таким дотошным... Я, разумеется, не помню, о чем мы говорили... Да и почему бы я стал обращать внимание на это? Помню только, что обедали мы дома.

— А где ты живешь?

— Как?! Ты не знаешь, где я живу? Ах, ну да, я ведь никогда не давал о себе знать. Я приобрел дом на авеню Клебер, неподалеку от площади Этуаль. Вот, держи мою визитную карточку.

— Спасибо.

— Пообедав, мы вышли... Помню, у меня в министерстве была назначена одна деловая встреча... Затем мы гуляли возле здания оперы. Ну вот, вроде все. День как день, черт возьми!

— Ну и когда же у нее наступил кризис?

— Сразу же после ужина.

— Ты бы не мог назвать мне точную дату?

— Точную дату? Черт возьми!

Заметив на столе деловой дневник, Жевинь взял его и принялся листать.

— Я помню, что это произошло в конце февраля... Да, я запомнил это благодаря встрече в министерстве. Ну да, ведь суббота как раз приходится на 26 февра-

ля. Да, несомненно, это произошло двадцать шестого февраля.

Флавьер присел на подлокотник кресла рядом с Жевинем.

— А почему тебе пришла в голову мысль обратиться именно ко мне?

Жевинь вновь сжал свои руки. Ему удалось избавиться от всех своих нервных движений, кроме, пожалуй, этого. Очувтившись в затруднительном положении, он как бы старался вцепиться в себя.

— Мы с тобой всегда были друзьями, Роже, — пробормотал он... — Я даже помню, что раньше ты увлекался психологией... Ты ведь, наверное, не хочешь, чтобы я обращался за помощью в полицию?

Жевинь уловил мгновенную судорогу, пробежавшую по губам Флавьера, и тут же добавил:

— Я обратился именно к тебе потому, что ты ушел из полиции.

— Да, — сказал Флавьер, устремив взгляд на кожаную обивку кресла, — я ушел из полиции.

Вдруг он резко вскинул голову:

— А ты знаешь, почему я ушел оттуда?

— Нет, но...

— Все равно рано или поздно ты узнаешь об этом... невозможно долго держать в тайне такие вещи... У меня возникли неприятности... Налить тебе еще немного?

— Нет, нет, спасибо.

Наполнив свой бокал, Флавьер сжал его в кулаке.

— Со мной произошла одна преглупая история. В полиции я служил инспектором... Вообще-то я не любил свою работу и теперь открыто могу признаться в этом. Пойти служить в полицию вынудил меня мой отец — сам-то он дослужился до дивизионного комиссара: он и не мыслил для меня иной карьеры, кроме полицейской. Мне нужно было бы отказаться от этого с самого начала. Ведь нельзя же заставлять человека... Короче, получил приказ арестовать одного типа. Особой опасности он не представлял, но ему пришла в голову мысль спрятаться на крыше. На задании со мной был мой сослуживец, неплохой человек, некто Лериш...

Флавьер залпом осушил бокал, и на глазах у него заблестели слезы. Он закашлялся и пожал плечами, чтобы хоть как-то сгладить свою неловкость.

— Вот видишь—стоит мне только вспомнить об этой истории, и я полностью теряю самообладание... Крыша, как назло, оказалась покатой, а снизу еще и доносились сигналы машин, а этот тип, безоружный стоял за дымоходом — оставалось только связать его... Но я не смог спуститься к нему по крыше.

— У тебя, наверное, закружилась голова? — спросил Жевинь. — Да, да, я помню: с тобой и раньше такое случалось.

— И вот Лериш начал спускаться вместо меня... И упал вниз.

— Да... — посочувствовал Жевинь.

Он опустил глаза; Флавьер по-прежнему сидел склоненный к собеседнику, так и пребывая в неведении касательно его размышлений, а затем вдруг тихо добавил:

— Во всяком случае, я считаю, что тебе следует знать об этом.

— У каждого могут сдать нервы, — произнес тихо Жевинь.

— У каждого! — резко ответил Флавьер.

Какое-то время они сидели молча. Наконец Жевинь поднял руку, изобразив какой-то невразумительный жест:

— Да, жаль, конечно, но ведь твоей вины в этом не было.

Флавьер открыл портсигар:

— Угощайся, старик.

Когда он рассказывал эту историю, то вновь испытал все то же чувство недоверчивого оцепенения — ведь его никто не воспринимал всерьез. Как же дать им услышать крик Лериша? Крик, который длился бесконечно... и который постепенно из-за ужаса падения переходил с низких нот на высокие. Да, быть может, жена Жевиня действительно испытывает какие-то тайные волнения, однако, какое волнение может сравниться с подобными воспоминаниями? Разве она слышит этот крик, который преследует Флавьера даже во сне? Разве пришлось ей пожертвовать чьей-то жизнью ради своей?

— И все же я могу рассчитывать на тебя? — спросил Жевинь.

— А что конкретно ты ожидаешь от меня?

— Я хотел бы, чтобы ты понаблюдал за ней. Для меня особенно важно будет услышать твое личное мнение. Имея возможность поговорить с тобой о ней, я уже и без того испытываю облегчение. Ты ведь поможешь мне, а?

— Ну, разве чтобы хоть как-то тебя успокоить...

— Старина Роже! Да ты даже не представляешь, до какой степени меня это успокоит. Ты свободен сегодня вечером?

— Нет.

— А жаль. Я хотел бы пригласить тебя к себе домой поужинать. Может, завтра?

— Нет. Лучше, чтобы она не знала меня — это упростит мою задачу.

— Правильно, — согласился Жевинь. — Тем не менее, тебе нужно встретиться с ней.

— А ты пойди с ней в театр. Вот тогда я и смогу хорошенько ее рассмотреть, оставаясь при этом незаметным.

— Завтра вечером как раз мы собрались идти в «Марини». Наши места в литерной ложе.

— Хорошо, я буду.

Жевинь взял Флавьера за руку:

— Спасибо... Вот видишь, — я оказался прав: ты человек находчивый. Мне бы и в голову не пришла мысль о театре...

Порывшись во внутреннем кармане пиджака, он в нерешительности вдруг замер.

— Не сердись, старина, но нам нужно уладить еще один вопрос. Понимаешь... Я уже и так благодарен тебе за то, что ты согласился заняться Мадлен.

— Пустяки... — проронил Флавьер. — Времени у меня много.

— Это правда?

Флавьер хлопнул его по плечу.

— Этот случай заинтересовал меня. Так что дело вовсе не в деньгах. Мне кажется, что Мадлен чем-то похожа на меня и что... да... что у меня есть кое-какой шанс раскрыть тайну, скрываемую ею.

— Уверяю тебя, она не скрывает никакой тайны.

— Это мы еще увидим.

Жевинь взял в руки серую шляпу и перчатки.

— Ну, а как твоя контора? Процветает?

— Да-а, — протянул Флавьер, — жаловаться пока не приходится.

— Если я смогу чем-либо помочь тебе, то ты ведь знаешь — сделаю это от чистого сердца. У меня хорошее положение, особенно теперь.

«Тыловик», — подумал Флавьер. Это слово так неожиданно быстро пришло ему в голову, что он даже отвернулся, чтобы избежать взгляда Жевиня.

— Сюда, — сказал он. — Лифт неисправен.

Они вышли на узкую лестничную клетку, и Жевинь подошел к Флавьеру:

— Действуй по своему усмотрению, — прошептал он. — Как только появится что-то интересное — позвони мне в контору, а еще лучше приходи. Моя контора расположена в здании, примыкающем к «Фигаро»... Единственное, о чем я прошу тебя: действуй так, чтобы Мадлен ни о чем не догадалась... Если она узнает, что за ней следят... Одному только господу известно, что тогда произойдет!

— Положись на меня.

— Спасибо.

Спускаясь по лестнице, Жевинь дважды обернулся, чтобы помахать рукой на прощание. Вернувшись в квартиру, Флавьер подошел к окну и посмотрел вниз. Он увидел тронувшуюся с места и вырвавшуюся к перекрестку огромную черную машину... Мадлен... Ему нравилось это несколько печальное имя, и как только она могла выйти замуж за этого толстяка? Срази меня гром, если она не изменяет ему! Да она просто ломает перед ним комедию. Жевинь вполне заслужил эти рога. Особенно этими своими замашками богача, своими сигарами, своими судоверфями, своими административными совещаниями — словом, всем! Флавьер терпеть не мог слишком самоуверенных людей. И, вместе с тем, он отдал бы что угодно за возможность хоть частично обладать их уверенностью.

Захлопнув окно, Флавьер побрел на кухню, пытаясь убедить себя в том, что он голоден. Ну так что же? Он окинул взглядом стоящие в шкафу консервы — он тоже припас провизии, хотя потом счел это глупостью, будучи убежденным, что война продлится недолго. Неожиданно вид такого количества пищи вызвал в нем тошноту. Взяв несколько сухариков и початую бу-

тылку белого вина, он собрался было присесть, однако, найдя кухню уродливой, отправился в кабинет, грызя по дороге сухарь. На ходу он включил радио, хотя и знал заранее, какими будут сообщения: «Усиление патрулирования. Артиллерийские обстрелы с обоих берегов Рейна...» Однако голос диктора заменит ему живое присутствие. Присев, Флавьер выпил немного вина. Итак, в полиции он не преуспел, к воинской службе оказался непригоден... Так на что же он вообще годен?.. Открыв ящик, он достал оттуда папку зеленого цвета и надписал в правом верхнем углу «Досье Жевиня». После чего вложил в досье множество чистых листков и застыл в неподвижности с пустым выражением глаз.

Глава 2

«Вероятно, я выгляжу, как полный идиот», — подумал Флавьер. Он делал вид, что лениво играет своим перламутровым театральным биноклем, желая казаться важным и пресыщенным жизнью, но никак не мог решиться поднести бинокль к глазам, чтобы рассмотреть Мадлен. Повсюду виднелись люди в военной форме; на лицах женщин, шедших в сопровождении офицеров, читалось гордое удовлетворение. Флавьер ненавидел этих женщин, и его ненависть стала распространяться на все, что его окружало: на армию, на войну, на этот слишком роскошный театр, наполненный воинственным и фривольным шумом. Обернувшись, он увидел Жевиня, сидевшего рядом с Мадлен. Она откинулась на спинку кресла, грациозно склонив хорошенькую головку. Флавьер неясно видел черты ее лица. Похоже, она была худенькой брюнеткой. Но все же у него сложилось впечатление, что Мадлен была хорошенькой и несколько хрупкой, возможно, из-за ее слишком тяжелой прически. Каким же образом толстяку Жевиню удалось добиться любви такой элегантной женщины? И как она вообще могла терпеть ухаживания подобного типа?

Занавес поднялся, и спектакль, совершенно не интересовавший Флавьера, начался. Закрыв глаза, он вспомнил, как они с Жевинем, экономя деньги, ютились в одной комнатухе. Тогда они вели себя крайне

скромно, и студентки, подтрунивая над ними, намеренно заигрывали с ними. Их товарищи, напротив, ухаживали за всеми женщинами подряд. Особенно в этом преуспевал один парень по имени Марко, которого нельзя было назвать ни красавцем, ни слишком умным. Однажды Флавьер поинтересовался, как это ему удастся, но Марко в ответ лишь загадочно улыбнулся, а потом добавил: «Говори с ними так, будто ты уже бываешь с ними в постели... Это единственный способ!»

Однако Флавьер никогда бы не осмелился на такое. Не потому, что не умел себя вести нагло, просто он не мог обратиться к девушке на «ты». В бытность его еще молодым инспектором, коллеги часто посмеивались над ним и считали его скрытным. Мало того, они еще и побаивались его. Да, так когда же Жевинь все-таки осмелился вступить в контакт с женщиной? И кто была эта женщина? Быть может, Мадлен? Флавьер называл ее Мадлен так, словно она уже была его союзницей, а Жевинь — их общим врагом. Он пытался представить себе ресторан гостиницы «Континенталь». Он представил себе, что Жевинь ужинает с Мадлен и что бы выбрать вино, подзывает метрдотеля. Но нет, это невозможно! Метрдотель окинул бы его таким особым взглядом... Затем, ведь нужно было бы пройти через весь этот огромный зал... зайти в спальню... увидеть, как раздевается Мадлен... Ну и что здесь такого? Ведь она в конце концов его жена... Открыв глаза, Флавьер заметался, и им овладело сильное желание уйти. Однако он сидел как раз посередине ряда и нужно было обладать смелостью, чтобы решиться побеспокоить столько людей! Вокруг него смеялись, где-то вспыхнули жидкие аплодисменты, очень скоро они переросли в аплодисменты всего зала, которые, побушевав минуту, стихли. Актеры говорили, разумеется, о любви. Что значит быть актером! Флавьер прямо вздрогнул от отвращения. Краем глаза он искал лицо Мадлен. В позолоченном полумраке ложи ее силуэт вырисовывался, словно портрет. На шее и в ушах у нее сверкали драгоценности, а ее глаза, казалось, тоже сияли. Она сидела неподвижно, склонив голову, похожая на тех незнакомок, которыми любят любоваться в музеях. На затылке ее был искусно сложен пучок волос, в котором сверкали отблески красного дерева. Мадам Жевинь...

Флавьер собирался было направить на нее свой бинокль, однако в этот момент его сосед недовольно заерзал. Тогда Флавьер, опустив голову, сунул бинокль в карман, решив уйти из театра во время антракта. Теперь он был уверен, что уже узнает ее где угодно. При мысли о том, что он станет следить за ней, за ее жизнью, он почувствовал небольшое волнение. Просьба Жевиня выглядела несколько двусмысленно. Если бы только Мадлен узнала, что... Впрочем, она вполне имела право завести себе любовника! Однако он уже знал, что будет страдать, окажись она неверна. Вновь раздались аплодисменты, и зал одобрительно загудел. Бросив на Мадлен мимолетный взгляд, Флавьер увидел, что она сидит в той же позе, что и прежде. Сверкающие в ее ушах бриллианты отбрасывали неподвижный отблеск, в уголках ее глаз теплился живой свет; ее длинная, молочно-белого цвета рука лежала на темном бархате, а сама ложа служила ей как бы рамкой из тусклого золота. В уголке этой картины не хватало лишь подписи, и Флавиеру на миг показалось, что он видит там маленькие красные буквы Р. Ф... Роже Флавьер... Однако это слишком уж глупо! Не станет же он в самом деле принимать на веру слова Жевиня!.. Позволит увлечь себя его воображением... Остановившись на мгновение, он подумал, что ему следовало бы стать писателем, поскольку в его голове неожиданно, с драматической силой возникали всяческие рельефные образы. К примеру, та крыша... с ее покатостью, ее сверкающими отблесками и выцветшими красками дымоходов; доносящееся снизу ворчание улицы, напоминающее рокот потока. Он сжал ладони, как это делал Жевинь. Чтобы познать мешающие жизни тайны, он выбрал профессию адвоката. Все эти люди лгут, как и тот Марко, делая вид, что не замечают препятствий. Но кто знает, не ищет ли сейчас в свою очередь и Марко доверенное лицо? На сцене мужчина целовал женщину. И тут ложь! Жевинь тоже целует Мадлен, а ведь она при всем при этом остается чуждой ему. В действительности они все, как и Флавьер, идут, спотыкаясь, по крыше, на краю которой—пропасть. Смеясь и занимаясь любовью, они одновременно испытывают страх. Кем бы они стали, не будь священников, врачей и судейских?!

Занавес опустился, а затем снова поднялся. Висящая под потолком люстра осветила зал резким светом, от которого лица зрителей стали серыми. Чтобы удобнее было аплодировать, публика поднялась со своих мест. Мадлен медленно обмахивалась программкой в то время, как ее муж говорил ей что-то на ухо. Эта картина тоже была знакома: «Женщина с веером»... возможно, она напоминала какую-то картину Полины Лажерлак. Пожалуй, ему лучше выйти. Флавьер вошел в разбредаящуюся по коридорам и заполняющую все пространство толпу. На какую-то минуту его задержала остановившаяся у гардероба группа людей. Выбравшись оттуда, он чуть было не столкнулся с Жевинем и его женой. Но лишь проследовал вплотную мимо Мадлен, слегка коснувшись ее, хотя и узнал, что это она, лишь пройдя несколько метров вперед. Он хотел было обернуться, но толпа молодых офицеров, пробираясь к бару, увлекла его за собой. Спустившись на несколько ступенек, он внезапно передумал. Тем хуже ему необходимо было побыть одному...

Он полюбил эти ночи во время войны, эти длинные пустынные авеню, по которым разгуливал нежный, побывавший на лужайках с цветущей магнолией ветерок. Флавьер ступал бесшумно, будто был беженцем. В его памяти без особого труда возник образ Мадлен, ее черные, слегка подсвеченные хной волосы. Он мысленно задержался на ее голубых глазах, таких светлых, что они не в состоянии были выразить какую бы то ни было страсть и казались неживыми. Под выступающими скулами щеки казались впалыми, и эта оттененная впалость таила в себе какую-то томность. Тонкие, слегка подкрашенные губы напоминали губы мечтательной девушки. Мадлен... да, это имя было создано специально для нее. А вот фамилия Жевинь... Она вполне могла носить какое-нибудь имя с бесполезным, однако красивым титулом. Да она просто несчастна, черт возьми. Жевинь же выдумал какую-то дурацкую историю, даже не догадываясь, что его жена погибает от скуки рядом с ним. Она была слишком манерной, слишком утонченной для того, чтобы довольствоваться существованием в кричащей роскоши. Не потеряла ли она любовь к живописи? Флавьера уже занимала мысль не о том...

как бы следить за ней, а о том, как бы уберечь ее и, возможно, даже помочь ей.

«Я совсем сошел с ума, — подумал Флавьер. — Еще немного, и я влюблюсь в нее. Мадам Жевинь просто-напросто нуждается в тонизирующем средстве, вот и все!» Недовольный собой и даже несколько оскорбленный, он ускорил шаг.

Возвратившись к себе, он решил, что сообщит Жевинию: непредвиденное дело требует его срочного отъезда в провинцию. С чего это он вдруг станет жертвовать своим спокойствием ради человека, которому, собственно, было глубоко наплевать на него самого?! Ведь если бы Жевинь очень нуждался в его помощи, то мог бы объявиться и несколько раньше. Нет, к черту семейство этих Жевиней!

Он заварил себе ромашку. «Что подумала бы она обо мне, увидев меня? Вероятно, что я старый холостяк, погруженный в свое одиночество!»

Спалось ему плохо, однако, проснувшись, он вспомнил, что ему предстоит наблюдать за Мадлен. Эта мысль обрадовала его, хотя заставила тут же устыдиться этого. И все же радость — настойчивая и беспредельная, словно потерявшаяся собака, которую не решаются прогнать, — не покидала его. Он включил радио. Диктор снова сообщал об артиллерийских обстрелах и патрулировании! Пусть, все эти сообщения не отравляли его чувства радости от предстоящей работы. Его не покидало чувство счастья. Насвистывая, он закончил несколько дел, позавтракал в маленьком ресторанчике, который посещали только завсегдатаи. Его перестала смущать даже его штатская одежда, и он уже не чувствовал на себе подозрительные и враждебные взгляды. Ведь в том, что он освобожден от воинской повинности, его вины нет.

Флавьер не стал дожидаться двух часов и сразу отправился на авеню Клебер. После недели пасмурной погоды на улице было приятно и солнечно, но несмотря на это, авеню была малолюдная. Окинув быстрым взглядом улицу, он заметил стоящую перед солидным домом машину марки «Тальбо», Флавьер не спеша обошел ее. Вот он и на месте. Мадлен живет здесь... Вынув из кармана газету, он стал медленно прохаживаться вдоль нагретых солнцем фасадов. Опустив взгляд

в газету, он краешком глаза внимательно следил за происходящим у интересующего его дома... «Над Эльзасом сбит разведывательный самолет... В Нарвик выслано подкрепление...» Ну что ж, а он сейчас в отпуске, у него назначено свидание с Мадлен, и он располагает временем. Вернувшись на место, откуда он начал свое наблюдение, он заметил выставленные на тротуар три столика — здесь находилось небольшое кафе.

— Кофе, пожалуйста, — заказал Флавьер.

Сев за один из столиков, Флавьер отметил про себя, что отсюда хорошо просматривался весь дом: высокие окна, украшенные под моду начала века, балконы с выставленными на нем цветочными горшками; несколько выше — мансарды и слегка выцветшее голубое небо. Его взгляд снова опустился, и он увидел, как «Тальбо», плавно тронувшись с места, направилась в сторону площади Этуаль — это отправился на работу Жевинь. Значит, вскоре должна появиться и Мадлен...

Залпом допив кофе, Флавьер усмехнулся. В общепто у него нет никаких оснований твердо быть уверенным, что она сейчас выйдет из дома... Но что-то подсказывало ему: обязательно выйдет! У нее не может не возникнуть желания насладиться этим солнцем, этим молчаливым праздником листвы, этими блуждающими в пространстве пушистыми семенами... Наконец, она выйдет просто потому, что он ждет ее...

И вдруг, он даже вздрогнул от неожиданности, он увидел, что по тротуару приближается к нему Мадлен. Отложив газету, Флавьер поспешно перешел на другую сторону улицы. На женщине был серый, очень зауженный в талии костюм, под мышкой у нее была черная сумочка. Остановившись, она стала натягивать на руку перчатку, исподволь осматриваясь вокруг. Легкое прикосновение ветерка волновало пену кружев в отвороте костюмного пиджака, а лоб и глаза скрывала небольшая грациозная вуалька. Флавьер подумал, что эта женщина как бы в полумаске. Он с удовольствием написал бы картину с этого стройного силуэта, очерченного на очень бледном фоне домов в стиле рококо, тонкой линией солнечных лучей. Он тоже когда-то занимался живописью, но, правда, без особого успеха. Кроме того, он достаточно хорошо умел играть на фортепиано, вызывая даже зависть у некоторых профессиона-

лов. Он как раз принадлежал к числу тех людей, которые ненавидят посредственность, однако сами не в состоянии развить в себе талант, то есть множество различных способностей, однако и разочарований не меньше! Впрочем, какое это имеет значение теперь, когда в его жизни появилась Мадлен...

Идя вверх по авеню, она дошла до площади Трокадеро и приблизилась к эспланаде, сияющая белизна которой резала глаза. Никогда еще Париж так сильно не походил на парк, как сейчас. На лужайках, словно хорошо знакомый тотем, возвышалась Эйфелева башня. Сады склонились к Сене, вереницей окружая лестницы, похожие на неподвижные каскады с цветами по бокам. Какой-то буксир, проплывая по Сене, издал заглохший под арками хриплый зов-гудок. В этом неестественном состоянии между войной и миром все чувствовали себя плохо от простого и вместе с тем мучительного волнения. Не потому ли Мадлен идет сейчас такой усталой походкой? Она, казалось, была занята какими-то мучительными вопросами и пребывала в состоянии неуверенности. Вот она остановилась у входа в музей, снова пошла вперед, словно ее несло по какому-то невидимому течению. Перейдя улицу, она какое-то время блуждала среди прогуливающих по авеню Анри Мартен людей, но, наконец, решившись, направилась к кладбищу Пасси.

Мадлен медленно бродила среди могил, и Флавьер уже готов был поклясться, что здесь она просто продолжала свою прогулку. Оставив позади торжественный ряд крестов, мраморных и бронзовых изваяний, она сразу же покинула центральную аллею. Идя по наиболее скрытым от людских глаз уголкам кладбища, она смотрела то налево, то направо, разглядывая почерневшие надписи надгробий, ржавые ограды и лежащие кое-где букеты увядших цветов. Вокруг прыгали воробьи, а шумы города доносились сюда уже откуда-то издалека. Создавалось впечатление, что ты находишься в каком-то странном царстве, вне сиюминутного течения жизни, будто внезапно изменил место своего существования. Вокруг не было ни души, однако каждый крест заменял собой кого-то, а каждая эпитафия заставляла представить какое-то лицо. Мадлен медленно шла среди этой окаменелой толпы, и ее тень ложилась рядом

с тенями крестов; она шла, спотыкаясь о ступени склепов, внутри которых стояли на страже полуразрушенные ангелочки. Время от времени она останавливалась и читала чье-либо полустертое временем имя: «**Семья Мерсье**»... «**Альфонс Меркадье. Он был хорошим отцом и супругом**». Многие камни покосились, словно потерпевшие крушение суда. На них грелись ящерицы с пульсирующими шеями и обернутыми к солнцу змеиными головками. Мадлен, похоже, нравились эти уединенные места. Она не спеша продолжала свой путь, постепенно смещаясь к центру кладбища, вот она неожиданно наклонилась и подняла выпавший из чьей-то сумки тюльпан, а затем подошла и остановилась перед чьей-то могилой. Спрятавшийся за каким-то склепом Флавьер хорошо видел ее. Лицо Мадлен не выражало ни экзальтации, ни растерянности. Напротив, оно казалось отдохнувшим, спокойным и счастливым. О чем же она думает? Мадлен стояла, опустив руки и по-прежнему сжимая в пальцах цветок. Она вновь походила на чей-то портрет, на одну из тех женщин, кого сумел увековечить гений художника. Застыв в каком-то внутреннем созерцании, она полностью погрузилась в себя. В голове Флавьера вспыхнуло слово «экстаз». Не тот ли это кризис, о котором ему рассказывал Жевинь? Быть может, Мадлен подвержена мистическому бреду? Однако при этом присутствуют весьма характерные симптомы, не позволяющие ошибиться в диагнозе. Должно быть, Мадлен просто молится за какого-нибудь недавно усопшего родственника. Но могила выглядела старой и давно заброшенной...

Посмотрев на часы, Флавьер отметил, что Мадлен простояла у могилы ровно двенадцать минут. Теперь она снова вышла на центральную аллею, рассматривая с тем же, хотя уже несколько пресыщенным видом надгробия, как будто бы в области кладбищенской архитектуры и скульптуры для нее не существовало ничего нового. Флавьер на ходу бросил взгляд на могилу, у которой стояла Мадлен:

ПОЛИНА ЛАЖЕРЛАК

1840—1865 гг.

Хотя внутренне Флавьер был готов увидеть именно эту надгробную надпись, он все же почувствовал себя

потрясенным до глубины души, но, взяв себя в руки, продолжил наблюдение. Жевинь был прав: в поведении Мадлен есть нечто такое, что не поддается пониманию. Он вспомнил, как она стояла у могилы — даже не выразив своего состояния ни руками, ни наклоном головы, а совершенно неподвижно, как стоят обычно в местах, связанных с воспоминаниями, например, перед родительским домом. Однако он тут же отверг эту абсурдную мысль, вселяющую в него смутный ужас, и приблизился к Мадлен, которая так и держала в руках тюльпан. Несколько ссутулившись, усталой походкой она спускалась к Сене.

Дойдя прогулочным шагом до набережной, Мадлен направилась вдоль реки, глядя на воду, переливающуюся бликами солнца. Было довольно жарко, и прохожие, держа шляпы в руках, то и дело утирали пот с лица. Сена спокойно и уверенно несла свои воды между каменными набережными. На берегу спали клошары, а первые стрижи, уже заливаясь щебетом, неистово кружили вокруг мостов. В строгом сером костюме и в туфлях на высоких каблуках Мадлен воспринималась совершенно вне всего этого праздника, словно путешественница, грустно ожидающая прихода своего поезда. Время от времени она теребила пальцами стебелек найденного на кладбище тюльпана. Перейдя по мосту на другую сторону Сены, она облокотилась о парапет и стала легкими движениями прикасаться стебельком к щеке. Может быть, она назначила кому-нибудь свидание здесь?.. Или просто остановилась отдохнуть?.. А может, просто наблюдала за игрой волн возле лодок и переливами отблесков на водной глади?.. Должно быть, очень далеко, внизу, как в зеркале, она видела в воде свое отражение вместе с солнечными бликами и длинной тенью гнutoго моста. Флавьер, сам не зная почему, подошел ближе, но Мадлен стояла неподвижно. Затем она бросила в воду тюльпан, и маленькая красная точка начала медленно удаляться, вращаясь вокруг своей оси и покачиваясь на волнах. Пройдя вдоль баржи, Мадлен спустилась к реке. Флавьера неожиданно заинтересовала судьба этого жалкого цветка, который превратился в ярко-красную точку, однако оторвать от нее глаз он был не в силах. Подхваченный течением, цветок поплыл быстрее, затерялся среди

волн, а затем и вовсе исчез. Но Мадлен, бессильно опустив руки, все еще всматривалась в блестящую гладь воды. Флавьеру показалось, что она улыбается; вдруг выпрямившись, она снова направилась на противоположный берег Сены, но уже по другому мосту. Домой она возвращалась с тем же выражением беспечности и безразличия к происходящему вокруг, с каким вышла из дома. В половине пятого Мадлен переступила порог своего дома, и Флавьер, осознавая свою ненужность и испытывая чувство глубокого отвращения к самому себе, ощутил некоторую растерянность. Итак, чем же ему заняться вечером? Это наблюдение поселило в нем какое-то щемящее чувство, сделав его одиночество еще более невыносимым. Зайдя в небольшое кафе, он набрал номер телефона:

— Алло!.. Это ты, Поль?.. Это Роже... Я могу заскочить к тебе на минутку?.. Нет, нет, ничего не сорвалось... Просто хочу задать тебе несколько вопросов... Хорошо, иду.

— Вы бы не могли, месье, немного подождать? Месье директор проводит совещание.

Секретарь-машинистка ввела Флавьера в обставленную массивной мебелью приемную. «Не пытается ли он пустить мне пыль в глаза?» — подумал Флавьер, но тут же увидел, как Жевинь выпроваживал своих посетителей.

— Очень рад тебя видеть, — бросился к нему Жевинь, — сегодня мы совсем сбились с ног.

Кабинет Жевиня оказался большим, светлым и обставленным на американский манер — стол с металлическими папками, кресла со стальными ножками, пепельницы на никелированных подставках. А на стене — огромная карта Европы с приколотой булавкой красной полосой, обозначающей линию фронта.

— Ну что? Ты видел ее?

Присев, Флавьер закурил.

— Да.

— И что она делала сегодня?

— Ходила на кладбище Пасси.

— Как?! На могилу к...

— Да.

— Вот видишь, — сказал Жевинь, — вот видишь!..

Возле телефона, в углу стояла фотография Мадлен, и Флавьер не мог оторвать от нее глаз.

— На могиле нет ничего, кроме простого указания имени и дат жизни и смерти. Но ведь родственники твоей жены тоже, вероятно...

— Да нет! Все ее родственники похоронены в Арденах, а склеп моей семьи находится в Сент-Уэне... Одна лишь Полина Лажерлак похоронена на кладбище Пасси. Это совершенно ужасно! А как ты объяснишь этот визит? Что же обозначает это странное паломничество?.. Уверяю тебя, она далеко не первый раз ходила туда!..

— Да, она действительно не наводила у служителей кладбища никаких справок, сама прекрасно сориентировалась и нашла могилу.

— Черт возьми!.. Говорю же тебе, что Мадлен будто околдована образом этой Полины...

Засунув руки в карманы, Жевинь принялся расхаживать вдоль своего стола. Его толстая шея неестественно выглядывала из ворота рубашки. Зазвонил телефон, и он резким движением поднял трубку, а затем, похлопывая ею по ладони, прошептал:

— Она, наверное, воображает себя этой Полиной! Ты представляешь? Да о каком спокойствии для меня вообще может идти речь!

Из трубки доносился чей-то приглушенный голос, и Жевень, поднеся ее к уху, произнес властным голосом:

— Алло! Я слушаю... А-а, это вы, мой дорогой!

Флавьер смотрел на фотографию Мадлен, на ее слегка оживляемое глазами лицо статуэтки. Продиктовав с гневно сдвинутыми бровями свои распоряжения, Жевинь швырнул трубку. Теперь Флавьер уже пожалел, что пришел сюда. Он вдруг почувствовал, что своим вмешательством Жевинь лишь внесет в ее жизнь полный хаос. И та же страшная мысль опять терзала его: а что, если душа Полины?..

— Как они мне все осточертели! — жаловался тем временем Жевинь. — Ты даже себе не представляешь, старина, какая здесь творится неразбериха!

— Лажерлак — это что, девичья фамилия твоей жены? — спросил Флавьер.

— Нет, ее фамилия была Живор... Мадлен Живор.

Родителей своих она потеряла три года назад. Ее отец владел заводом по производству бумаги под Мезвером. Это довольно крупное предприятие!.. Его основал еще их дед... Он, кстати, уроженец этих мест.

— Но ведь... Полина Лажерлак жила в Париже?

— Погоди.

Своими сплетенными пальцами Жевинь прошелся по бювару.

— Все это очень проблематично... видишь ли... однажды моя теща показала мне дом своей бабушки Полины — старое здание на улице Сен-Пер. На первом этаже, кажется, расположена какая-то лавка, по-моему, антикварная... Ну, так что ты думаешь о Мадлен? Разумеется, после того, как ты увидел ее?

Флавьер пожал плечами:

— Пока еще ничего.

— Однако ты согласен, что с ней творится что-то непонятное?

— Полагаю, что да... Ты не знаешь, она полностью забросила живопись?

— Да, полностью...

— А почему она забросила живопись?

— Понимаешь ли... у нее довольно непостоянный характер. Да и потом со временем все люди меняются.

Встав, Флавьер протянул Жевиню руку.

— Ну, не буду тебе мешать работать, старина. Я вижу, ты очень занят.

— Ничего, — прервал его Жевинь, — это все не имеет никакого значения... Лишь бы с Мадлен было все в порядке. Скажи мне откровенно... Как, по-твоему, она ненормальная или же?..

— То, что она не сумасшедшая, я ручаюсь, — ответил Флавьер. — Да, хотел спросить: она много читает? Ты не замечал за ней какой-нибудь навязчивой идеи?

— Да нет, читает она немного, как и все — в основном нашумевшие книги, иллюстрированные журналы... Что же касается навязчивой идеи, то я, право, ничего подобного за ней не замечал.

— Я продолжу свои наблюдения за твоей супругой, — сказал Флавьер.

— Что-то я не замечаю в тебе особого энтузиазма.

— У меня складывается впечатление, что мы попусту тратим время.

Не мог же он признаться Жевиню, что решил ходить за Мадлен целыми неделями и даже месяцами и что он не обретет покоя до тех пор, пока не проникнет в ее тайну.

— Ты сам видишь, что у меня за жизнь: работа да поездки и ни одной свободной минуты, я очень прошу тебя — займись ею. Только в этом случае я буду чувствовать себя гораздо спокойнее.

Он проводил Флавьера до самого лифта.

— Позвони, если удастся узнать что-нибудь новое.

— Хорошо.

Флавьер вышел и очутился в потоке служащих, покинувших свои учреждения после рабочего дня. Купив вечернюю газету, он прочел, что на границе с Люксембургом сбиты два самолета. В передовице утверждалось, что немцы несомненно проигрывают эту войну, что они заблокированы и готовы задохнуться, поскольку скованы в действиях. Высшее командование все предусмотрело и ожидало лишь отчаянной вылазки врага, дабы раз и навсегда покончить с ним.

Зевнув, Флавьер сунул газету в карман. Эта война перестала его интересовать. Теперь для него существовала лишь одна Мадлен. Сев на террасе кафе, он заказал содовую. В его воображении предстала Мадлен, задумавшаяся над могилой Полины Лажерлак... ее тоска по могиле... Нет! Это невозможно!.. Впрочем, кто знает, что возможно, а что нет?!

Домой Флавьер вернулся с сильной головной болью. Раскрыв энциклопедический справочник, на букву «Л», он разумеется, ничего там не обнаружил. Да он заранее знал, что фамилии Лажерлак там не могло быть, однако не смог бы заснуть, не проверяя, на всякий случай, этот факт. Он догадывался, что совершит еще множество абсурдных поступков просто так, на «всякий случай». Как только он начинал думать о Мадлен, то терял все свое хладнокровие. Женщина с тюльпаном! Он попытался нарисовать себе склоненный силуэт на фоне реки. Затем усилием воли отогнал от себя все видения, проглотил две таблетки снотворного и лег спать.

Мадлен прошла вдоль Палаты Депутатов, перед которой прохаживался часовой с винтовкой. Как и накануне, она вышла из дома сразу же после ухода Жевиня. Однако на сей раз она шла быстро, и Флавьер вплотную следовал за ней, интуитивно опасаясь несчастного случая, поскольку Мадлен переходила улицу, не обращая никакого внимания на машины. Куда это она так торопится? Свой серый костюм она сменила на коричневый очень простого покроя, а на голове у нее был берет. Туфли без каблуков совершенно изменили ее походку. Теперь она казалась еще моложе, и в ней появилось что-то мальчишеское. Мадлен пошла по бульвару Сен-Жермен, стараясь держаться в тени, которую отбрасывали здания. Возможно, она направляется в Люксембургский сад? Или же в Географический зал?.. На сеанс оккультизма?... Внезапно Флавьер все понял. Чтобы убедиться в правильности своей догадки, он подошел поближе. До него донесся аромат ее духов, напоминающий запах увядшего букета, запах земли... Он уже где-то вдыхал подобный запах, но где?.. И Флавьер вспомнил, что это было накануне, в пустынных аллеях кладбища Пасси. Его волновал этот запах, напомнивший дом его бабушки, стоящий под Сомюром, на склоне холма. Людские жилища там были будто высечены в скале. Люди поднимались к ним по лесенкам, словно Робинзоны. Из отвесной скалы то там, то тут торчали печные трубы, а над каждой из них тянулся по скале черный след от дыма, пачкавшего белые камни. Он приезжал туда во время каникул, чтобы побродить, заглянуть мельком в эти странные жилища, в которых видна была мебель. Что это было? Дома? Карьер? Толком этого никто не знал. Однажды он вошел в одно из таких гнезд, покинутое владельцами. Жилище едва освещалось дневным светом. Стены были холодными и шероховатыми, словно края ямы, а тишина, царившая там, навевала ужас. По ночам здесь, вероятно, слышно, как крот роется в земле, а с потолка, возможно, время от времени сваливались, скручиваясь, черви. Видневшаяся в глубине расшатанная дверь вела в отдающий затхлостью подвал. А там, вероятно, открывался целый мир галерей, коридоров и бесконечного числа проходов в самое сердце скалы. Страх появлялся там, где взду-

вались серые грибы. И со всех сторон пахло... пахло землей... или духами Мадлен. Здесь, на залитом солнцем бульваре, где молодая листва трепетала, словно тени протянутых рук, Флавьер снова ощутил привлекательность сумерек и понял, почему Мадлен сразу привела его в волнение. В его памяти возникли другие образы, но особенно отчетливо один: когда ему было двенадцать лет, он, сидя в тени той стены, откуда виднелись зеленые луга, виноградники и облака — и все это убегало куда-то в звонкую даль, смешивалось и обгоняло друг друга — читал незабываемую книгу Киплинга «Свет погас». Напечатанная на первой странице гравюра изображала девчужку и мальчугана, склонившихся над револьвером. Ему припомнилась абсурдная, но всегда волновавшая его до слез фраза: «По дороге, ведущей в Южную Африку, ехал ле Барралонг...» Теперь он был уверен в том, что одетая во все черное девочка была похожа на Мадлен, та самая девочка, о которой он мечтал по вечерам, перед тем, как заснуть, которая грезилась ему во сне. Да, все это, конечно, выглядит смешно, особенно для такого человека, как Жевинь. Однако все это было похоже на правду, по-своему, словно вновь обретенный тяжкий, как таинственная очевидность, однажды уже забытый сон. Впереди него шла изящная, в грезе теней, пахнущая хризантемами Мадлен. Когда она свернула на улицу Сен-Пер, Флавьер испытал чувство глубокого удовлетворения. Это, конечно, еще ничего не значило...

На этой улице находился дом, о котором ему говорил Жевинь. Это, вне всяких сомнений, именно тот дом, раз Мадлен входит в него. Да кроме того, на первом этаже расположена антикварная лавка. Лишь в одном Жевинь ошибся: в этом доме размещалась гостиница «Фэмилли Отель», в которой насчитывалось не менее двадцати комнат, и была она одной из тех небольших уютных гостиниц, в которых так любят останавливаться провинциальные маньяки, преподаватели и судьи. На двери висела табличка: «свободных мест нет». Флавьер открыл дверь и сидящая за стойкой женщина с вязанием посмотрела на него поверх очков.

— Нет, нет, — пробормотал Флавьер, — мне не нужна комната... меня интересует имя той дамы, которая только что вошла сюда.

— А сами вы кто?

Флавьер сунул под свет лампы свое старое инспекторское удостоверение, сохраненное им, как и многие другие вроде бы совершенно ненужные вещи: старые трубки, исписанные ручки, просроченные счета... Его бумажник был полон всевозможных пожелтевших писем, почтовых чеков и корешков от ордеров.

Флавьер мысленно похвалил себя за то, что хоть раз в жизни наследие прошлого пригодилось ему. Старуха смотрела на него все так же косо.

— Мадлен Жевинь, — произнесла она наконец.

— Но вы ведь не впервые видите ее здесь?

— Конечно нет! — воскликнула старуха. — Мадам приходит сюда довольно часто.

— А не принимает ли она кого-нибудь в своем номере?

— Это женщина честных правил, — ответила старуха и хитро улыбнулась.

— Ответьте, пожалуйста, — настаивал Флавьер. — Не принимает ли она посетителей?.. Ну, скажем, какую-нибудь подругу?

— Нет, она никогда никого здесь не принимала.

— А чем же она здесь занимается?

— Этого я не знаю... Я не имею привычки следить за своими постояльцами.

— А какую комнату занимает она?

— Комнату номер девятнадцать, на четвертом этаже.

— Это хорошая комната?

— Вполне приличная, хотя у нас имеются и лучше, но ее устраивает эта. Поначалу я предложила ей двенадцатую... Но она настояла на девятнадцатой — ей непременно хотелось, чтобы комната располагалась на четвертом этаже, а окна выходили во двор.

— А она не объяснила этого своего желания?

— Нет. Возможно, из-за солнца.

— Если я правильно понял, она сняла у вас комнату?

— Да. Она сняла ее на месяц вперед.

— И как давно?

Оставив вязание, старуха заглянула в регистрационный журнал.

— Черт возьми! — проворчала она. — Ага, вот. Уже более трех недель тому назад, в начале апреля...

— А долго ли она обычно бывает там, наверху?

— По-разному. Когда час, а когда и больше...

— А вещей она с собой никаких не приносит?

— Нет, не приносит.

— И как часто она приходит?

— Раз в два-три дня.

— А вы никогда не замечали за ней никаких странностей?

Подняв очки на лоб, старуха медленно потеряла свои морщинистые веки.

— У каждого из нас есть свои странности, — ответила она... — Вот если бы вы всю жизнь провели за гостиничной стойкой, то уже не задавали подобных вопросов.

— А она когда-нибудь пользуется телефоном?

— Нет.

— А как давно существует эта гостиница?

Морщинистые веки снова приподнялись, и на Флавьера посмотрели глаза со мстительным выражением.

— Лет пятьдесят.

— А раньше... до этого, что здесь было?

— Что здесь было? Я думаю, здесь был обычный дом.

— Не приходилось ли вам когда-нибудь слышать о некой Полине Лажерлак?

— Нет. Но если эта женщина останавливалась у нас в гостинице, я могу поискать в записях...

— Не стоит беспокоиться...

Они снова обменялись взглядами.

— Благодарю вас, — сказал Флавьер.

— Не за что, — ответила старуха.

Спицы снова стали мерно позвякивать в ее руках, а он все еще стоял, вертя в руках зажигалку. «Я совсем потерял нюх, — думал он, — я уже совершенно разучился вести расследование...» У него возникло желание подняться наверх и посмотреть в замочную скважину, однако, зная заранее, что он ничего там не увидит, Флавьер распрощался и вышел.

Зачем понадобилась ей комната именно на четвертом этаже и непременно с окнами, выходящими во двор? Вне всяких сомнений, эта комната ранее принадлежала

Полине! Однако Мадлен не могла знать об этой детали, равно как не могла она знать и о самоубийстве... Но тогда?.. Какая мистика привела ее в гостиницу? Флавьер находил этому несколько объяснений: внушение, ясновидение, помутнение рассудка, однако не мог остановиться ни на одном из них. Ведь Мадлен всегда была человеком нормальным, уравновешенным. Да к тому же ее обследовали разные специалисты-медики... Нет, здесь что-то другое.

Вернувшись к гостинице, Флавьер чуть было не побежал, увидев, что Мадлен, не проведя в своей комнате и получаса, все так же поспешно направляется к набережной. Пройдя мимо вокзала Орсей, она остановила такси. Флавьер, в свою очередь, едва успел остановить и вскочить в другую машину.

— Следуйте за тем «Рено»! — скомандовал он.

Ему следовало бы взять свою машину — ведь только что Мадлен чуть было не ускользнула от него... А если бы она обернулась. Однако на мосту Конкорд движение было интенсивным, а Елисейские поля были так забиты, как в горячие часы довоенных лет. Такси Мадлен поднималось к площади Этуаль. «Да она просто-напросто возвращается к себе домой», — мелькнуло в голове Флавьера. Повсюду ходили люди в военной форме, шныряли лимузины с флажками, словно это был праздник 14 июля. В конце концов это начинало вызывать какую-то лихорадочность. Флавьеру нравилось это чувство бурлящей жизни и смутное предчувствие опасности. Объехав вокруг Триумфальной Арки, «Рено», в котором ехала Мадлен, направилось к воротам Майо. Впереди была видна прямая линия залитого солнечной пылью авеню Нейи... Здесь машин было уже меньше, следовали они неторопливо.

— Похоже, что теперь бензин ограничат даже для такси, — жаловался шофер.

Флавьер подумал, что благодаря связям, он получит столько талонов, сколько захочет. Он тут же разозлился на себя за подобную мысль. А впрочем, что здесь такого? Десятью литрами больше, десятью меньше — это при такой-то нехватке горючего!

— Остановите здесь, — попросил он.

Мадлен сошла в конце моста Нейи. Флавьер уже заранее подготовил бумажки и мелочь, чтобы не терять

времени при расчете, и был удивлен, что Мадлен удалялась от него тем же неторопливым, беспечным шагом, что и накануне. Она совершенно бесцельно, просто ради своего удовольствия шла вдоль Сены. Между гостиницей, в которой она только что побывала, и набережной Курбеуа не существовало никакой видимой связи. К чему же тогда эта прогулка? Ведь в Париже набережные намного красивее! Быть может, она избегает людей? Быть может, ей необходимо подумать или помечтать, глядя на медленное течение воды? Ему вспомнились маленькие островки на Луаре, песчаные косы, ивняк, из которого доносились рулады лягушек. Он почувствовал духовную близость с Мадлен до такой степени, что ему даже захотелось подойти поближе и обратиться к ней. Им даже говорить не нужно было бы. Они просто шли бы рядом, глядя, как мимо проплывают баржи. Ну вот, он уже, похоже, начал бредить. Флавьер намеренно остановился, дав Мадлен возможность отойти подальше. Он даже подумал, а не вернуться ли ему обратно? Однако в этой слезке чувствовалось нечто опьяняющее, подозрительное, целиком захватывающее его воображение. И он пошел дальше...

Песок, камни и опять песок... то здесь, то там деревенская пристань, подъемный кран, стоящие на узкоколейке вагонетки, а напротив в серых тонах вырисовывается остров Гранд-Жатт. Зачем же она приехала в этот неприветливый, неудобный пригород? Куда она заведет его? Они были здесь совершенно одни. Она шла, не оборачиваясь, по-прежнему глядя на реку. Через некоторое время Флавьером стал овладевать смутный страх. Нет, это не просто прогулка... Что же тогда? Бегство? Амнезический кризис? Ему и прежде приходилось видеть людей, утративших память. Их находили вдоль дорог в изнеможении. Они были удивлены и говорили голосом лунатиков. В это время Мадлен, перейдя дорогу, уселась на террасе небольшого кафе для речников: под вылинявшим тентом стояло несколько железных столиков. Укрывшись за бочками, Флавьер не упускал из виду ни одного ее жеста. Вынув из сумочки листок бумаги и ручку, она сперва протерла рукой стол. Хозяина быстро не было видно. Мадлен принялась старательно, с несколько страдальческим выражением лица писать что-то. «Точно! Она влюблена в кого-то, —

подумал Флавьер, — и этот кто-то мобилизован». Однако, поразмыслив, он отбросил и эту гипотезу. Зачем ей понадобилось бы ехать сюда, тогда как написать письмо куда удобнее было бы дома, где за ней никто не следил? Писала она быстро, размашисто и не отрывая ручки от бумаги. Свое послание она, несомненно, продумала уже по дороге или же в гостинице. Все это выглядело по крайней мере странным. А может быть, это письмо о разрыве отношений?.. Тогда эти хождения еще как-то можно было бы объяснить... Однако зачем же тогда она ходила на могилу Полины Лажерлак?

Обслуживать Мадлен никто не спешил. Должно быть, хозяин кафе, как и все, призван в армию. Сложив листок и положив его в конверт, Мадлен тщательно запечатала его. Оглянувшись вокруг, она хлопнула в ладоши, однако в доме не колыхнулась даже занавеска. Тогда, держа письмо в руках, Мадлен встала. Собралась ли она возвращаться? Она так и стояла в нерешительности, а Флавьер готов бы отдать что угодно, лишь бы получить возможность прочесть адрес на конверте. Пребывая по-прежнему в нерешительности, Мадлен спустилась к реке, пройдя совсем рядом с бочками, за которыми прятался Флавьер, и он снова почувствовал аромат ее духов, а поднявшийся теплый ветерок слегка шевелил ее одежду. В профиль лицо ее оставалось непроницаемым, ничего не выражающим, разве что скуку. Слегка наклонив голову, она повертела в руках конверт, а затем неожиданно разорвала его надвое, вчетверо, а затем на множество мелких клочков, которые пустила по ветру, и они полетели, кружась над камнями, бежали по поверхности воды прежде чем остановиться и погрузиться в волны. А она, стоя на берегу, наблюдала за ними, терла друг о друга пальцы, словно желая стереть с них невидимую пыль, очистить от неприятного соприкосновения. Носком туфли она извлекла несколько застрявших в траве клочков бумаги и сбросила их в реку. Они тут же исчезли в воде. Затем Мадлен спокойно ступила вперед.

— Мадлен!

Стоя за бочками, он смотрел, не понимая, что происходит. Перед ним не осталось ничего, кроме крошечного клочка белого конверта, который скользил по гравию, словно ученица балетной школы.

— Мадлен!

Сорвав с себя на ходу пиджак и жилет, Флавьер ринулся к воде, которая расходилась кругами, — и нырнул. От холода у него сдавило грудь. Вместе с тем все внутри у него кричало, звало, словно в каком-то бреду: «Мадлен!.. Мадлен!..» Вытянув руки, он наощупь касался этого липкого мрака. Оттолкнувшись, он шумно вынырнул на поверхность, высоко, почти до пояса и заметил ее в нескольких метрах, лежащую на спине. Она выглядела слабой и отяжелевшей, словно утопленница. Флавьер поднырнул, чтобы подхватить ее за талию, однако почувствовал, как его относит течение, как струится вода сквозь пальцы, словно водоросли. Тогда он поплыл, помогая ногами и борясь с течением, затем вдохнул воздух, обернулся и сквозь воду и мрак разглядел медленно погружающуюся темную массу. Одним рывком он поднырнул к ней, зацепился за одежду и быстро пробежал пальцами по телу, ища шею. Зажав голову под мышкой, он выбросил на поверхность другую руку как бы для того, чтобы побыстрее всплыть. Тело оказалось тяжелым, кроме того, его необходимо было как бы вырвать из ямы, выдернуть с корнями из воды. Невдалеке он увидел быстро приближающийся берег, однако силы его иссякли, дышал он с трудом, ему не хватало тренированности. Вдохнув побольше воздуха, он решил пересечь течение по диагонали, направляясь к лестнице, возле которой на якоре покачивалась лодка. Плечо его ударилось о якорную цепь, за которую он тут же ухватился и по которой добрался до берега. Под ногами он ощутил затопленные ступеньки. Отпустив цепь, Флавьер ухватился за камень, встал на одну ступеньку, затем на другую, держа тело Мадлен. Положив Мадлен на ступеньку, он подхватил ее уже более удобно и на одном дыхании донес до самого берега. И лишь после этого, опустившись на колени, совершенно обессиленный, повернулся на бок. Ветер приятно охлаждал его лицо. Мадлен подала признаки жизни, и тогда он, присев на корточки, внимательно посмотрел на нее. Выглядела она жалко: к щекам прилипли волосы, а кожа стала мраморного цвета. И лишь широко раскрытые глаза задумчиво устремлены к небу, как бы желая разгадать какую-то загадку.

— Вы не мертвы, — произнес Флавьер.

Глаза Мадлен медленно обратились в его сторону, однако взгляд ее блуждал где-то очень далеко.

— Я не знаю, — прошептала она. — Умирать вовсе не больно.

— Идиотка! — прокричал Флавьер. — А ну-ка придите в себя!

Подхватив ее под руки, он приподнял женщину, однако голова Мадлен бессильно упала ему на плечо. Он понес ее к находящемуся совсем рядом бистро. Тем не менее, когда он дошел до двери, ноги его дрожали.

— Эй!.. Есть тут кто-то?

Флавьер поставил Мадлен перед стойкой, а она шаталась, и зубы ее выбивали дрожь.

— Эй!

— Иду! Иду! — ответил чей-то голос, и к ним вышла женщина с ребенком на руках.

— С нами произошел несчастный случай, — объяснил Флавьер... — Не могли бы вы одолжить нам что-нибудь из старой одежды, все равно что. А то мы совершенно промокли.

Чтобы внушить женщине доверие, он рассмеялся, но смех его прозвучал нервно. Малыш заплакал, и мать принялась ритмично укачивать его.

— У него режутся зубы, — объяснила она.

— Нам бы во что-нибудь переодеться, — настаивал Флавьер... — Я закажу такси... А потом схожу за своим пиджаком... Там остался мой бумажник. Приготовьте пока для мадам рюмку коньяка... или что-нибудь покрепче!

Он изо всех сил старался создать теплую приятную обстановку, чтобы заставить Мадлен проникнуться к нему доверием и вызвать у женщины сочувствие к ним обоим. Сам же чувствовал себя радостным, энергичным, волевым...

— Сядьте, — крикнул он Мадлен.

Пробежав по пустынной набережной до груды бочек, Флавьер поднял свой пиджак и жилет. Купание в такую погоду особой опасности не представляло, однако, чтобы заболеть, много не нужно... Он до сих пор не мог прийти в себя; но не от приложенных им усилий и испытанного страха; а от воспоминания, как Мадлен спокойно переступает край набережной... А затем, вместо того, чтобы барахтаться в воде, она тут же, с какой-

то ужасающей решительностью полностью забылась. Она даже не стала обращаться за помощью, и ее не испугала наступающая смерть. Флавьер мысленно поклялся, что отныне не упустит ее из поля зрения ни на секунду и станет оберегать от нее же самой, так как теперь он убедился в том, что она не совсем нормальна. Чтобы хоть немного согреться, возвращался он бегом. Женщина с ребенком на руках разливала коньяк по рюмкам.

— Где мадам?

— Здесь, рядом... Переодевается.

— А где у вас телефон?.. Я хочу заказать такси.

— Вот, — указала она подбородком в сторону стоящего на краешке бара аппарата.

— Я нашла для вас лишь комбинезон, не знаю, подойдет ли он вам...

— Вполне, — ответил он.

В это мгновение появилась Мадлен, и он испытал очередное потрясение. Одетая в простое платье из набивного ситца, без чулок, в домашних тапочках, она стала уже совсем другой Мадлен, не вызывающая никаких сложных и противоречивых чувств.

— Идите быстрее переоденьтесь, — сказала она... — Право же, мне очень неловко... В следующий раз я буду внимательнее...

— Надеюсь, что следующего раза не будет, — буркнул Флавьер.

Он ожидал благодарностей, чего-то такого в патетическом стиле, а она, оказывается, попыталась отшутиться. В бешенстве он принялся натягивать на себя слишком большой для него комбинезон. Кроме всего прочего, он еще будет выглядеть смешным. Сидя в зале кафе, обе женщины перешептывались, сразу же подружившись. Он уже безо всякого энтузиазма безуспешно пытался обнаружить концы рукавов и с досадой отметил, что весь комбинезон измазан смазкой. Его гнев обратился против Жевиня. Ну уж он ему заплатит! А потом пусть за его женой наблюдает кто-нибудь другой, если ему этого так уж хочется. Вдруг Флавьер услышал сигнал такси. Неуклюжий и покрасневший, он толкнул дверь.

— Вы готовы?

Мадлен держала на руках ребенка.

— Не так громко, — прошептала она, — а то вы его разбудите.

Она нежно протянула ребенка матери, и это сострадание взбесило Флавьера...

Он чуть было не вышел из себя и едва не дал волю своим чувствам, но все же, подобрав свою мокрую одежду, лишь сунул банкноту под нетронутую рюмку с коньяком и вышел. Мадлен бегом догнала его и села в машину.

— Куда вас отвезти? — холодно поинтересовался он.

— Поедьте к вам, — предложила она. — Я полагаю, вы хотите поскорее одеться подобающим образом... Мне же все равно.

— Скажите все же, где вы живете?

— На авеню Клебер... Меня зовут мадам Жевинь... Мой муж — владелец судовой верфи...

— Мэтр Флавьер... адвокат.

Он решил избегать скользкой темы.

— Я живу на улице Мобеж, на углу с улицей Ламартина.

— Вы, должно быть, сердитесь на меня, — продолжала Мадлен. — Я сама не знаю, что произошло...

— А я знаю, — сказал Флавьер. — Вы хотели покончить с собой.

Он немного помолчал, ожидая ответа, протеста.

— Вы можете довериться мне, — продолжал он. — Я готов все понять. Случается, что какое-то несчастье, или разочарование...

— Нет, нет, — сказала она тихо, — это вовсе не то, что вы думаете.

И она снова превратилась в незнакомку из театра, в женщину с веером, в ту другую Мадлен, которая накануне склонялась над забытой всеми могилой...

— Мне захотелось броситься в воду, — продолжала она, — но, клянусь вам, я сама не знаю почему.

— И вместе с тем вы предварительно написали письмо!

Она покраснела.

— Письмо адресовалось моему мужу. Впрочем, то, что я пыталась объяснить ему, было до того необычным, что я предпочла...

Повернув голову к Флавьеру, она положила руку на его руку.

— Вы верите, месье, в то, что можно ожить?.. Я хочу сказать,.. ну, что можно умереть, а затем... вновь родиться в ком-то другом... Вот видите!.. Вы не осмеливаетесь мне ответить... Вы ведь явно принимаете меня за сумасшедшую...

— Однако...

— И тем не менее я не сумасшедшая, нет... Но мне кажется, что мое прошлое уходит куда-то в глубину лет... в мои детские воспоминания, будто там есть что-то вроде другой жизни, четко мною осознаваемой... Даже не знаю, зачем я рассказываю вам все это...

— Продолжайте, — пробормотал Флавьер. — Продолжайте!

— Я вновь вижу вещи, которых на самом деле никогда... и лица... лица... существующие теперь только в моей памяти. А иногда мне кажется, что я старая-престарая женщина.

Флавьер, не шевелясь, слушал ее глубокое контральто.

— Должно быть, я больна, — продолжала она... — А вместе с тем, если бы я была больна, то мои воспоминания не отличались бы такой четкостью. Они были бы беспорядочны, бессвязны.

— А только что?.. Вы поддались какому-то импульсу или же осуществляли заранее принятое решение?

— Скорее.. осуществляла решение.. но все это в моей голове я неясно чувствую. Я ощущаю, что все больше и больше становлюсь чужой и что моя действительная жизнь уже позади.. а в таком случае... к чему все это продолжать? Для всех, и для вас лично, смерть — это антоним жизни... А для меня...

— Не говорите так, — попросил Флавьер. Прошу вас... Подумайте о вашем муже!

— Бедняга Поль! Если бы он только знал!

— Вот он-то ничего и не должен знать. Все это должно остаться между нами.

Флавьер не смог помешать себе произнести эту фразу с нежной интонацией, и она вдруг улыбнулась с приводящим в замешательство лукавством.

— Для вас это профессиональная тайна? — спро-

сила она. — Теперь я совершенно спокойна. Мне повезло, что вы проходили мимо.

— Да, мне необходимо было повидаться с одним предпринимателем, стройка которого находится недалеко, но если бы не такая прекрасная погода, я несомненно поехал бы на машине.

— А я была бы уже мертва, — прошептала она. Такси остановилось.

— Вот мы и приехали, — сказал Флавьер. — Простите за беспорядок в моей квартире. Я холост, да и к тому все время в делах...

Ни в вестибюле, ни на лестнице, к счастью, не было ни души.

Флавьеру было бы неудобно, если бы кто-нибудь из жильцов увидел его в подобном наряде. В тот момент, когда он отпирал дверь, пропуская Мадлен впереди себя, в квартире трезвонил телефон.

— Это, вероятно, кто-то из клиентов. Садитесь, я сейчас.

И он побежал к себе в кабинет.

— Алло!

Звонил Жевинь.

— Я уже дважды звонил тебе, — торопливо пояснил он. — Я вдруг вспомнил кое-какие подробности по поводу самоубийства Полины... Она бросилась в воду... Не знаю, чем это сможет тебе помочь, однако, на всякий случай, решил поставить тебя в известность... Ну, а у тебя как дела?

— Потом расскажу, — проговорил Флавьер. — Я сейчас не один.

Глава 4

Флавьер бросил недоверчивый взгляд в свой деловой дневник. На шестое мая были запланированы три встречи, два дела о наследстве и один развод. Ему уже чертовски надоела эта дурацкая профессия, но он никак не мог опустить железный занавес и повесить табличку: «Закрывается по причине мобилизации» или же смерти... или еще чего-нибудь. И опять телефон будет трезвонить целый день, а в конце дня позвонит или придет Жевинь. Он очень требователен, этот Жевинь. Все ему расскажи в малейших подробностях... Сев за

свой письменный стол, Флавьер открыл досье мадам Жевинь. Итак — 27 апреля: прогулка в Булонском лесу; 28 апреля: вторая половина дня проведена в Парамунте; 29 апреля: особняк Рамбуйе и долина де Шеврез; 30 апреля: Маринян, чаепитие на террасе «Галери Лафайет», легкое недомогание, вызванное суетой, пришлось спуститься вниз, Мадлен много смеялась; 1 мая: прогулка в Версаль, Мадлен хорошо водит машину, хотя его «Симка» довольно капризна; 2 мая: лес в Фонтебло; 3 мая: я ее не видел; 4 мая: небольшая прогулка в Люксембургском саду; 5 мая: длительная прогулка в Бос, издали видели Шартрский собор...

Должен ли он был записать напротив даты «6 мая»: «Я люблю ее. Я больше не могу без нее обходиться»? Так как отныне Флавьер был одержим и движим любовью. Меланхоличной любовью, тлеющей, словно огонь в заброшенной шахте. Мадлен, похоже, ни о чем не догадывалась. Он был для нее не более, чем другом, приятным спутником, с которым можно откровенно поболтать. Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы представить его Полю! Флавьер старался играть роль обеспеченного адвоката, работающего для того, чтобы убить время, и который несказанно рад, что может хоть чем-то помочь хорошенькой женщине, развеять свою скуку. О случае в Курбеуа было благополучно забыто, вместо этого у Флавьера появилось право на Мадлен. Своим поведением она умела напоминать ему о том, что он спас ее; она обходилась мило с ним, и внимательно, и почтительно, в общем так, как она обращалась бы со своим дядей, родственником или опекуном. Поэтому признание в любви в такой ситуации выглядело по крайней мере нелепо. И потом — ведь существовал еще и Жевинь! Вот почему ежевечерне Флавьер считал своим долгом составлять подробный и полный отчет, Жевинь слушал его молча, хмуря брови, после чего заводил разговор о странной болезни Мадлен.

Закрыв досье, Флавьер вытянул ноги и скрестил пальцы рук... Какой же все-таки странной болезни подвержена Мадлен?! По двадцать раз на дню он мысленно снова и снова присматривался к ее манерам и прислушивался к ее речам, раскладывая их, словно карточки из картотеки полиции, и с маниакальным вниманием разглядывал. И каждый раз он приходил к од-

ному и тому же выводу: душевнобольной Мадлен не была. Однако вполне нормальной считать ее тоже не приходилось. Она любила жизнь, движение, толпу, она была весела и к тому же весьма умна... С виду она казалась самой что ни на есть жизнерадостной женщиной. И это можно было отнести к ее светлой стороне жизни, ее жизнелюбивому началу. Однако существовала еще и другая — темная, таинственная. Мадлен временами была холодна, замкнута, не лишена эгоизма, расчетливости... Да, да, в глубине души она была холодна, безразлична, неспособна испытывать желание и страсть. Жевинь оказался прав: как только перестанешь развлекать ее, удерживать ее на поверхности жизни, она тут же погружается в нечто похожее на забытие, но не имеющее ничего общего ни с мечтательностью, ни с грустью, а скорее с каким-то неуловимым изменением душевного состояния, как если бы часть ее души покинула ее и растворилась в пространстве. И Флавьеру многократно приходилось видеть ее подле себя именно такой — медленно ускользающей, скрывающейся, словно сновидение, словно медиум, уступающий какому-то невидимому, но мощному побуждению.

— Что-то случилось? — спросил он у нее однажды.

Мадлен медленно пришла в себя, ее лицо оживилось, она, казалось, испытывала свои мускулы, свои нервы, неуверенно улыбнулась, а затем часто заморгала ресницами и, повернув голову, наконец ответила:

— Нет. Все в порядке.

Ее глаза убедили его. Возможно, когда-нибудь она решится на другие признания, а пока что Флавьер избегал доверять ей руль. За рулем она чувствовала себя довольно уверенно, но в ее вождении ощущалось что-то фатальное... Впрочем, это слово не вполне подходит в данном случае. Флавьер безуспешно пытался уточнить и выразить словами создавшееся у него впечатление... Мадлен даже не защищалась, а воспринимала все в таком виде, как оно существовало. Он вспомнил время, когда его лечили от гипотонии. Да, это очень походило на данный случай. Малейшее движение не проходило для него бесследно. Если бы даже он увидел на земле тысячефранковый билет, то не смог бы решиться поднять его. Так и в Мадлен чувствовалась какая-то сломанная пружина.. Флавьер был уверен, что

если бы перед ней возникло какое-то препятствие, то она бы даже не попыталась как-то отреагировать, притормозить, повернуть руль. Она бы не попыталась найти какой-то выход из положения, как это уже имело место в случае, происшедшем с ней в Курбева. И еще одна интересная деталь: она никогда не выбирала место прогулки.

— Не доставит ли вам удовольствие поездка в Версаль или же в Фонтенбло? Или, быть может, вы предпочитаете остаться в Париже?

— Мне все равно... — Или же: — С огромным удовольствием.

Всегда один и тот же ответ. И несмотря на это, через пять минут она уже смеется, явно веселится, щеки ее розовеют, она пожимает руку Флавьеру, а тот чувствует рядом с собой полное жизни тело. Несколько раз он не смог удержаться, чтобы не шепнуть ей на ухо:

— Вы очаровательны!

— Правда? — спрашивала она, подняв глаза.

И всякий раз он чувствовал, как его сердце сжимается, когда он смотрит в ее до того прекрасные голубые глаза, что и при дневном свете, казалось, ослепляли его. Она быстро уставала и постоянно чувствовала голод. В четыре часа ей непременно нужно было пообедать булочкой с вареньем и чаем. Флавьеру не очень нравилось сопровождать ее в кондитерские или чайные салоны, поэтому он как можно чаще увозил ее за город. И все же, когда ему приходилось есть ромовые бабки или эклеры, он чувствовал себя до глубины души виноватым, потому что в мире шла война, и мужья или возлюбленные официанток и продавщиц находились где-то между Северным морем и Вогезами. Однако Флавьер понимал, что Мадлен нуждалась в сладостях именно потому, что ей необходимо было преодолеть эту апатию, эту пустоту, это небытие, эту ночь, в которую она была готова погрузиться в любое мгновение.

— При виде вас я всегда вспоминаю Вергилия, — признался он ей как-то раз.

— Почему?

— Вы помните отрывок, когда Эней спускается к Плутоноу? Он оставляет повсюду вокруг себя кровь, а

тени мертвых приходят вдохнуть запах этой крови, они питаются этим запахом, обретая на некоторое время плоть и говорят, говорят, как они сожалеют о мире живых!

— Но... я не понимаю...

Он подвинул к ней тарелку с рогаликами.

— Ешьте... Доедайте все... Мне кажется, что вам тоже не хватает плоти и реальности. Ешьте, моя маленькая Эвридика!...

Она улыбнулась. Прилипшая к краю губ крошка делала ее маленькой и беспомощной.

— Вы взволновали меня этими мифами!

После затянувшейся паузы она добавила:

— Эвридика!... Какое милое имя... Но вы ведь действительно вырвали меня из ада!

И вместо того, чтобы снова увидеть Сену, грязную набережную, Флавьер думал о высеченных в скале жилищах на берегу Луары, о подземельях, в которых слышался лишь шум падающих капель, и накрыл своей ладонью руку Мадлен.

С того дня он стал в шутку называть ее Эвридикой. Наверное, из-за Жевиня он не осмелился бы называть ее просто Мадлен. Ведь Мадлен замужем, женщина, которая принадлежит другому мужчине, а Эвридика, напротив, полностью принадлежала ему, и только ему. Это же он держал ее, мокрую, с тенью смерти на лице, на своих руках. Пусть он смешон! Он жил в постоянных страданиях, в шуме болезненных впечатлений. Возможно! Однако до сих пор ему никогда не доводилось чувствовать в глубине своей души такое спокойствие, такую полноту радости, в которых исчезло его недавнее прошлое с его страхами и угрызениями совести: он уже и так давно ждал ее — эту до умопомрачения очаровательную молодую женщину! Еще с тринадцати лет! С того самого времени, когда он склонялся к сердцу земли, к черному миру призраков и фей в том подземелье.

Раздался телефонный звонок, и Флавьер снял трубку, заранее зная, кто звонит.

— Алло! Это вы?.. Свободны?.. Я тоже... Да, хотя у меня много работы, но ничего срочного пока нет... Это доставит вам удовольствие? Серьезно?.. Тогда договорились. Только мне нужно будет вернуться к пяти ча-

сам... Ну, честно говоря, это вы решите сами... Хотя... вы ставите меня в затруднительное положение... Может быть, в музей? Хотя это и не очень оригинально, но все же... А что вы скажете по поводу небольшой сентиментальной прогулки по Лувру?.. Нет, еще далеко не все эвакуировано. Осталось еще немало ценных вещей... Да, да, именно поэтому стоит поторопиться... До скорой встречи.

Флавьер осторожно опустил трубку на рычаг, как будто эхо любимого голоса продолжало звенеть в проводах. Так что же принесет ему этот день? Скорее всего, не больше, чем предыдущий. Ситуация оставалась безвыходной, Мадлен излечить не удастся никогда. Зачем же тогда заниматься самообманом? А может быть, с тех пор, как он опекает ее, она уже меньше думает о самоубийстве, но в глубине души она все же не оставила мысль об этом. Это была навязчивая идея. Так что же сказать Жевиню? Должен ли он посвящать его в свои догадки? Флавиеру казалось, что он все время бредет по кругу. Из-за прокручивания одних и тех же мыслей в конце концов он стал невосприимчив, не способен к малейшим умственным усилиям.

Взяв шляпу, Флавьер вышел на улицу. Клиенты вернутся попозже, или вообще не вернутся, какая разница! Ведь Париж, возможно, подвергнется бомбардировке. И если война затянется, он сочтет своим долгом пойти в армию. Но в любом случае будущее представлялось до ужаса неясным. Все, кроме любви, настоящей жизни и солнца, играющего в листве, не имело смысла. Он чисто инстинктивно пытался выйти на бульвар, туда, где было шумно и многолюдно — ему было полезно на некоторое время забыть о Мадлен. Бродя вокруг здания оперы, он вдруг понял, что эта женщина имела над ним странно-огромную власть: она буквально забирала у него все силы, а он состоял при ней в роли донора, дающего не только кровь, но и душу. И доказательством тому служил тот факт, что когда он находился один, то ему было необходимо погрузиться в человеческий поток, чтобы восстановить потерянную накануне энергию. Итак, теперь он больше ни о чем не думал; лишь время от времени ему приходила в голову мысль, что у него, вероятно, появился шанс выжить... Иногда он позволял себе предаться мечтам... Жевинь умирает,

Мадлен свободна... Он утешал себя, придумывая невероятные коллизии, подробно рисуя себе нелепейшие истории. И тогда вскоре он достигал полной свободы, как курильщик опиума. Толпа медленно несла его, а он позволял ей нести себя, отдыхая от своего статуса человека.

На минуту Флавьер задержался перед витринами ювелирного магазина «Лансея». У него не было ни малейшего желания покупать что-то, просто ему нравилось любоваться драгоценностями и сверканием золота на фоне темного бархата. И вдруг он вспомнил, что Мадлен сломала свою зажигалку. А в витрине на стеклянном подносе размещалось много зажигалок, портсигаров и дорогих металлов. Она конечно, может на него обидеться. Войдя в магазин, Флавьер выбрал крошечную зажигалку из низкосортного золота и русский портсигар из кожи. Впервые солидная трата денег была ему приятна. Достав открытку, он написал: «Спасенной Эвридике», и вложил в открытый портсигар. Он отдаст ей этот небольшой пакет в Лувре или немного позже, когда они вместе найдут куда-нибудь перекусить перед тем, как расстаться. Благодаря этой покупке утро обрело иные краски и наполнилось каким-то радостным содержанием. Он улыбался, нащупывая пакет, перевязанный шелковой ленточкой. Дорогая, дорогая Мадлен!

В два часа дня он уже ожидал ее на площади Этуаль. Она всегда приходила на свидание без опозданий.

— Надо же, вы сегодня вся в черном.

— Я очень люблю черный цвет, — призналась она.

— Почему? Ведь черный цвет такой мрачный.

— Вовсе нет. Напротив, это придает значительность всему, о чем думаешь. И тогда приходится воспринимать себя всерьез.

— А если бы на вас было что-то синее или зеленое?

— Я не знаю. Мне бы казалось, что я ручеек или тополь... Когда я была маленькой, то считала, что цвета обладают магической силой... Вот почему мне захотелось заняться живописью.

Совершенно естественным жестом, приведшим его в состояние совершенной умиленности, она взяла его за руку.

— Я тоже, — сказал он, — пытался заниматься живописью, но я плохо владею техникой рисунка.

— О, какое это имеет значение. Ведь главное — это цвет.

— Мне бы хотелось взглянуть на ваши полотна.

— О, они ничего особого собой не представляют, и совсем ни на что не похожи. Это просто так, сны... А вам снятся цветные сны?

— Нет, только черно-белые... как в кино.

— Ну, тогда вы не сможете понять. Тогда вы — слепец.

Рассмеявшись, она сжала его руку, чтобы дать понять, что это была шутка.

— Если бы вы знали, насколько это красивее того, что называется реальностью, — продолжала она. — Представьте себе, если, конечно, это в ваших силах соприкасающиеся, взаимно пожирающие и выпивающие друг друга цвета, полностью проникающие в вас. И тогда вы начинаете походить на насекомых, которые сливаются с листом, на котором они сидят, на рыб, маскирующихся под кораллы. А еще по ночам мне снятся все новые и новые страны.

— И вам тоже... — прошептал он.

Прижавшись друг к другу и ни на кого не обращая внимания, они шли по площади Конкорд. Флавьер смутно отдавал себе отчет в том, куда они идут. Испытывая сладостное чувство от этих признаний, он одновременно был начеку, не забывая о странностях Мадлен.

— В детстве эта неизвестная страна была моей навязчивой идеей, всюду преследовавшей меня. Я бы даже смог показать вам на карте, где она расположена, — пояснил он.

— Но это не та страна, которая мне снится!

— Да нет же! Это именно она. Только моя наполнена мраком, а ваша — светом, но я точно знаю, что они составляют единое целое.

— А ныне вы в нее уже не верите?

Некоторое время Флавьер пребывал в нерешительности, не зная, что ей ответить. Но она посмотрела на него с таким доверием и, казалось, придавала сейчас его ответу такое большое значение, что он отважился:

— Я сейчас верю, особенно с тех пор, как познакомился с вами.

Какое-то время они шли молча, а ритм их шагов служил как бы продолжением их общих размышлений. Пройдя огромный двор, они поднялись по узкой темной лесенке и вскоре очутились в прохладе величественных сводов, окруженные египетскими богами.

— А я в нее не верю, — отозвалась Мадлен, — хотя точно знаю, что она существует... И та страна такая же реальная, как и эта. Только говорить об этом нельзя.

Они проходили мимо уставившихся на них статуй с пустыми глазницами, ноги их были выровнены по одной линии, словно шеренга солдатских сапог. То там, то здесь белели саркофаги, глыбы камней, опоясанных неподдающимися расшифровке знаками, а в торжественных глубинах пустых залов встречались сидящие хищники с отвратительными гримасами на ободранных мордах и представители сказочной фауны.

— Я уже однажды бывала здесь с каким-то мужчиной, — прошептала она. — Это было давно, очень давно. Он был похож на вас, но только носил бакенбарды.

— Это, несомненно, галлюцинация. Галлюцинация уже виденного — весьма распространенное явление.

— Нет! Нет! Я могла бы вам назвать ужасно подробные детали... Вот послушайте, я часто вижу город названия которого не знаю... Я даже не знаю во Франции ли он? А вместе с тем я прогуливаюсь по нему в снах, как будто прожила в нем всю жизнь... Через него протекает река... Справа, на берегу, стоит галло-романская триумфальная арка... А если пойти вверх по авеню, вдоль которого высажены платаны, то слева расположены арены... Точнее, несколько сводов с полуразрушенными лестницами. А в глубине арен растут три тополя и пасутся стада барашков...

— Однако! Я ведь знаю, где это! Я знаю где этот город! — воскликнул Флавьер. — Это Сент, а река, протекающая через него — Шарант!

— Возможно...

— Только арены там очищены, и на них не растут никакие тополя.

— Ну, а в мои времена, должно быть, росли... А существует ли по-прежнему небольшой фонтанчик, в

который девушки, желавшие выйти замуж, бросали свои булавки?

— Да это же фонтанчик Сент-Этель!

— А стоит ли еще за аренами церковь... такая высокая со старинным колоколом?.. Мне всегда нравились старинные церкви...

— Это церковь Сент-Утроп!

— Ну, вот видите.

Они медленно шли вдоль загадочных развалин, окутанных запахом воска, время от времени минуя внимательных, сосредоточенных, ученого вида посетителей. Мимоходом отмечая мелькавших львов, сфинксов и крылатых быков — настолько они были поглощены собой.

— Как вы сказали называется этот город?

— Сент... Он расположен под Руаяном.

— Должно быть, я жила там когда-то...

— Что значит «когда-то»? Вы хотите сказать — в детстве?

— Да нет же, — спокойно ответила Мадлен, — в моей другой жизни.

Флавьер не стал оспаривать эти ее слова, вызвавшие в нем множество разноречивых ощущений.

— Где вы родились?

— В Арденах, на самой границе, по нашим местам бесконечно проходила какая-то война. А вы?

— А я воспитывался у своей бабушки под Сомюром.

— Я — единственная дочь у родителей, — продолжила Мадлен. — Моя мать часто болела, а отец все время был занят делами на заводе. Так что детство у меня было не очень веселое...

Они вошли в зал, стены которого были увешаны картинами, а рамы сверкали позолотой. Глаза портретов были устремлены на входящих, и еще долго цепко глядя на посетителей, не упускали их из поля зрения. Это были вельможи с худыми лицами, богатые офицеры в роскошных мундирах, держащие руку на эфесе шпага на фоне вздыбленной лошади.

— А в детстве, — прошептал Флавьер, — вы уже видели эти сны?... Вы испытывали какие-то предчувствия?

— Нет. Я просто была маленькой, одинокой и молчаливой девочкой.

— А когда же это произошло?

— Это произошло совсем недавно... мгновенно... Я неожиданно почувствовала, что нахожусь не у себя... что живу у какого-то чужого мужчины... Понимаете, это похоже на чувство человека, внезапно очнувшегося и не узнающего комнату, в которой он находится.

— Да, я понимаю... Если бы я был уверен, что вы не обидетесь, то задал бы вам еще один вопрос, — сказал Флавьер.

— У меня нет секретов, — задумчиво ответила Мадлен.

— Значит, можно?

— Пожалуйста.

— Не думаете ли вы по-прежнему о том... чтобы исчезнуть?..

Остановившись, Мадлен подняла на Флавьера глаза, которые, казалось, все время молили о чем-то.

— Вы не поняли, — прошептала она.

— Ответьте, пожалуйста...

Вокруг одной из картин собралась небольшая группа посетителей. Флавьер заметил, что на полотне изображен крест, мертвенно-бледное тело, упавшая на плечо голова и струйка крови на левой груди, а поодаль — поднятое к небу лицо женщины. Повиснув у него на руке, Мадлен была не тяжелее тени.

— Нет... Не настаивайте.

— И все же я настаиваю... ведь это как в ваших, так и в моих интересах.

— Роже... я вас очень прошу, не нужно об этом...

Ее голос был едва слышен, и вместе с тем Флавьер почувствовал глубочайшее волнение. Обняв Мадлен за плечи, он привлек ее к себе.

— Так, значит, вы еще не поняли, что я люблю вас?! Что я не хочу вас потерять?!

Они механически продолжали двигаться вперед мимо ликов мадонн, скорбящих и мертвенно-бледных ликов мучеников Голгофы, и Флавьер еще долго сжимал ее руку в своей.

— Вы вселяете в меня страх, — сказал он. — Но вы нужны мне... Возможно, мне просто необходимо испытывать страх... чтобы презирать брэнное существова-

ние, которое я влачу. Если бы только я был уверен, что вы не ошибаетесь!

— Пойдемте отсюда.

Ища выход, они пошли по пустынным залам, и уже Мадлен не выпускала его руки, а напротив, сжимала ее все крепче и крепче. Сойдя вниз по лестнице, они, несколько запыхавшись, очутились на лужайке, по которой прогуливалась радуга от вращающегося фонтанчика. Флавьер остановился.

— Я спрашиваю себя: а может быть, мы слегка сошли с ума?... Вы помните, что я вам только что говорил?

— Да, — ответила Мадлен.

— Я сказал вам, что люблю вас... Вы слышали?

— Да.

— А если бы я вам это повторил, вы бы не рассердились?

— Нет.

— Потрясающе!.. Вы не хотите еще немного пройти?.. Нам столько нужно сказать друг другу!

— Нет... Я устала... Я, пожалуй, пойду домой.

Она была бледна и казалась перепуганной.

— Я остановлю такси, — предложил Флавьер. — Но прежде, я надеюсь, вы примете от меня этот маленький подарок?

— А что это?

— А вы разверните и посмотрите.

Развязав бантик, Мадлен развернула пакетик и, положив на вытянутую руку зажигалку и портсигар, покачала головой, а затем, раскрыв портсигар и достав оттуда открытку, прочла написанное.

— Бедный мой друг... — произнесла она.

— Пойдемте.

Флавьер проводил ее до улицы Риволи.

— Не благодарите меня, — сказал он. — Я ведь знаю, что вам хотелось иметь новую зажигалку... Мы увидимся завтра?

В ответ она кивнула головой.

— Вот и отлично. Мы с вами поедem за город...

Нет, нет, только ничего не говорите. Я хочу остаться под впечатлением от этой встречи. А вот и такси... Эвридика, дорогая, вы даже не представляете себе, каким счастливым вы сделали меня.

Взяв ее руку, упрятанную в изящную перчатку, он легко прикоснулся губами к ней.

— Не оборачивайтесь, — сказал Флавьер, захлопывая дверь.

Он почувствовал себя крайне уставшим и умиротворенным, как в детстве, когда он, бывало, целыми днями гонял по берегам Луары...

Глава 5

Все утро Флавьер провел в тщетных ожиданиях телефонного звонка от Мадлен, а в два часа побегал на место их обычных встреч — площадь Этуаль, но она не пришла. Тогда он позвонил Жевиню, но оказалось, что тот уехал в Гавр и должен вернуться лишь к десяти часам следующего дня.

День прошел отвратительно, а ночью Флавьер так и не сомкнул глаз. Вскочив с постели задолго до рассвета, он принялся расхаживать по кабинету. Его мучили и изводили возникающие в мыслях образы. Нет, с Мадлен ничего не случилось. Это невозможно! И тем не менее... Сжав кулаки, он пытался совладать с собой, чтобы хоть как-то сдержать охватывающую его панику. Ему ни в коем случае не следовало делать Мадлен подобное признание! Они оба обманули Жевиня, и кто знает, до чего ее, с такой ранимой психикой, могут довести угрызения совести!.. Как он ненавидел себя в этот момент! Ведь Жевиня ему, в сущности, не в чем было упрекнуть — тот доверился ему, поручив оберегать Мадлен. Необходимо покончить с этой глупой историей, и чем скорее, тем лучше... Однако, когда Флавьер попытался представить себе жизнь без Мадлен, какой-то ком подкатил к горлу, и ему стало трудно дышать. Он схватился за край стола, затем за спинку кресла. У него возникло непреодолимое желание проклясть Бога, судьбу, фатальность, тайные силы — неважно как назвать то, что привело к такому жестокому стечению обстоятельств. Итак, ему навсегда уготована участь изгоя. Даже война не коснулась его. Он сел в то кресло, которое выбрал Жевинь в первый свой приход. Не преувеличивает ли он свое несчастье? Ведь страсть, настоящая страсть не может развиться за две недели...

Подперев подбородок руками, Флавьер принялся критически оценивать себя. Что он вообще понимает в любви? Ведь, в сущности, он никого никогда не любил. Да, да, конечно! Он всегда страстно стремился ко всей этой видимости счастья, словно бедняк к витрине богатого магазина. Однако перед ним непременно возникали какие-то препятствия — непреодолимые и жестокие. Когда же его в конце концов все-таки произвели в должность инспектора, ему показалось, что он стоит на страже этого блистательного, счастливого и запретного мира. Теперь же его витриной была Мадлен. Проходите, не задерживайтесь!... Мадлен... нет... Он не имеет права... Он не может разбить витрину и стать вором. Тем хуже для него! Он отрекся бы! Трус! Ничтожество! Вот как, оказывается, пасует он перед первым же препятствием к собственному счастью! И это в тот миг, когда Мадлен, возможно, уже готова полюбить его!..

— Хватит! — сказал он вслух. — Хватит! Пусть в конце концов все остается, как было, пусть все оставят меня в покое!

Чтобы поднять настроение, Флавьер заварил себе очень крепкий кофе и какое-то время бесцельно бродил из кухни в кабинет, из кабинета в прихожую. Эта обосновавшаяся в его теле и мыслях незнакомая боль, мешавшая ему глубоко вздохнуть, несомненно, походила на любовь. Он чувствовал, что готов совершить любые глупости; он почти гордился тем, что, несмотря на свое подавленное состояние, несет чушь. Как он мог в течение столь длительного времени видеть в своем кабинете столько людей, изучать столько дел, выслушивать столько признаний и ничего не понять, упорно не видеть истины?! Он лишь пожимал плечами, когда какой-нибудь клиент восклицал со слезами на глазах: «Но ведь я люблю ее!» И у него возникало желание сказать: «Успокойтесь и не смешите меня своей любовью. Что такое любовь? Это — детский сон! Это нечто весьма милое, очень чистое, однако непостижимое для человеческого разума. А постель меня не интересуется!» Идиот!

В восемь часов вечера он все еще ходил в домашнем халате и шлепанцах, непричесанный и со странным блеском в глазах. Он так ничего и не решил. Позвонить Мадлен он не мог, потому что она ему категорически запретила делать это, объяснив, что прислуга

ни о чем не должна догадываться. Впрочем, вполне возможно, что она не желала его больше видеть. Быть может, она даже боялась...

Он рассеянно побрился и оделся. Затем, помимо своей воли, понял, что ему срочно нужно повидаться с Жевинем. У него вдруг появилась необходимость излить душу перед кем-нибудь и, в то же время, он с тайным злорадством подумал, что вполне может продолжать успокаивать Жевиня, продолжая видеться с Мадлен. И какой-то радостный огонек замерцал в тумане его сомнений. Он заметил, что сквозь шторы, которые он забыл отдернуть, начали пробиваться лучи солнца. Выключив люстру, Флавьер широко раздвинул шторы. Без всяких на то причин у него вдруг снова поднялось настроение; наверное, потому, что погода стояла прекрасная, а война фактически еще не началась. Выходя, он оставил под половником ключ для приходившей к нему убирать горничной и любезно поздоровался с консьержкой. Теперь все казалось простым и доступным. Он охотно улыбнулся бы даже своим недавним тревогам. Нет, решительно, он не изменился. Он всегда был игрушкой во власти каких-то таинственных маятников, беспрестанно качающихся в нем от отчаяния — к надежде, от веселости — к меланхолии, от сомнений — к дерзким решениям. И никакой передышки, ни одного дня настоящего отдыха, душевного равновесия. Хотя, рядом с Мадлен... Но он тут же приказал исчезнуть образу Мадлен из мыслей, дабы снова не прийти в замешательство.

Париж был до того прекрасен, что походил на мираж. Никогда еще солнечный свет не был столь нежным, столь чувствительно ощутимым. Хотелось прикоснуться к деревьям, к небу, прижать к сердцу этот большой, лениво потягивающийся после сна и умывающийся лучами утреннего солнца город. Флавьер медленно побрел по улицам, но к десяти часам уже входил в контору Жевиня.

Вид у Жевиня был усталый. Через несколько лет при таких темпах работы под глазами у него появлялись мешки, щеки отвиснут, станут морщинистыми, и прожитые полвека станут отчетливо заметны. Придвигая стул к письменному столу, Флавьер со злорадством отметил это. Жевинь быстро вернулся и, хлопнув на ходу Флавьера по плечу, шутливо произнес:

— А ты знаешь, я тебе даже завидую. Я бы тоже с удовольствием проводил время в обществе милой дамы... Но, к сожалению, приходится вести изматывающий образ жизни.

Тяжело опустившись в кресло, он повернулся в сторону Флавьера:

— Ну, что скажешь?

— Да так, ничего нового. Позавчера мы вместе бродили по Лувру, а вчера я ее не видел. Я надеялся, что она мне позвонит и, признаюсь, это молчание...

— Ничего страшного: просто Мадлен неважно себя чувствовала. Да и сейчас, возвратившись из Гавра, я застал ее в постели. Думаю, что завтра она уже будет на ногах — я к этому уже привык!

— А она рассказывала тебе о своей прогулке?

— Буквально в двух словах и показала какие-то безделушки, которые купила себе... зажигалку, кажется... В общем, тем, как она выглядит, я доволен...

— Тем лучше, я очень рад.

Скрестив ноги, Флавьер небрежно закинул руку на спинку своего стула и до безумия упивался вновь обретенным чувством равновесия.

— Я вот все думаю, — сказал он, — стоит ли продолжать это наблюдение...

— Как?! Неужели ты хочешь?! Да ты что! Ты же сам видел, на что она способна!

— Да, да, — произнес Флавьер в замешательстве.

— Однако... Дело в том... Мне вовсе неинтересно ходить по пятам за твоей женой... Пойми же меня... В этой роли я похож... даже сам не знаю, на кого. Я очутился, если хочешь, в какой-то ложной ситуации...

Взяв со стола нож для разрезания бумаги, Жевинь принялся открывать и закрывать его, затем, часто закивав головой, пробормотал:

— А ты думаешь, мне нравится такое положение вещей? Я отдаю должное твоей щепетильности, однако выбора у нас с тобой нет. Если бы я мог уделять Мадлен больше времени, то, разумеется, сам бы попытался выпутаться из этой ситуации. Но, к сожалению, моя работа отнимает у меня все больше и больше времени.

Отбросив нож и скрестив руки на груди, он втянул голову в плечи и пристально посмотрел на Флавьера.

— Дай мне еще две, от силы три недели, старина. При поддержке министерства я вскоре, несомненно, расширю сеть своих судоверфей, и тогда мне придется полностью перебраться в Гавр. Если мне это удастся, то я постараюсь уговорить Мадлен уехать со мной. До тех пор понаблюдай за ней. Я знаю, что взвалил на твои плечи тяжелое бремя, однако мне необходимо еще две недели, чтобы покончить со всеми неотложными делами.

Флавьер сделал вид, что слова Жевиня заставили его задуматься.

— Раз ты утверждаешь, что это займет не больше двух недель...

— Слово чести!..

— Ну ладно. И все же я хочу, чтобы ты знал в мое мнение. Я не одобряю эти прогулки. Я — человек с хрупкой психикой и у меня богатое воображение... Как видишь, я ничего от тебя не скрываю...

У Жевиня было строгое выражение лица, такое, какое, вероятно, бывает у него на директорских совещаниях. Но все же он улыбнулся и сказал:

— Благодарю! Таких парней, как ты, теперь уже не бывает. Безопасность Мадлен для меня важнее всего.

— У тебя что, есть причины чего-то опасаться?

— Нет.

— А не приходило ли тебе в голову, что если твоя жена вздумает повторить попытку самоубийства, то на этот раз я, возможно, уже не смогу вовремя прийти ей на помощь?

— Да, я тоже думал об этом, — ответил Жевинь, опустив глаза и сильно скрестив пальцы. — Надеюсь, больше ничего подобного не произойдет, — прошептал он... — А если даже и суждено чему-то случиться, то ты, по крайней мере, будешь рядом и сможешь потом мне все рассказать... Самое невыносимое для меня — это неизвестность... Я бы скорее предпочел, чтобы Мадлен была по-настоящему больна. Я предпочел бы видеть ее на операционном столе, под ножом хирурга... Тогда, черт возьми, я бы по крайней мере знал, чего можно ожидать! Мог бы сопоставить все шансы «за» и «против». Но эта неопределенность!.. Ты, похоже, не совсем хорошо понимаешь это...

— Нет, нет, напротив, я очень хорошо все понимаю!

— Ну, и что ты скажешь?

— Я продолжу наблюдение за ней... Не беспокойся!.. Да, кстати, ты знаешь, бывала ли она когда-нибудь в Сенте?

— В Сенте? — удивился Жевинь. — Нет. Я точно знаю, что она никогда там не бывала... А почему ты спрашиваешь?

— Она так детально описала мне этот город, будто когда-то сама жила в нем.

— Что за чушь ты городишь?

— А она никогда не могла видеть фотографии этого города?

— Да нет, это исключено. Говорю же тебе, что мы никогда не ездили на восток страны! У нас даже путеводителя по тем местам нет.

— Ну, а Полина Лажерлак?.. Быть может, она жила в Сенте?

— Ну, старина, ты даешь! Да откуда мне знать, где она жила?!

— Лажерлак... Это, несомненно, сентская фамилия... Как и Коньяк, Шерминьяк, Жемозак — я мог бы назвать еще фамилий двадцать, созвучных этим.

— Да... Возможно... Но что-то я не вижу никакой связи...

— Да она же просто бросается в глаза эта связь.. Твоя жена детально описала мне места, в которых ей, как ты утверждаешь, никогда не доводилось бывать, но которые, несомненно, были хорошо известны Полине Лажерлак... Подожди, не перебивай. Кроме того, она ведь описала город не таким, каким он выглядит сейчас, а таким, каким он был сто лет назад!

Пытаясь понять суть услышанного, Жевинь нахмурил брови и спросил:

— И как ты это объяснишь?

— Никак, — ответил Флавьер, — пока что никак... До чего же это необычно!.. Полина и Мадлен...

— Да что за чушь ты несешь! — оборвал его Жевинь на полуслове. — Ты что забыл, что мы живем в двадцатом веке? Надеюсь, ты не станешь убеждать меня в том, что Полина и Мадлен... Я, конечно, могу допустить, что Мадлен преследуют воспоминания о ее бабушке... Однако, при желании можно найти объяснение всему — именно поэтому я и попросил тебя помочь

мне. Если бы только я мог предположить, что ты намерен...

— Я ведь только что пытался сообщить тебе, что отказываюсь от этого дела.

Флавьер вдруг почувствовал, как между ними вдруг возникло какое-то напряжение. Немного погодя, он встал со своего места.

— Не хочу отнимать у тебя время...

Жевинь в ответ затряс головой.

— Главное — это спасти Мадлен. И мне совершенно наплевать, кто она: больная, сумасшедшая, ясно-видящая, одержимая — лишь бы она жила!

— Она пойдет сегодня на прогулку?

— Нет.

— А когда?

— Завтра, наверное... Сегодня я последую твоему совету и проведу день вместе с ней.

Флавьер не вздрогнул, однако ощутил в себе внезапный прилив ненависти. «Как сильно, оказывается, я могу его ненавидеть, — подумал он... — До чего же он отвратителен!»

— Завтра... Не знаю, буду ли я свободен завтра...

Жевинь в свою очередь встал с места и, обогнув стол, подошел к Флавиеру, положил руку на плечо ему.

— Прости меня, — вздохнул он. — Я стал резким, невыдержанным... Но это не моя вина. Ты в конце концов заставишь меня потерять голову. Послушай-ка, сегодня я хочу провести эксперимент. Мне, правда, в любом случае необходимо поговорить с ней о переезде в Гавр, но я даже не могу себе представить, как она воспримет эту новость... Так что завтра тебе просто необходимо освободиться, чтобы оберегать ее. Я прошу и настаиваю на этом. А завтра вечером ты позвонишь мне или приедешь сюда и расскажешь, что ты заметил, поделишься своими впечатлениями... Я полностью полагаюсь на тебя. Договорились?

И где это только Жевинь научился говорить таким степенным, трогательным и оболыстительным голосом?

— Хорошо, — согласился Флавьер и тут же пожалел о своем слишком быстром согласии, полностью отдающем его во власть Жевиня. Впрочем, он так ничего и не мог поделать с собой: малейшее проявление добро-

желательности со стороны собеседника отнимало у него всякую способность сопротивляться.

— Спасибо... Я никогда не забуду всего, что ты делаешь для меня...

И вновь поплыли пустые, смертельно-монотонные часы. Флавьер уже не мог больше думать о Мадлен, не представляя рядом с ней Жевиня. При этом он испытывал щемящую боль. Что же он за человек? Он предавал и Мадлен, и Жевиня, умирал от ревности, от бешенства, от зависти, от отчаяния. И вместе с тем он чувствовал себя чистым душой и искренним. Более того, он даже ни на мгновение не переставал быть искренним!

Размышляя так, Флавьер прослонялся по городу до самого вечера. Иногда уступая ощущению сильной подавленности, ему приходилось садиться то на скамейку в парке, то на террасе кафе. А что случится с ним, если Мадлен покинет Париж? Может, нужно помешать ей принять такое решение? Но как это сделать?

Зайдя наугад в какой-то кинотеатр, Флавьер рассеянно смотрел хронику. На экране по-прежнему мелькали войска, строевые смотры, дислокации войск, маневры. Сидящие вокруг него люди невозмутимо посащивали леденцы. Подобные кадры никого уже не интересовали. Ведь все прекрасно знали, что бошам — крышка! Флавьер, словно путешественник в зале ожидания, впал в изнуряющую дремоту. Боясь заснуть по-настоящему, он встал и ушел до окончания сеанса. В затылке у него появилась боль, в глазах — резь. Этой звездной ночью он медленно брел домой. Время от времени ему встречались спрятавшиеся в нишах дверных проемов мужчины в касках, со свистками на шее и сигаретами в зубах. Однако воздушная тревога казалась весьма маловероятной. Ведь для того, чтобы бомбить Париж, немцы должны были обладать дальней бомбардировочной авиацией, а они, ох, как далеки были от этого!

Закурив сигарету, он прямо в одежде вытянулся на кровати, а сон спеленал его так быстро, что у него даже не хватило сил раздеться.

Проснулся он с четким сознанием того, что тут же над крышами домов выли сирены, причем все сразу одновременно. Погруженный в темноту город походил на

поспешно эвакуирующееся судно. В доме раздавалось хлопанье дверей и поспешные шаги. Включив ночник, Флавьер посмотрел на часы: было три часа. Повернувшись на бок, он снова заснул, а когда в восемь часов утра, зевая, поинтересовался, что это была за тревога, узнал, что немцы перешли в наступление, и тут же почувствовал какое-то странное облегчение. Наконец-то война началась! Теперь можно забыть свои собственные тревоги и всецело разделить опасения других людей и присоединиться к ним в их возбужденных, замешанных на стадных инстинктах хлопотах. Грядущие события так или иначе должны были бы вывести его из того состояния, из которого сам он выйти никак не решался. Война сама пришла к нему на помощь. Флавьер вдруг почувствовал прилив жизни, ему захотелось есть. Он больше не испытывал никакой усталости. Вскоре позвонила Мадлен и сказала, что будет ждать его в два часа, как обычно.

Все утро он работал, принимал клиентов, отвечал на телефонные звонки. В голосах своих собеседников он слышал все те же взволнованные нотки, что и в собственном. Новостей, однако, не было почти никаких. Пресса и радио уведомяли лишь о первых успехах, не вдаваясь в подробности. Впрочем, это было вполне естественно. Позавтракал он вместе со своим коллегой недалеко от Дворца Правосудия. Затем они долго беседовали. На улицах незнакомые люди обращались друг к другу, спорили, разворачивали карты Франции, а Флавьер всюду наслаждался этой атмосферой непринужденности, всеми своими порами впитывал царящую атмосферу суматохи и растерянности. У него едва хватило времени вскочить в свою машину и вовремя подъехать к площади Этуаль. Он опьянел от слов, шума и солнца.

Мадлен уже ждала его. Но почему она выбрала именно тот коричневый костюм, в котором она была тогда, когда... На мгновение Флавьер задержал в своей руке руку Мадлен.

— Я едва не умер, беспокоясь за вас, — проговорил он.

— Просто я чувствовала себя не очень хорошо. Извините меня... Вы позволите мне сесть за руль?

— Ну конечно же! Сегодня я в сильном нервном

возбуждении. Они ведь атаковали нас, вы в курсе дела?

— Да, конечно.

Мадлен свернула на авеню Виктора Гюго. И Флавьер сразу понял, что она еще не полностью выздоровела. Когда она переключала передачи, скрежетали шестерни, она резко тормозила и так же нервно трогалась с места, а черты ее лица искажала какая-то нездоровая бледность.

— Мне хочется немного покататься, — сказала Мадлен. — Это, быть может, наша последняя прогулка.

— Почему последняя?

— Кто знает, как развернутся события? Разве я могу быть уверена в том, что останусь в Париже?

Наверное, Жевинь уже говорил с ней об отъезде и, возможно, они повздорили. Флавьер молчал, чтобы не отвлекать ее. Покинув Париж через ворота Ла Мюйет, они углубились в Булонский лес.

— А зачем вам отсюда уезжать? — заговорил Флавьер. — Ведь опасности, что нас будут бомбить, не существует, да и на этот раз немцы до Марна не дойдут.

Поскольку она не отвечала, он настойчиво продолжал:

— Быть может, вы хотите уехать из-за меня?.. Я не хочу причинять вам хлопот, Мадлен... Вы позволите теперь называть вас Мадлен?.. Мне бы только хотелось быть уверенным, что вы никогда больше не станете писать писем подобных тому, которое вы порвали на набережной... Вы понимаете, о чем я говорю?

Она поджала губы и на первый взгляд могло показаться, что она сосредоточила свое внимание на обгоне грузовика. Ипподром в Лоншам походил на огромное пастбище, и взгляд инстинктивно пытался отыскать на нем лошадей, а на мосту Сюресн образовалась пробка, и им пришлось продвигаться чуть ли не шагом.

— Не будем больше говорить об этом, — прошептала она. — Разве нельзя хоть сегодня позабыть о войне и вообще о жизни?

— Но вы грустны, Мадлен. я это хорошо вижу.

— Я, грустна? — переспросила она с несчастной и в то же время ясной улыбкой, просто потрясшей Флавьера. — Я такая же, как и всегда, — продолжила она. — Уверяю вас, я еще никогда так не наслаждалась жизнью, как сегодня... Как прекрасно мчаться навстречу

приключениям по первой попавшейся дороге, ни о чем не думая! Мне бы хотелось никогда ни о чем не думать. Почему мы не животные?

— Ну что вы, Мадлен? Это же полнейший вздор!

— И вовсе нет!.. Животным можно только позабавоваться. Они едят, спят, они невинны! У них нет ни прошлого, ни будущего!

— Вот еще один философ объявился!

— Не знаю, имеет ли это отношение к философии, но я им завидую.

В течение последующего часа они обменялись лишь несколькими ничего не значащими словами. В Бужевиле они снова выехали к Сене и некоторое время ехали вдоль нее. Немного погодя Флавьер узнал замок в Сен-Жермене. В пустынном лесу Мадлен ехала на очень большой скорости, немного притормозила при въезде в Пуасси, а затем поехала прямо. Ее застывший взгляд ничего не выражал. При выезде из Мелана деревянная повозка, которой управляла женщина, заняла середину дороги и Мадлен свернула на проселочную дорогу. Они объехали лесопилку, построенную прямо на земле; лесопилка казалась заброшенной, и приторный запах свежераспиленного дерева еще долго преследовал их. Затем их машина очутилась на перепутье дорог, и Мадлен решительно выбрала правую дорогу, по всей вероятности, из-за растущей вдоль нее живой цветущей изгороди.

Поверх изгороди показалась голова лошади с белой звездочкой на лбу. Мадлен, без всякой видимой причины прибавила газу, и старая машина запрыгала на ухабах. Флавьер незаметно посмотрел на свои часы. Сейчас они остановятся и пойдут рядом по дороге, вот тогда-то он приступит к расспросам, так как она явно что-то скрывает от него. «Возможно, еще до своего замужества она совершила поступок, из-за которого по сей день ее не перестают мучить угрызения совести», — подумал Флавьер. Ведь она не больная, не лгунья, она попросту одержимая и никогда не осмеливалась открыться своему мужу. Чем глубже Флавьер развивал эту гипотезу, тем больше она казалась правдоподобной. Поведение женщины говорило о том, что она чувствовала за собой какую-то вину. Но какую именно? Вина, по видимому, была серьезной...

— Вы знаете, что это за церковь? — спросила Мадлен. — Где мы сейчас находимся?

— Что, что?.. Извините... Что это за церковь?.. Признаюсь, не имею ни малейшего понятия... У вас не появилось желания сделать передышку? Ведь уже половина четвертого.

...Они остановились на пустынной паперти. Внизу, за деревьями, виднелись несколько серых крыш.

— Эта церковь не слишком красива, — сказала Мадлен.

— Да, колокольня слишком высоко, — заметил Флавьер.

Он открыл дверь. Их внимание привлекло расположенное над церковной чашей объявление:

«Поскольку месье Грасьен вынужден обслуживать множество прихожан, месса состоится в воскресенье, в 11 часов».

Они медленно прошли вдоль камней цвета соломы. Снаружи доносилось кудахтанье кур. Иконы с изображением крестного хода уже потрескались. Вокруг алтаря монотонно жужжала пчела. Перекрестившись, Мадлен преклонила колено на покрытую пылью скамеечку для молитвы. Флавьер, стоя за ней, боялся пошевелиться. Какой такой грех отмаливала она? И была ли бы она проклята, если бы утонула? Он не выдержал:

— Мадлен, вы действительно верите в бога? — шепнул он.

Она слегка повернула голову, и ее бледность заставила его предположить, что она снова плохо себя чувствует.

— Что с вами?.. Мадлен, ответьте мне!

— Ничего, — пробормотала она. — Да, я думаю... Я вынуждена поверить в то, что на этой земле ничего не заканчивается. Вот что ужасно!

И она долгое время стояла на коленях, спрятав лицо в ладонях.

— Пойдемте, — сказала она после некоторой паузы.

Поднявшись, она перекрестилась, стоя лицом к алтарю. Флавьер взял ее за руку.

— Будет лучше, если мы выйдем отсюда, — мне не нравится состояние, в котором вы пребываете.

— Вы правы, свежий воздух мне не помешает.

Они прошли мимо разрушенной исповедальни. Флавьер пожалел, что не может оставить там Мадлен, которая по его мнению сейчас очень нуждалась именно в исповеди. Исповедующие все забывают, а вот он? Сможет ли он забыть, если она признается ему в своем грехе? Он услышал, как она пытается в темноте нащупать защелку, как вдруг открылась дверь, ведущая к винтовой лестнице.

— Вы ошиблись, Мадлен... Эта лестница ведет на колокольню...

— Я хочу подняться туда, — сказала она.

— Мы не можем больше задерживаться.

— Всего лишь на пару минут!

И она уже поднималась наверх, а Флавьеру ничего не оставалось делать, как последовать за ней, и он с отвращением поднялся по первым ступеням, цепляясь за грязно-жирный канат, служащий перилами.

— Мадлен!.. Погодите... Пожалуйста, не так быстро!

Его голос глухо аукнулся, повторенный коротким эхом, возникшим среди узких стен. Мадлен не отвечала, но каблучки ее туфелек цокали по ступеням. Пройдя по небольшой лестничной клетке, Флавьер в окошечко заметил крышу своей машины и за занавесом зеленых тополей работающих в поле женщин. К горлу подкатил ком тошноты. Он начал подниматься медленнее.

— Мадлен!.. Подождите меня!

В висках застучало, дышать стало тяжело, а ноги плохо слушались его. Добравшись до второй лестничной площадки, он приложил руку к глазам, чтобы не видеть пустоты, но он чувствовал ее слева от себя, под сводами, с которых свисали веревки колоколов. Неожиданно взметнулись вороны и, каркая, закружились над теплыми камнями. Теперь он ни за что не сможет спуститься отсюда.

— Мадлен! — вместо крика у него из горла вырвался хрип.

Ступеням, казалось, не было конца; вот над его головой появилась третья площадка. А там его, конечно же, ожидает головокружение. Он не сможет помешать себе взглянуть вниз. На этот раз он будет выше верхушек деревьев, а его машина превратится в точку. Вокруг него со всех сторон будет дуть ветер, который

приподнимет его, как волну. Флавьер ступил еще шаг, два и... наткнулся на дверь: лестница продолжалась уже за дверью.

— Мадлен!.. Откройте!

Дернув за ручку, он заколотил по двери ладонью. Почему она закрыла эту дверь?

— Нет! — закричал он. — Нет!.. Мадлен!.. Не делайте этого.. Послушайте меня!

Под сводами торжественно зазвучали колокола. Обезумев, он заглянул в замочную скважину. Дверь разделяла их. А нельзя ли обойти эту дверь снаружи? Да, здесь есть узкий карниз, огибающий колокольню. Флавьер прямо задохнулся, очарованный этим карнизом, с которого открывался вид синееющего вдали пейзажа. Кто-то другой, вероятно, смог бы пройти... Кто-то другой, но не он. Он сразу упал бы и разбился насмерть.

— Ох, Мадлен! — как зверь рычал он в своей каменной клетке, и вдруг услышал ее крик.

Перед окном пролетела тень. Снизу донесся глухой короткий удар. Почти теряя сознание, он спустился на ступеньку, повторяя «Мадлен... Мадлен... Мадлен...»

Наконец, с трудом перебираясь со ступеньки на ступеньку, он стал спускаться вниз. На первой площадке он подполз на коленях к узенькому окну и рискнул высунуть голову. Внизу, слева от колокольни, простиралось старое кладбище, и на одной линии со стеной внизу, на гладкой до ужаса поверхности, лежала груда коричневой одежды. Он протер глаза, потому что во что бы то ни стало желал все рассмотреть. И увидел — камни в крови, раскрытая черная дамская сумочка, рядом блестела золотая зажигалка.

Флавьер заплакал, ему даже не пришло в голову спуститься вниз, чтобы оказать ей помощь. Она была уже мертва, и мысленно он умирал вместе с ней.

Глава 6

Флавьер издали посмотрел на тело, а затем, обойдя церковь, прошел через кладбище и замер. Неожиданно он вспомнил голос шептавшей Мадлен: «Это вовсе не больно», и он с отчаянием ухватился за эту мысль: она, по-видимому, не успела испытать боль. Кстати, то же самое говорили и относительно инспектора Лериша.

Он, как и она, тоже упал головой вниз. Неужели при этом не успеваешь испытать боль? Когда Лериш разбился и на асфальт во все стороны брызнула кровь... Флавьер почувствовал приступ слабости. В больнице он увидел своего товарища. При этом в руках у него был отчет медицинской экспертизы. А ведь колокольня гораздо выше того дома, с крыши которого упал Лериш. Флавьер представил себе ужасный удар, треск, что-то похожее на взрыв. От Мадлен не осталось ничего, кроме ужасной массы, похожей на пугало, брошенное к подножию стены. Он опасливо приблизился, заставляя себя смотреть и страдать, поскольку был в ответе за все. Сквозь слезы Флавьер рассмотрел труп Мадлен, лежащий в смятой крапиве, волосы цвета красного дерева, растрепавшиеся и залитые кровью, обнаженный затылок. На руке, уже ставшей восковой, сверкало обручальное кольцо, а среди остатков содержимого черной сумочки — зажигалка. Он поднял ее. Если бы он осмелился, то взял бы и это кольцо и надел бы себе на палец.

Бедная, несчастная Эвридика! Ей уже никогда не возвратиться из небытия, в котором она пожелала исчезнуть!

Медленно пятясь, словно он был убийцей, Флавьер удалялся. Его испугало это бесформенное тело, над которым мелькали тени ворон. Он в панике бежал, перескакивая через могилы, крепко зажав в руке золотую зажигалку. Впервые он повстречался с Мадлен на кладбище и расставался с ней тоже на кладбище. Вот и все. Все кончено. Никто никогда так и не узнает, что и он был здесь, что он не смог набраться смелости и проникнуть в колокольню по карнизу.

Добежав до паперти, Флавьер спрятался в машине и, увидев свое отражение в лобовом стекле, ужаснулся. С этого момента он будет ненавидеть свою собственную жизнь, для него начнется самый настоящий ад.

Он долго ехал, заблудился, потом крайне удивился, узнав вокзал Понтауаз, проехал мимо полицейского участка, спрашивая себя: нужно ли ему туда войти и сообщить о случившемся, добровольно сдать ся и очутиться под стражей. Хотя в данном случае закон был бессилен и его просто приняли бы за сумасшедшего. Так что же ему теперь остается делать — пустить себе

пулю в лоб? Нет, это невозможно, у него никогда не хватит на это силы воли. Сейчас он вынужден признаться себе в своей собственной трусости и в том, что страх перед высотой его никак не оправдывал. Причина, конечно же, крылась в его слабости. О, до чего же Мадлен была права! Как хорошо быть животным! Спокойно себе пожевывать травку, пока не свезут на скотобойню!

...Когда он въехал в Париж, было шесть часов. Жевинь, разумеется, в любом случае должен будет выслушать его отчет...

Флавьер остановил машину у кафе на бульваре Малерба. Зайдя вовнутрь, он закрылся в туалете, вытер лицо влажной салфеткой и причесался, затем вышел и направился к телефону. Набрал номер. Незнакомый голос ответил ему, что шефа нет и что, скорее всего, его сегодня уже не будет. Флавьер подошел к бармену и заказал себе рюмку коньяка высшего сорта, и тут же, не отходя от стойки, выпил его. Горе наполняло его душу чем-то похожим на опьянение. Ему казалось, что он перемещается в аквариуме, а лица людей проплывают мимо, словно рыбы. Он выпил и вторую рюмку, время от времени повторяя шепотом: «Мадлен мертва!»

В глубине души эта мысль почему-то не удивляла его, наверное, он всегда был готов к тому, что рано или поздно потеряет ее.

— Гарсон, повторите, пожалуйста!

Однажды он уже ее спас, но мог ли он спасти ее вторично? Нет, его нельзя ни в чем упрекнуть. Даже если бы он сделал попытку ее спасти, то наверняка пришел бы слишком поздно... Уж очень было велико ее желание умереть. Жевинь все-таки ошибся в выборе сопровождающего—вот и все. Ему следовало бы найти какого-нибудь соблазнительного, артистичного, яркого субъекта, а он выбрал посредственного типа, постоянно занятого собой, пленника своего прошлого...

Заплатив по счету, Флавьер вышел. Господи, до чего же он устал! Сев в машину, он медленно поехал к площади Этуаль. Его пальцы иногда задумчиво ощупывали руль, который еще, казалось, хранил тепло ее рук. Он завидовал ясновидцам, которые от простого соприкосновения с носовым платком или конвертом способны прочесть самые потаенные мысли. Как ему сей-

час хотелось знать, что же все-таки мучило Мадлен или скорее даже просто разгадать секрет ее безразличия к жизни? Она покинула жизнь без всяких колебаний и упала на землю, раскинув руки, словно хотела крепче прижаться к ней, полностью с ней слиться. Она вовсе не убегала, а лишь возвращалась к чему-то. Ему казалось, что она вдруг скрылась от него как бы через запасной выход. Ему, наверное, не следовало пить. Свистящий в ушах ветер мешал мысли в его голове, и они разлетались, словно клочки разорванного письма. Свернув на авеню Клебер, Флавьер припарковал машину за огромной машиной Жевиня. Он уже больше не боялся Жевиня, он имел с ним дело в последний раз.

Флавьер поднялся по помпезной лестнице белого мрамора, покрытой красным ковром. Табличка с именем Жевиня висела на двухстворчатой двери. Позвонив, Флавьер снял шляпу и, прежде чем дверь успела открыться, принял скорбный вид.

— Я бы хотел видеть месье Жевиня... Передайте, что пришел метр Флавьер.

Наконец-то он в квартире Мадлен!.. Взгляд его, скользивший по мебели, безделушкам, обоям, как бы мысленно прощался с ней. Висящие в гостиной картины поразили его своим странным видом. Они представляли собой почти всех существующих на земле животных: единорогов, лебедей, райских птиц и напоминали чем-то Руссо. Подойдя ближе, Флавьер прочел: «Мад. Жев.» Быть может, это обитатели иной страны? Где она увидела этот черный пруд, эти кувшинки, похожие на наполненные ядом кубки? Что это за лес стоит на страже в доспехах из стволов и лиан? Над камином висел портрет молодой женщины, хрупкую шею которой украшало желтое кольцо — это была Полина Лажерлак. Прическа такая же, как у Мадлен. Элегантное и взволнованное лицо Полины выражало какую-то отрешенность — и в то же время некую измученность и изнуренность, словно она натолкнулась на какое-то одной лишь ей известное препятствие. Сбитый с толку Флавьер рассматривал картину, как вдруг за его спиной распахнулась дверь.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Жевинь.

Флавьер, противясь такому бурному выражению чувств, неожиданно спросил:

— Она здесь?

— То есть как?.. Это ты ведь должен знать, где она.

Флавьер устало опустился в кресло. Ему не нужно было прилагать усилий, чтобы казаться удрученным.

— Я не встретился с ней сегодня, — пробормотал он. — До четырех часов я прождал ее на площади Этуаль... а затем пошел в гостиницу на улицу Сен-Пер, от туда на кладбище Пасси... И вот только что вернулся. Если ее здесь нет, тогда...

Он посмотрел на Жевиня: тот смертельно побледнел, глаза вылезли из орбит, а рот приоткрылся, словно у человека, которого душат.

— Но... нет... — запинаясь, пробормотал он. — Нет, Роже... ты не можешь...

Флавьер развел руками:

— Повторяю тебе, что я повсюду искал ее.

— Это невозможно, — прокричал Жевинь. — Ты отдаешь себе отчет в том, что...

Крепко сжав руки в кулаки, он затопал по ковру и в конце концов упал на край дивана.

— Необходимо срочно разыскать ее, — сказал он. — И причем немедленно! Немедленно!.. Я не перенесу...

Он начал стучать кулаками по подлокотнику, и в его жесте было столько бешенства, боли и грубости, что Флавьер, словно заразившись от него, тоже вспылил:

— Если женщина хочет сбежать, — злобно бросил он, — то ей помешать очень трудно.

— Сбежать! Сбежать! Как будто Мадлен из тех женщин, которые сбегают! О, как бы мне хотелось, чтобы она была именно такой. Но она наверняка сейчас уже...

Встав, он опрокинул журнальный столик и подошел к стене, оперся о нее, сгорбив плечи, словно борец в стойке.

— Что делают в таких случаях? — спросил он. — Ты ведь должен знать. Нужно сообщить в полицию, да?.. О господи! Да скажи же ты что-нибудь!

— Нас просто высмеют, — пробурчал Флавьер. — Если бы твоя жена не появлялась дома два-три дня, тогда совсем другое дело...

— Ну а ты, Роже, они ведь тебя знают... Вот если бы ты сказал, что Мадлен уже хотела однажды покончить с собой... а ты ей помешал... и что, возможно, сегодня она решила повторить свою попытку... тебе ведь они поверят...

— Прежде всего успокойся, — еще ведь ничего неизвестно, — раздраженно сказал Флавьер. — К ужину она, несомненно, вернется домой.

— Ну, а если она не вернется?

— Ну, в таком случае, в полицию следует идти не мне.

— Короче говоря, ты умываешь руки?

— Вовсе нет... Просто обычно... В общем, постарайся понять... Мужья в таких случаях должны сами обращаться в комиссарнат.

— Хорошо... тогда я пойду.

— Но это же глупо! И в любом случае там никто и пальцем не пошевелит. Они просто запишут ее приметы, пообещают тебе сделать все возможное, а сами станут выжидать, как развернутся события. Обычно так и бывает.

— Пока они будут выжидать, — проворчал он, — я точно рехнусь.

Сделав несколько шагов, он остановился перед стоящим на камине букетом роз и с угрюмым видом принялся его разглядывать.

— Мне необходимо идти домой, — нарушил молчание Флавьер.

Жевинь даже бровью не повел: он смотрел на цветы, а на его щеке билась какая-то жилка.

— На твоем месте, — продолжил Флавьер, — я все же не слишком бы переживал. Сейчас еще нет и семи — она вполне могла задержаться в каком-нибудь магазине или встретить кого-нибудь.

— Ну, разумеется, тебе на все на это глубоко наплевать, — ответил Жевинь.

— Ну что ты себе вообразил!.. Предположим даже, что она сбежала... Но ведь далеко она не сбежит.

Флавьер стоял посреди гостиной. Он принялся терпеливо разъяснять Жевиню, какими средствами располагает полиция для поимки беглецов. Несмотря на крайнюю усталость, он до того вошел в раж, что ему самому вдруг показалось, что Мадлен действительно сбежала!

в то же время им постепенно овладевало желание лечь на ковер и завять от собственного отчаяния. Но Жевинь по-прежнему оставался неподвижен и, казалось, мечтал перед букетом цветов.

— Позвонишь мне, как только она вернется. — Сказав это, Флавьер направился к двери. Не в силах совладать со своим выражением лица, он боялся, что его выдадут глаза. Он чувствовал, что истина вот-вот вырвется из него, и он закричит: «Она мертва!» — и рухнет на пол.

— Останься, — прошептал Жевинь.

— Я бы с удовольствием, старина... Но если бы ты только знал, сколько у меня работы... У меня на столе десятки дел!

— Ну останься... — умолял Жевинь... Я не хочу оставаться один, когда мне ее привезут.

— Ну что ты, Поль! Скажешь такое... Это сущий бред!

Неподвижность Жевиня вселяла ужас.

— Ты останешься здесь, — сказал он. — Объяснишь им... Скажешь, что мы оба боролись за ее жизнь...

— Да, конечно... Но поверь мне, что ее никто тебе не привезет, она сама придет. — Голос Флавьера дрогнул. Чтобы выиграть время, он поднес ко рту носовой платок, откашлялся и высморкался.

— Ладно, Поль... Все будет хорошо... Позвони мне.

Он остановился и, положив руку на ручку двери, оглянулся. Жевинь, уронив голову на грудь, находился в оцепенении. Выйдя, Флавьер осторожно прикрыл за собой дверь. Через прихожую он прошел на цыпочках. Его тошнило от отвращения, и вместе с тем он чувствовал облегчение от того, что самое трудное осталось позади. Итак, дела Мадлен больше не существует. А вот что касается горя Жевиня... Но разве он сам не страдал еще больше?

Захлопывая дверцу машины, Флавьер вынужден был признаться, что с самого начала знакомства с Мадлен он чувствовал себя ее подлинным мужем, а Жевинь представлялся ему всего лишь жалким узурпатором. Какой же дурак станет приносить себя в жертву узурпатору и пойдет рассказывать своим бывшим коллегам, что позволил любимой женщине покончить с собой лишь потому, что у него самого не хватило смелости...

Да ведь никто не позволит вторично ставить под сомнение свою честь ради человека, который... Нет! Будет! Тишина и спокойствие! Клиент из Орлеана — прекрасный предлог для того, чтобы уехать из Парижа...

Флавьер уже не помнил, как поставил свою машину в гараж. Теперь он шел наугад вдоль какой-то улицы, на которую накатывалась ночь, очень синяя и очень грустная, настоящая военная ночь. Все начало смешиваться, потушив все огни. Молчаливый город медленно скатывался к ночи. Ему встречались почти пустынные площади, тишина которых рвала сердце, кричала болью и зловеще намекала на близкую смерть. Войдя в небольшой ресторанчик на улице Сент-Оноре, Флавьер выбрал стоящий в глубине столик.

— Вам комплекс или по меню? — спросил официант.

— Комплекс.

Нужно было поест, нужно было продолжать жить, как и прежде. Флавьер опустил руку в карман, нащупал зажигалку. На белой скатерти стола перед ним нечетко вырисовался образ Мадлен. «Она не любила меня, — подумал он с горечью. — Она не любила никого».

Он механически проглотил суп, отрешенный от всего, словно аскет. Он будет жить бедняком, погрузившись в свой траур, подвергая себя тяжким испытаниям, дабы сполна искупить свою вину. Ему захотелось купить кнут, чтобы стегать себя каждый вечер.

— Немцы прорвались под Льежем, — сообщил ему официант. — Похоже, бельгийцы начнут драпать, как в четырнадцатом году.

— Сплетни, — ответил ему Флавьер.

Льеж находился очень далеко, на самом верху карты. И Флавьера этонисколько не волновало. Война была всего лишь эпизодом в той войне, которая грызла его изнутри.

— А возле площади Конкорд видели машину, изрешеченную, словно дуршлаг? — доверительно продолжал официант.

— Принесите мне следующее блюдо, — попросил Флавьер.

Его никак не хотели оставить в покое. Значит, бельгийцы! А почему не голландцы?! Кретин! Он поторо-

пился съест мясо. Оно было жестким, однако Флавьер не стал возмущаться, потому что твердо решил больше ни на что не жаловаться и полностью погрузиться в постигшее его несчастье, чтобы помучить себя и получить от этого садистское удовольствие. Однако на десерт он выпил еще две рюмки коньяку, и его мысли постепенно прояснились, туман, который, казалось, обволакивал его уже не один день, рассеялся. Щелкнув зажигалкой, Флавьер закурил, и ему показалось, что он вдыхает дым с витавшим в нем образом Мадлен. Задерживая этот дым, он наслаждался им. Стало ясно, что Мадлен до своего замужества не совершила ничего плохого. Предполагать обратное было бы попросту глупо, и Жевинь не женился бы на ней, предварительно не наведя справок. Итак, все началось в начале февраля. Нет, из этого лабиринта мыслей совершенно невозможно было найти выход... Флавьер нажал на кнопку зажигалки и какое-то время смотрел на огонек, прежде чем потушить его. Металл в его руке нагрелся. Да, причины, побудившие Мадлен к такому поступку, были далеко не простыми. А он их не понял и оставался все таким же грубым, не способным абстрагироваться от своих «почему» да «как». Но все же он рано или поздно поднесет это красное пламя вплотную к своему рассудку, очистится и сможет в один прекрасный день постичь тайну Полины Лажерлак. У него-таки наступит момент озарения. Он представил себя монахом, стоящим на коленях в своей келье, однако на стене висело не распятие, а фотография Мадлен, та самая, которая стояла на столе у Жевинья... Потерев веки и лоб, Флавьер попросил счет. Черт возьми! А не много ли они хотят за обычный ужин?.. Ладно, никаких упреков!

Когда он вышел, уже наступила ночь. Флавьер все никак не мог решиться вернуться домой. Он опасался телефонного звонка, который сообщит ему о том, что труп обнаружен. Он шел наугад, как в бреду, словно должен был до самого рассвета продолжать это скорбное бдение. Это стало для него вопросом чести, а может быть, и более того... Мадлен, находящаяся где-то там, наверное нуждается в сострадании. Моя маленькая бедная Эвридика! У Флавьера на глаза навернулись слезы. Ему захотелось представить себе небытие, чтобы попытаться соединиться там с ней, по крайней мере хотя бы

на эту ночь. В воображении ему удалось представить себе лишь мрачный некрополь, похожий на этот темный город. Скользили тени и терялись в глубине улиц... А река, несущая воды вдоль берегов, не имела более имени. Как хорошо было блуждать в этих потемках! Земля живых находилась отсюда далеко, здесь же находились лишь усопшие — одинокие существа, терзаемые мыслями о былом бытие. Они уходили и приходили, и каждый думал о каком-то прошедшем счастье. Видно было, как одни останавливались, склонялись к воде, другие же беспричинно торопились. Наверное, все они готовились к Судному дню. А о чем ему рассказывал только что официант? «Они прорвались под Льежем...»

Присев на скамейку, Флавьер задумался. Завтра он уедет отсюда... У него закружилась голова, он закрыл глаза, успев при этом подумать: «Ты спишь, негодяй!» С открытым ртом он походил на спящего клошара за перегородкой полицейского участка. Спустя пару часов он проснулся от холода — судорога свела ему ногу, и он застонал, как в любовном экстазе. Ковыляя, он побрел прочь, дрожа от холода.

В первых лучах солнца уже вырисовывались силуэты каменных холмов, их покатости и неровности, странные очертания дымоходных труб. Флавьер зашел в только что открывшееся кафе. Радио сообщало, что положение на фронте пока неясно и что для прикрытия брешей были задействованы пехотные части. Съев два рогалика, предварительно обмакнув их в кофе, он вернулся домой.

Не успел он переступить порог квартиры, как раздался телефонный звонок.

— Алло, это ты, Роже?

— Да.

— Ты знаешь, я был-таки прав... она покончила с собой.

В эту минуту следовало помолчать, ожидая продолжения. Но Флавьер чувствовал себя как-то неловко из-за доносившегося из трубки прерывистого дыхания.

— Мне сообщили об этом вчера вечером, — продолжил Жевинь. — Одна старушка нашла ее у подножия церкви Сен-Николя...

— Сен-Николя? — переспросил Флавьер. — А где это?

— Севернее Манта... В небольшой деревушке между Сайи и Дрокуром. Это просто невероятно!

— А как же она там очутилась?

— Погоди... ты еще не знаешь самого страшного. Она бросилась вниз с колокольни и упала на кладбище. Тело сначала доставили в мантскую больницу.

— Бедняга, — пробормотал Флавьер. — Ты сейчас туда едешь?

— Я только что оттуда вернулся. Как ты понимаешь, я выехал туда немедленно, как только узнал о случившемся. Правда, я пытался до тебя дозвониться, но тебя не оказалось дома. Я только что вернулся, правда, сейчас мне нужно отлучиться по делам. А полиция начала следствие.

— Это вполне естественно, они так всегда поступают, однако в данном случае самоубийство налицо.

— Да, но совершенно непонятно, почему она поехала именно туда и выбрала именно эту колокольню. А мне не хотелось бы рассказывать им, что Мадлен...

— Не беспокойся, так далеко следствие не пойдет...

— Кто знает. Мне бы очень хотелось, чтобы ты в случае чего был рядом.

— Пока это невозможно. Я веду одно очень серьезное дело в Орлеане и не могу бесконечно откладывать его. Но как только я вернусь, я тут же заскочу к тебе.

— Ты уезжаешь надолго?

— Нет, всего лишь на несколько дней. Впрочем, я уже ничем не могу тебе помочь.

— Я позвоню тебе. Мне бы еще хотелось, чтобы ты присутствовал на похоронах.

— Бедняга Поль... — искренне сказал Флавьер. — Бедняга Поль! — А затем, понизив голос, он добавил: — А она не слишком?

— Да ты что, она же вся искалеченная!.. Вот только лицо не пострадало. Ее бедное лицо...

— Мужайся! Я скорблю вместе с тобой.

С этими словами он повесил трубку, а затем, держась за стену, добрался до кровати. «Вместе с тобой... вместе с тобой... вместе с тобой...» И тут же провалился в глубокое забытие.

На следующий день Флавьер уехал в Орлеан — первым же поездом, сесть за руль своего автомобиля он не отважился. Новости с фронта были далеко не уте-

шительными, газеты пестрили заголовками: «Немецкое наступление сдерживается. Под Льежем идут упорные бои». Однако сведения были туманными, сдержанными, а оптимизм людей уже начал подтачивать червь сомнения. Флавьер задремал в углу купе. Вид у него был безупречный, хотя чувствовал он себя каким-то разрушенным, развалившимся, почерневшим, словно от пожара. Он превратился в развалины, вокруг которых стояли четыре стены. Эта картина питала его боль и делала ее еще невыносимее.

Приехав в Орлеан, Флавьер снял номер в гостинице, расположенной напротив вокзала. Когда он спустился вниз за сигаретами, то увидел первую машину с беженцами — огромный «Бьюик», груженный узлами, весь в пыли.

Флавьер посетил своего клиента, однако их беседа крутилась в основном вокруг войны. Во Дворце Правосудия поговаривали, что армия маршала Коррапа отступает, и все проклинали бельгийцев за трусость. Вспоминали также о пушке Марна, выстрелы которой в течение трех дней озаряли горизонт. Флавьеру нравилось в Орлеане. По вечерам он гулял по набережным, наблюдая за проносящимися над самой водой ласточками. Радио практически не выключалось и работало во всех квартирах. Сидящие на террасах кафе люди, казалось, были поражены одной и той же болезнью; лето полностью завладело небом над Луарой, удлиняло сумерки, прелесть которых волновала несказанно. Что же происходит сейчас в Париже? Похоронили ли уже Мадлен? Уехал ли Жевинь в Гавр? Флавьер иногда задавал себе эти вопросы осторожно, словно выздоравливающий больной, заглядывающий под повязки, желая рассмотреть свою рану. Страшные душевные конвульсии уступили место зябкому оцепенению, перемежающемуся с подрагиванием и спазмами. К счастью, война немного отвлекала его. Теперь стало известно, что немецкие части рвутся к Аррасу и что судьба страны находится на чаше весов. Ежедневно через город следовали все новые и новые машины, направляющиеся к югу. На беженцев смотрели молча, с опустошенными душами. Те приезжали все более и более грязные и несчастные, а Флавьер повсюду видел отображение собственного горя. У него не хватало сил вернуться домой.

Однажды совершенно случайно ему попалась на глаза газетная заметка. Попивая кофе, он рассеянно просматривал газету и заметил на четвертой странице, привлечшей его внимание, заголовок, гласивший, что полиция ведет расследование по делу о самоубийстве Мадлен Жевинь и взяла показания у месье Жевиня. И хотя эта заметка была неуместной после новостей первой страницы, Флавьер решил внимательно прочесть ее. Так и есть, полиция, похоже, отвергла гипотезу о самоубийстве. Вот, значит, чем они там занимаются, эти полицейские, в то время, как целые толпы беженцев заполняют дороги! Но он-то прекрасно знает, что Жевинь ни в чем не виноват. Как только положение изменится в лучшую сторону, он сразу же поедет туда и заявит им об этом. Но не сейчас, когда поезда стали ходить нерегулярно...

Шли дни, и газеты уже все свои полосы отдавали под описания беспорядочных битв, опустошавших равнины на севере страны. Никто уже не знал и не понимал, где немцы, где французы, где англичане, а где бельгийцы. Флавьер все реже вспоминал о Жевине, однако все же обещал себе, что при первой возможности восстановит истину. Это решение придавало ему уверенности в самом себе и позволило больше уделять времени общим переживаниям. Бывая в соборах, на мессах в честь Жанны д'Арк, он молился за Францию и за Мадлен. Он уже не отделял свое собственное несчастье от несчастья всей нации. Франция представлялась ему разможенной, кровоточащей Мадлен...

Прошло некоторое время, и вот однажды утром орлеанцы тоже стали грузить машины матрацами и разным домашним скарбом. Исчез и клиент Флавьера. «Раз вас тут уже ничего больше не задерживает, то вам тоже лучше было бы поехать на юг», — советовали Флавьеру. В одно из мгновений, когда, казалось, храбрость и отвага посетили его, он решил позвонить Жевиню. Однако никто ему не ответил. Охваченный ужасом, Флавьер поспешил сесть в автобус, направляющийся в сторону Тулузы. В тот момент он еще не знал, что уезжает на целых четыре года.

Продолжение следует

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ
9 АПРЕЛЯ В ТБИЛИСИ.

- Декларация единения и скорби представителей
народов земли Грузинской 3
- Заключение химико-токсикологической подкомиссии
комиссии Верховного Совета ГССР по расследованию обстоятельств,
имевших место 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси 5
- Заключение медицинской подкомиссии 7
- Заключение следственной подкомиссии о законности
введения комендантского часа в г. Тбилиси 9 апреля 1989 г. 16

ПРОЗА

- Гурам ДОЧАНАШВИЛИ. Порознь и вместе.
Современная сказка. Перевод Ирины
Гржендзица 22
- БУАЛО-НАРСЕЖАК. Среди мертвых. Роман.

6

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- ИСТИНА ЕСТЬ ПОБЕДА.** С писателем Гура-
мом Гегешидзе беседует журналист Автан-
дил Гвелесиани 124

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Лиля БААЗОВА.** Грузинские евреи: уникаль-
ность явления и опыт истории 137

26 МАЯ — ДЕНЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ГРУЗИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

- Зураб АВАЛИШВИЛИ.** Независимость Грузии
в международной политике 1918—1921 гг.
Вступительное слово Камиллы Коринтэли 153
АКТ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ 190

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Григол РОБАКИДЗЕ.** Письма Андрею Бело-
му. Ованес Светозарный — статья . 192
Амброси ХЕЛАЯ. «Я исполнил свой долг...»
Вступительное слово Акакия Миндиа-
швили 199
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ 152

На 1-ой стр. обложки: Акт независимости Гру-
зии (26 мая 1918 г.)

СРЕДИ МЕРТВЫХ

РОМАН

ЧАСТЬ II

Глава I

— Вдохните!.. Покашляйте!.. Еще раз вдохните!.. Так, хорошо. Ну-ка послушаем ваше сердце... еще раз... Не дышите... Хм!.. Да, состояние ваше оставляет желать лучшего... Одевайтесь.

Врач внимательно посмотрел на Флавьера; тот надевал рубашку, а затем, смущаясь, отвернулся, чтобы застегнуть брюки.

— Скажите, вы женаты?

— Нет, холост... Я только что вернулся из Африки.

— Вероятно, вам пришлось побывать в плену?

— Нет, я уехал туда еще в тысяча девятьсот сороковом году. Меня освободили от воинской повинности в связи с тем, что в 1938 году я болел плевритом.

— Вы намерены поселиться в Париже?

— Еще не знаю. Я открыл в Дакаре адвокатскую контору, но попытаюсь все же возобновить свою прежнюю практику во Франции.

— Вы адвокат?

— Да, вот только моя квартира оказалась занятой, а подыскать себе что-нибудь по нынешнем временам...

Поглаживая свое ухо, врач наблюдал за Флавьером, которому никак не удавалось завязать галстук, и он из-за этого нервничал.

— Вы, наверное, употребляете алкоголь, не правда ли?

Продолжение. Начало см. в № 5.

Флавьер пожал плечами:

— А что, это сразу бросается в глаза?

— Это ваше личное дело, — ответил врач.

— Да, бывает, выпиваю, — признался Флавьер. — Жизнь зачастую не такая уж и приятная штука.

Врач сделал какой-то неопределенный жест рукой, затем сел за стол и снял колпачок с ручки.

— Ваше общее состояние вызывает некоторые опасения, — заметил он. — Вам необходим отдых. На вашем месте я бы поехал на постоянное жительство на юг... Скажем, куда-нибудь в Ниццу... или Канн... Что же касается ваших навязчивых мыслей... то по этому вопросу вам следовало бы проконсультироваться со специалистом. Я напишу вам записку к моему коллеге — доктору Баллару.

— А как по-вашему, это очень серьезно? — спросил Флавьер.

— Вас по этому поводу проконсультирует доктор Баллар.

Перо закрипело по бумаге, а Флавьер достал портмоне.

— Вы пойдете в отдел продовольственного снабжения, — сказал врач, продолжая писать, — и по этой справке вам должны выдать дополнительные карточки на мясо и жиры. А особенно вы нуждаетесь в тепле и отдыхе. Избегайте волнений, никаких писем, никакого чтения. С вас триста франков. Все. Спасибо.

И он поспешно направился к двери, опережая Флавьера, в то время, как очередной пациент уже заходил в его кабинет. Недовольный Флавьер спустился по лестнице. Проконсультироваться у специалиста! У психиатра, который вытянет из него все его секреты и заставит признаться во всем, что он знал о смерти Мадлен! Нет, это исключено! Он предпочитает жить со своими кошмарами и каждую ночь блуждать во сне по лабиринтам, кишасим негодьями, и кого-то звать в темноте... Он дошел в этой Африке до такого состояния из-за жары, а вот теперь он спасен.

Подняв воротник пальто, Флавьер направился к площади Тэрн. Он никак не мог узнать этот погруженный в туман Париж, эти широкие пустынные площади и авеню, по которым проезжали лишь джипы. Он даже чувствовал некоторую неловкость от того, что был сли-

шком хорошо одет. Он зашагал быстро, как и все, потому что идти прогулочным шагом тоже считалось роскошью. В тумане смутно вырисовывалась Триумфальная арка. Все вокруг было окрашено в цвета прошлого, цвета памяти. И что это за угрюмый праздник всех святых? И зачем он вообще приехал сюда его отмечать? Не лучше ли было бы ему остаться там? Чего ожидал он от этого паломничества? За это время у него были другие женщины, да и старые раны зарубцевались. Мадлен теперь уже не была даже призраком...

Он зашел в ресторан «Дюпон» и сел у окна. Кроме него в огромной ротонде находилось еще несколько офицеров; никаких звуков, кроме посвистывания кипяильника для кофе. Угрюмый официант пристально разглядывал его, оценивая сукно, из которого было сшито его пальто, и замшевые туфли на каучуковой подошве.

— Рюмку коньяку, — прошептал Флавьер. — Только настоящего!

В кафе и ресторанах он умел говорить тихо и быстро. В этих случаях он принимал достаточно внушительный вид, вероятно, из-за страсти, сковывающей его лицо. Он залпом выпил принесенный коньяк.

— Неплохо, — сказал Флавьер. — Принесите еще одну. — И бросил на столик перед собой купюры — привычка, появившаяся у него в Дакаре. Он напускал на себя вид человека пресыщенного, бросая эти мятые бумажки так, словно возвращался откуда-то с края света, а все эти люди были перед ним в неоплатном долгу. Скрестив руки, он созерцал жидкость, которая так ловко вызывала образы призраков. Нет, Мадлен вовсе не мертва. С той минуты, когда он сошел на вокзале, мысль о ней не переставала терзать его. Бывают лица, которые просто забываешь, они стираются в памяти, время подтачивает их, словно те каменные статуи, стоявшие при входе в храм. А вот Мадлен осталась неприкосновенной. Солнце былых дней сияло вокруг нее, словно нимб. Та последняя кровавая картина на кладбище уже стерлась и была лишь докучавшей мыслью, которая при желании легко могла исчезнуть, зато все другие картины были поразительно свежи и новы, обладали какой-то притягательной силой. Скрестив руки на животе, он сидел неподвижно и думал. Он ощущал теплоту майского дня, он видел, как вокруг Триумфальной

арки кружат машины, а вот идет и она, держа сумочку под рукой. Глаза ее подкрашены тенью, падающей от элегантной небольшой вуали... Она склоняется над мостом, выпуская из рук красный цветок... Она разрывает письмо, клочки которого разлетаются... Допив коньяк, Флавьер тяжело облокотился о стол. Теперь он уже стал стар. Так что же ожидает его впереди? Одиночество? Болезни?.. В то время, как выжившие после войны пытались собрать остатки своих пожитков, отыскать жилища, возобновить прежние дружеские связи и строить будущее, ему оставалось лишь перебирать пепел прошлого. В таком случае зачем отказываться от того, что...

— Принесите еще одну!

На этой он, пожалуй, остановится. Он не любил алкоголь, ему только хотелось разжечь в своей душе небольшой уголок, в котором теплилось немного надежды. Выйдя, он закашлялся от резкого воздуха. Однако теперь город его больше не отпугивал. Дойдя до площади Этуаль, он остановился на краю тротуара, будто бы ожидая кого-то. Февральский морозящий дождь, рассыпаясь на мелкую пыль, проплывал, словно бледное облачко по искрящимся светом улицам. Она больше не придет. Жевинь, возможно, тоже уехал из Парижа... Выйдя на авеню Клебер, Флавьер взглядом поискал тот самый дом. Ставни третьего этажа были закрыты. Шикарная машина Жевиня была по-видимому реквизирована армейским командованием. А картины... портрет мечтательной женщины, висящий над камином... райские птицы?.. Что случилось со всем этим?.. Флавьер решительно вошел в парадное. Консьержка как раз подметала пол, и он спросил у нее:

— Могу ли я видеть месье Жевиня?

— Месье Жевиня?

Она посмотрела на Флавьера, явно не понимая.

— Бедный месье Жевинь, — продолжала она, — он же давно умер.

— Как? Поль умер? — изумленно пробормотал Флавьер.

Но к чему продолжать? Значит, вот что суждено ему находить на каждом шагу: смерть, и только смерть!

— Проходите, — пригласила его консьержка и открыла дверь лоджии.

— Я уехал из Парижа еще в тысяча девятьсот сороковом году, — пояснил Флавьер.

— А-а, вот оно в чем дело.

Возле окна стоял старик с железными очками на носу и задумчиво рассматривал туфель, в который он засунул ногу. Когда они вошли, он поднял голову.

— Прошу вас, — сказал Флавьер, — не беспокойтесь.

— Даже картона нет для ремонта туфель, — проворчал старик.

— Вы были другом месье Жевинья? — продолжала консьержка.

— Другом детства. Он как-то позвонил мне и сообщил о смерти жены, однако в тот день мне было необходимо выехать из Парижа.

— Бедный месье Жевинь! Он ведь даже не осмеливался вернуться в эту квартиру один... Рядом с ним тогда никого не было. Лишь одна я сопровождала его и помогла одеть его бедную супругу. Потому что вы сами понимаете...

— «...А во что вы ее одели? В ее серый костюм?» — чуть было не вырвалось у Флавьера.

— Присядьте, — пригласила консьержка... — У вас ведь найдется минута-другая?

— Я совершенно случайно узнал, что его допрашивали относительно смерти его супруги.

— Допрашивали... Еще бы! Скажите лучше, что его чуть было не арестовали.

— Поля?.. Хотели арестовать? Однако... я полагал, что его жена покончила с собой.

— Да, так оно и было, разумеется, но вы же знаете эту полицию! У бедного месье Жевинья было немало завистников... А когда начинают копать в жизни супругов... Они приходили сюда, уж и не скажу даже сколько раз, со своими бесконечными вопросами о нем и его жене... Все допытывались, ладили ли они, был ли месье дома в этот день, и то, и се... О, господи, боже мой! Ты помнишь, Шарль?

Старик вырезал стельку кухонным ножом из крышки картонной коробки.

— Да, неразбериха была большая, как, впрочем, и сейчас, — пробурчал он.

— А от чего же умер месье Жевинь? — спросил Флавьер.

— Он был убит на дороге, под Мансом. Однажды утром он спустился вниз в очень возбужденном состоянии. «Я уже сыт по горло!» — сказал он. С нами он никогда не стеснялся в выражениях. «Я сматываюсь! Если они хотят меня упечь, то пусть бегут за мной». И с этими словами, побросав свои чемоданы в машину, он уехал... А потом мы узнали... Машина была изрешечена из пулемета. А бедный месье Жевинь, пока его везли в больницу, умер... Нет, он этого не заслужил!

«Если бы я в то время был здесь, — подумал Флавьер, — ему не нужно было бы уезжать и с самолета обстреляли бы кого-то другого, а он остался бы жив. Тогда я смог бы поговорить с ним сейчас, объяснить ему...» Крепко сжав кулаки, он подумал, что ему не следовало бы приходить сюда.

— Им не повезло, — продолжила консьержка. — А вместе с тем они очень хорошо ладили друг с другом!

— А не была ли его жена немножко нездоровая? — скромно поинтересовался Флавьер.

— Нет... У нее был такой печальный вид... в этих ее темных нарядах, но это просто характер у нее был такой.. А когда им случалось вместе идти куда-нибудь, она, напротив, была такая радостная.

— Только вот случалось это нечасто, — сказал старик.

Она повернулась к говорившему:

— При его служебном положении у него совсем не было времени. Ему беспрестанно приходилось ездить в Гавр. Нужно же было понимать это!

— А где ее похоронили? — спросил Флавьер.

— На кладбище Сент-Уэн. Однако злосчастный рок преследовал ее и там. Когда американцы бомбили Ла Шапель, то вся та часть кладбища, растянувшаяся вдоль дороги, была разворочена: повсюду валялись камни и кости. По этому поводу даже состоялась какая-то религиозная церемония.

Флавьер стал дрожать в своем пальто, поднятый воротник которого почти закрывал его лицо.

— И что же осталось от ее могилы? — прошептал он.

— Говорю же вам, что в той части кладбища нет больше никаких могил. Туда привезли землю и засыпали ямы, или воронки, как они говорят. Склепы будут восстановлены несколько позже.

— Да что за чушь ты мелешь! — возмутился старик. — Жалеть нужно не мертвецов, а живых!

Флавьер боролся с представившейся ему картиной и почувствовал, как его начинают душить горькие слезы, которые никогда не потекут по щекам. С этим было покончено навсегда: эта страница его жизни была перевернута, и Мадлен улетучилась при одном лишь прикосновении. словно в древности ее сожгли на костре, а пепел рассеяли по ветру. Теперь это лицо, которое все еще виделось ему, было уже ничем, совсем ничем. Нужно будет восстановить его с наступлением ночи и, освобождаясь, попытаться начать жить заново...

— А что с их квартирой?

— Она закрыта. Ее унаследовал какой-то дальний родственник, кажется, кузен с ее стороны. Все это весьма печально

— Да, — сказал Флавьер.

Встав, он тщательно запахнул пальто.

— Когда узнаешь о смерти своих близких людей, то всегда испытываешь потрясение.

Старик громко стучал молотком, чиня тувель, зажатый между коленями. Флавьер почти бегом выскочил на улицу. Морозящий дождь неприятно обдал его лицо. Флавьер почувствовал, что его вот-вот снова начнет лихорадить. Он зашел в маленькое кафе и сел за столик. Это было кафе, где он прежде встречался с Мадлен.

— Что-нибудь покрепче, — попросил он.

— Хорошо. — с пониманием отозвался хозяин кафе. — У вас такой вид, будто вы не в своей тарелке. — Оглянувшись кругом, он добавил: — Быть может, рюмочку виски?

Флавьер облокотился о столик. Большая волна тепла растекалась по его груди. Ужас отступал, рассеивался, начинал таять, словно кусочек льда, и превращался в спокойную меланхолию. Врач был прав: уход, солнце, покой, душевное равновесие — вот что было

главным. Особенно душевное равновесие! Не думать больше о Мадлен! По пути в Париж он намеревался засыпать ее могилу цветами. И вот надо же! Нет больше никакой могилы! Вот такие-то дела. Последняя связь, и та оказалась разорванной. Паломничество заканчивалось в этом быстро, перед этим наполненным солнечной жидкостью стаканом. Все, что он любил: женщина на портрете, та нежная незнакомка, уведенная им за руку далеко от этих теней, в которых она бы наверняка затерялась — все заканчивалось в стоявшем перед ним стакане виски. Сон, зачатый в момент опьянения! И все же нет, это еще не конец — ведь у него осталась зажигалка. Поднеся ко рту сигарету, он достал золотую зажигалку, посмотрел, как она лежит на ладони. Быть может, нужно выбросить ее, потерять исподтишка, словно животное, от которого хочешь избавиться? Попозже, а сейчас... Он только что решил, а точнее кто-то как всегда, только что решил за него. Поставив стакан, он щедро расплатился. Ему нравилось наблюдать, как лица становились рабскими.

— Нельзя ли вызвать такси?

— Гм! — хмыкнул хозяин кафе. — Это, пожалуй, будет непросто. А вы далеко собираетесь ехать?

— В сторону Манта.

— Ну что ж, попытаться можно.

Он позвонил несколько раз, не переставая улыбаться Флавьеру. Затем положил трубку.

— Густав вас отвезет, — сказал он, — Возможно, он запросит слишком много... Но вы же знаете, сколько стоит сейчас бензин на черном рынке!

Вскоре приехало такси — старая таратайка марки «С4». Флавьер заплатил до поездки. Когда он хотел реализовать какой-то план, у него пропадало все самолюбие. Он терпеливо объяснял Густаву:

— Поедем на север от Манта... там есть между Сайи и Дрокуром небольшая деревушка с колокольней... Я покажу вам дорогу... А затем мы вернемся более коротким путем. Я там долго не задержусь.

Наконец они тронулись. Зимние дороги повествовали им мрачные истории — истории сражений, разрушений, расстрелов и бомбардировок. Окоченевший, забившийся в угол машины, Флавьер смотрел сквозь налипавшую на стекла изморозь на темные поля, напрас-

но пытаюсь припомнить цветущие деревья, белые склоны цветущих ромашек. На этот раз образ Мадлен постепенно отдалялся и начинал действительно умирать. Ну, еще раз! Еще одно усилие! Флавьер прекрасно сознавал, что его сердце ни разу не было в плену, и никогда он так ясно не вглядывался в свою душу, как сейчас. Поэтому он и начал пить, чтобы заставить замолчать свое второе я — этого скептика, свидетеля, насмешника, на все наплевавшего, обвиняющего его в том, что он вечно придумывает себе что-то и играет бесконечную элегию, дабы потешить свою страсть к несчастью, одиночеству и бессилию. Теперь ему нужно было все больше и больше маленьких рюмочек для того, чтобы отшвырнуть этого внутреннего рассудительного свидетеля в небытие. Когда оцепенение овладевало всем телом Флавьера, тогда вновь появлялся нежный и милосердный образ Мадлен, говоривший ему о жизни, которая могла бы у них быть, и у Флавьера чуть ли не кровоточило сердце от счастья. И совсем другой Флавьер просыпался утром: злой, извергающий оскорбления.

— Вождь и Сайи! — прокричал Густав.

Кончиками пальцев Флавьер протер стекло.

— Сверните вправо, — сказал он. — Эта деревушка должна быть километрах в двух-трех.

Такси поползло по дороге, изрытой колдобинами. Почерневшие от дождя деревья нависали над заполненными листьями ямами. Время от времени появлялся домик, над которым вился синий дымок.

— Вон виднеется высокая колокольня, — сообщил Густав.

— Да! Это здесь... Подождите меня возле церкви.

Машина повернула, как и в прошлый раз. Ступив на землю, Флавьер поднял голову к галереям, огибавшим колокольню. Он не чувствовал волнения, и тем не менее его охватил какой-то могильный холод. Он отошел в сторону, ища дома, крыши которых он видел оттуда, сверху, когда боролся с приступом головокружения. Они были здесь, напротив, спрятавшиеся среди каштанов с оголенными ветками... Десяток серых лачуг, вокруг которых бесшумно копошились цыплята. Здесь же была невысокая лавчонка с витриной со стершими буквами. Флавьер вошел в нее. Внутри пахло све-

чами и керосином. На этажерке желтели какие-то почтовые открытки.

— Что вам угодно? — спросила вышедшая из глубины лавки старуха.

— Нет ли у вас случайно яиц? — спросил Флавьер. — Или немного мяса? Я болен, а у нас в Париже нет никакой возможности достать продукты.

Однако тон его был недостаточно искренним, а вид недостаточно жалким, поэтому он заранее знал, что она ему откажет. Он рассеянно рассматривал открытки.

— Тем хуже, — пробормотал он. — Ладно, поеду, спрошу в другом месте. А вот открытку с видом этой церкви... я, пожалуй, возьму... Интересно, значит, она называется Сен-Николя?.. Это название мне кое-что напоминает. Погодите-ка, в сороковом году... мае сорокового года... газеты, кажется, писали о каком-то самоубийстве?

— Да, тут одна женщина упала с колокольни.

— Точно, точно... Теперь я вспомнил. Жена одного промышленника, не так ли?

— Да, мадам Жевинь. Я помню ее имя — это ведь я нашла ее под колокольней. С того времени произошло много событий... Однако я так и не смогла забыть эту несчастную женщину.

— Возможно, у вас есть хоть немного водки, а то я никак не могу согреться, — спросил Флавьер.

Она подняла на него глаза, которые давно уже ничего не выражали:

— Возможно, — ответила она.

Флавьер положил открытку в карман и выложил несколько монет в тот момент, когда она отправилась за бутылкой и стаканом. Виноградная водка оказалась отвратительной и обжигала горло.

— Странная мысль, — заметил он, — броситься вниз с колокольни.

Она медленно упрятала руки в платок. Возможно, она не находила эту мысль столь уж сумасшедшей.

— Она, наверное, была уверена, что достигнет своей цели, — ответила старуха. — Колокольня более двадцати метров в высоту, а она упала головой вниз.

«Ясно», — чуть было не вырвалось у Флавьера. И хотя дыхание его участилось, однако страданий он уже не испытывал. Просто он почувствовал, что образ Мад-

лен покидает его и что она умирает окончательно. Каждое слово старухи было как бы комком земли, брошенным на гроб.

— Я тогда одна была в деревне, — продолжала она, — здесь не осталось ни одного мужчины! Все были демобилизованы, а женщины были в поле. В шесть часов я пошла в церковь, потому что мой сын находился во французской армии...

Она вдруг замолчала на мгновение и показалась ему еще более чахлой в своей черной одежде.

— А вышла через ризницу. С обратной стороны церкви есть дверь... Просто мне ближе домой идти через кладбище... Именно в тот момент я и увидела ее... Понадобилось довольно много времени, чтобы сообщить в полицейское отделение...

Она, несомненно, вспоминала страх и усталость того дня: приехали наконец полицейские, стали ходить туда-сюда по кладбищу, освещая землю электрическими фонариками, а затем, немного позже, приехал муж. Он все время, что находился здесь, не отрывал носовой платок от лица...

— Это были, наверное, горестные моменты для него. — сказал Флавьер.

— Да, особенно, когда полицейские крутятся у вас целую неделю. Они вообразили, что несчастная женщина была сброшена вниз...

— Сброшена?.. Почему они так решили?

— Потому что люди из Сайи заметили во второй половине дня направляющуюся сюда машину, в которой сидели мужчина и женщина.

Флавьер раскурил сигарету. Так вот в чем дело. Свидетели, оказывается, приняли его за мужа, это подозрение и привело к гибели Жевиня.

Сейчас уже ни к чему возражать и объяснять старухе, что тот мужчина не был Жевинем и что все это — чудовищная ошибка. Эта история уже больше никого не интересовала. Осушив стакан, он поискал глазами, что бы еще купить, однако в лавке больше не было ничего, кроме метелок, вязанок хвороста и катушек шпагата.

— Спасибо за водку, — пробормотал он.

— Не за что, — ответила старуха.

Выйдя из лавки, Флавьер выбросил сигарету, из-за которой закашлялся. Приблизившись к церкви, он в

нерешительности остановился. Нужно ли ему войти, чтобы еще раз остановиться у алтаря, перед которым она молилась? Ее-то молитва все равно оказалась бесполезной. Она ведь все равно растворилась в пространстве. Он подумал о христианской доктрине, о воскрешении плоти. Каким же образом в Судный день тело Мадлен сможет снова воскреснуть из этих разрозненных атомов, превратившихся в элементарные частицы? «Прощай, Мадлен!» — прошептал он, глядя на крест, вокруг которого летали вороны.

— Ну что, возвращаемся, шеф? — спросил шофер.

— Да, возвращаемся.

А когда такси тронулось, он решил удостовериться, глядя через заднее стекло, как удаляется колокольня и что прошлое тоже отступает, навсегда исчезает за поворотом дороги. Закрыв глаза, он дремал до самого Парижа.

После обеда, не в силах устоять, Флавьер отправился к доктору Баллару и рассказал ему свою историю, словно духовнику, не называя тем не менее имени Жевиня и не рассказывая о юридических последствиях драмы. Больше он уже не мог держать этого в себе, а говорил чуть не плача.

— Короче говоря, — сказал психиатр, — вы все еще ищете ее и отказываетесь поверить в ее смерть.

— Это не совсем так, — возразил Флавьер. — Она, разумеется, мертва, я в этом уверен. Но вот я думаю... и это ненормально, если хотите... я все думаю о ее бабушке, этой Полине Лажерлак... В общем, вы понимаете, что я хочу сказать... они обе были одним и тем же человеком.

— Иными словами, эта женщина — Мадлен — уже умерла однажды, верно? Вы это хотите сказать? Вы в это верите?

— Нет, доктор, это не вера. Я знаю то, что я сам видел и констатировал...

— Короче говоря, вы полагаете, что Мадлен могла бы вновь ожить, так, как это уже однажды с ней произошло.

— Ну, если вы представляете вещи подобным образом...

— В вашей голове они, разумеется, менее четки.

Вы подсознательно пытаетесь их затушевывать. Прилягте, пожалуйста.

После долгой проверки его рефлексов врач скривился.

— А до того вы пили?

— Нет, пить я начал постепенно, в Дакаре.

— А наркотики вы никогда не употребляли?

— Нет, никогда.

— Не знаю, действительно ли вы очень хотите выздороветь.

— Разумеется, хочу, — пробормотал Флавьер.

— Ну, тогда вам необходимо придерживаться следующих рекомендаций: во-первых, больше не пить; во-вторых, навсегда забыть эту женщину, повторяя себе ежедневно, что она действительно умерла и что умирают раз и навсегда. Вы слышите меня? Навсегда... Вы должны стараться из всех сил.

— Да.

— Только в таком случае вы сможете избавиться от всяких сомнений. Я напишу вам записку к одному моему другу, который содержит санаторий под Ниццей.

— А меня там не госпитализируют?

— Ну что вы! Вы не до такой степени больны. Я посылаю вас в этот санаторий, потому что там подходящий для вас климат. Такому человеку, как вы, приехавшему из Африки, необходимо много солнца. У вас есть деньги?

— Да.

— Предупреждаю вас, что это надолго.

— Я пробуду там столько, сколько будет нужно.

— Превосходно.

Флавьер присел, так как у него обмякли ноги. Он больше не обращал внимания ни на слова врача, ни на свои жесты, повторяя лишь про себя: «Выздороветь... Выздороветь»... Он уже сожалел, что полюбил когда-то Мадлен, будто эта любовь таила в себе смертельную опасность. Ах, как ему хотелось снова зажить нормально, начать все сначала, видаться с другими женщинами, быть таким, как все!.. Врач все увеличивал число своих рекомендаций, а Флавьер принимал их и обещал все выполнить. Да, он уедет прямо сегодня вечером.. Да, он перестанет пить. Да, он будет отдыхать... Да... Да...

— Если хотите, я могу вызвать такси, — предложила медсестра.

— Я предпочел бы пройти пешком.

Он отправился в агентство путешествий. Записка, приколотая к окошечку кассы, сообщала, что билеты на все поезда уже проданы на неделю вперед. Достав бумажник, Флавьер купил билет на поезд, отправляющийся сегодня же вечером. Ему оставалось лишь позвонить во Дворец Правосудия и в свой банк. Уладив все свои дела, он решил побродить по городу, в котором чувствовал себя чужим. Поезд на юг отправлялся в девять часов вечера. Затем он пообедал в своей гостинице, но у него оставалось четыре часа, которые он не знал, как убить. Тогда он зашел в первый попавшийся кинотеатр, его даже не интересовало, какой именно фильм идет — ему просто нужно было как можно скорее забыть свой визит к Баллару и вопросы доктора. Да, он никогда серьезно не думал над тем, что рискует превратиться в сумасшедшего, а теперь ужасно испугался, и от этой мысли по спине побежали мурашки, а желание выпить иссушило горло. В нем с новой силой вспыхнули ненависть и отвращение к себе.

Вспыхнул экран, и грохочущая музыка возвестила о начале кинохроники. **Визит генерала де Голля в Марсель.** Мундиры, флаги, автоматы, с трудом сдерживаемая на тротуаре толпа. Лица схвачены крупным планом, чей-то открытый рот, выкрикивающие приветствия, которые нельзя было разобрать. Какой-то толстяк, подбрасывающий свою шляпу, какая-то женщина, медленно поворачивающаяся лицом к камере: видны были ее очень светлые глаза, ее худощавое лицо, похожее на портрет кисти Лоуренса. Прокатившаяся по толпе волна внезапно скрыла ее, но Флавьер успел узнать ее. Он привстал, потянувшись к экрану всем телом. Лицо его выражало неописуемый ужас.

— Сядьте! — прокричал кто-то. — Сядьте!

Он расстегнул воротник, чувствуя, что теряет сознание, а с трудом сдерживаемый крик распирает его грудь. Ничего не соображая, он смотрел на фуражки, приветствия, мелькание горнов. Чья-то мощная рука заставила его наконец сесть.

Нет, это, наверное, была не она... Оставшись на второй сеанс, Флавьер заставил себя хладнокровно смотреть на экран. Он ожидал появления лица, сосредоточив все свое внимание и приготовившись уловить и запомнить этот образ. Наконец ее образ вновь появился на какую-то секунду. Какая-то часть его застонала снова в то время, как другая даже не дрогнула. Ошибиться он не мог: женщине на экране около тридцати лет, она, похоже, довольно полная... что еще? рот... у нее были не такие контуры губ... Вместе с тем явное сходство нельзя было отрицать. Особенно глаза... Флавьер скривился, пытаясь сравнить недавнее воспоминание с прежним и в конце концов увидел лишь разноцветные круги, будто бы долго смотрел на яркий свет. Вечером он снова пошел в кино. Ну что ж, ему придется уехать завтрашним поездом, тем хуже... Во время вечернего сеанса он заметил еще одну деталь: мужчина, которого показывали крупным планом перед тем, как появлялось на экране лицо незнакомки, он явно был с ней. Наверняка это был ее муж или любовник. Он сопровождал ее, держа под руку, несомненно для того, чтобы не потерять ее в толпе. И еще одна деталь, прежде ускользнувшая от Флавьера: мужчина был хорошо одет. На галстук у него была огромная жемчужина, а на незнакомке была меховая шуба... Флавьер заметил еще что-то, но вот только что?.. Из кинотеатра он вышел сразу же по окончании новостей. Улицы были слабо освещены, по-прежнему шел дождь, и Флавьер нахлобучил шляпу, потому что к тому же дул пронизывающий ветер. Этот жест напомнил ему сцену в Марселе: мужчина был с непокрытой головой, несмотря на то, что был одет в пальто, а на заднем плане смутно виднелась гостиница и три, расположенные по вертикали буквы: «РИЯ». Вероятно, это было название отеля, расположенное на стене здания и освещенное по вечерам. Пожалуй, нечто вроде АСТОРИЯ... Ну хорошо, и что дальше? А дальше ничего... Теперь Флавьер лишь забавлялся тем, что восстанавливал в памяти лицо женщины, мелькнувшее в хронике — он давно уже не предавался страсти к логическим рассуждениям. Тем не менее, ему было приятно отметить, что мужчина и жен-

щина, по всей вероятности, вышли из гостиницы, чтобы присутствовать при прохождении кортежа. Что же касается схожести... Да, эта женщина действительно похожа на Мадлен. Ну и что?.. Какое ему до этого дело! Есть повод волноваться! В Марселе живет счастливый мужчина вместе с женщиной, глаза которой... Но ведь теперь повсюду видишь счастливых людей! Необходимо привыкнуть к мысли, даже если от нее становится не по себе!.. Флавьер в нерешительности остановился в баре гостиницы. Да, он, конечно, пообещал врачу... но ему ведь необходимо было пропустить стаканчик-другой, чтобы вычеркнуть из памяти этих путешественников из «АСТОРИИ».

— Виски!

Он выпил три рюмки, но сейчас это не возымело никаких последствий, поскольку ведь он все равно решил серьезно заняться своим лечением, а виски все же эффективнее коньяка. Он решительно подавил в себе сожаления, подозрения и горечь — оставалось лишь чувство огромной несправедливости, но его ничем нельзя было приглушить. С мыслью, что глупо было бы откладывать свой отъезд, Флавьер лег спать.

На следующий день он, опустив несколько купюр в карман контролера, устроился в купе первого класса. Эта бесконечная упоительная власть денег появилась у него слишком поздно. Но несмотря на обладание ею, он был лихорадочно возбужденным, усталым и угрюмым. Если бы он был богат еще до войны... если бы он мог предложить Мадлен... Ну, вот, снова о том же! Но ведь сохранил же он зажигалку, быть может, из-за этой дурацкой хроники. Впрочем, ничто не мешало ему опустить окно и выбросить ее. Есть некоторые вещи, обладающие тайной силой, выделяющие нечто вроде невидимого яда, медленно отравляющие жизнь. Бриллианты, например. Так почему же это не может быть зажигалка? Но наверное, он никогда так и не сможет от нее избавиться. Она ведь является доказательством того, что он чуть не стал счастливым. В завещании он требует, чтобы его похоронили вместе с этой зажигалкой. Ложиться в гроб с зажигалкой! Вот еще одна сумасшедшая мысль!.. Под мерный стук колес он мечтал... он забавлялся этой мыслью... Так почему же тайна лабиринтов всегда привлекала его, преследовала? Этот

шум падающей в глубине подземелья воды, затхлое дыхание ночи, ощущавшееся сквозь лабиринты переходов, узких тоннелей, этот застывший, извилистый разветвленный мирок рудников, озер со стоячей водой, драгоценных камней в своих оболочках? Когда он был в Сомюре... все началось там, быть может, из-за его одинокого детства... Он постоянно читал и перечитывал, дрожа нервной дрожью, старую книгу мифов — почетный приз, полученный его дедом... На форзаце был написан девиз по латыни: «Все побеждает упорный труд». Листая покрывшиеся рыжими пятнами страницы, он рассматривал очаровавшие его гравюры: Сизиф с камнем, Данаиды... и выходящий из подземного мира Орфей, ведущий за руку Эвридику. И несмотря на свой скрытый вуалью греческий профиль, она походила на девочку из книги Киплинга... Голова Флавьера мерно покачивалась в такт движению поезда. Ему было хорошо, он наслаждался самим собой, своей усталостью, своей вновь обретенной свободой. В Нице он, возможно, купит себе виллу где-нибудь на окраине. Днем он будет спать, а по вечерам в час, когда летучие мыши машут крыльями, словно черные бабочки, будет бродить по берегу ни о чем не думая... О! Ни о чем не думая! Он все глубже погружался в небытие дремоты, словно странник, постепенно узнающий свою страну и начинающий идти все увереннее.

Неожиданно Флавьер сошел с поезда, когда тот остановился в Марселе. Разумеется, и речи быть не может, чтобы оставаться в этом городе. Впрочем, он все же решил выяснить этот вопрос у служащего вокзала.

— Ваш билет дает вам право продолжить путь в течение восьми последующих дней.

Итак, бесполезно хитрить и обманывать самого себя, ему вскоре придется отсюда уехать. А это простая остановка в пути, ни к чему его не обязывающая. Он только проверит, и ничего больше. Флавьер поднял руку, останавливая такси.

— В «Асторию».

— В «Уолдорф Асторию»?

— Ну, разумеется, — сказал Флавьер.

В холле огромной гостиницы он осторожно осмотрелся. Флавьер прекрасно знал, что это была игра —

он играл в данный момент в страх, который сам на себя нагнал. Ему нравилось это волнение и ожидание неизвестности!

— Вы надолго заказываете номер?

— Э... да, возможно, на неделю.

— У нас свободен только один большой двухкомнатный номер с гостиной на втором этаже.

— Мне все равно.

Ему это даже почему-то нравилось: сказывалась привычка к роскоши, чтобы поверить в комедию, которую он сам для себя играл. Поднимаясь в номер, он спросил лифтера:

— Скажите, какого числа генерал де Голль приезжал в Марсель?

— В позапрошлом воскресенье.

Значит, прошло двенадцать дней, подсчитал Флавьер. Это много.

— А вы случайно не встречали здесь мужчину средних лет, элегантного, с жемчужной булавкой в галстук?

Ожидая ответа, он чувствовал, как под ребрами покалывает предательская боль, хотя он заранее знал ответ.

— Нет, я не помню, — ответил лифтер. — Здесь за день проходит столько людей!

Черт возьми! Да это и так ясно! Вовсе не из-за чего разочаровываться. По старой привычке Флавьер закрыл дверь на ключ. У него всегда была страсть к разного рода задвижкам, надежным замкам, но теперь она просто переросла в манию. Побрившись, он изысканно оделся. Это тоже входило в правила игры. Его руки слегка дрожали, а глаза, отражение которых он видел в зеркале в ванной, блестели, словно у актера перед выходом. Небрежной походкой он спустился по широкой лестнице и направился к бару, держа одну руку в кармане своего наглухо застегнутого пиджака, так, словно он ожидал встречи с каким-нибудь своим старинным другом. Его взгляд быстро забегал по сторонам, останавливаясь на женщинах. Увидев свободное место у стойки, он сел.

— Виски!

По обе стороны узкой танцевальной площадки сидящие в креслах люди о чем-то болтали. Какие-то муж-

чины с сигаретами в руках беседовали стоя. В стаканах стояли маленькие флажки, на каждой бутылке играли отблески, исполняемая синкопами музыка медленно билась, словно в лихорадке, и жизнь начинала походить на сказку. Флавьер пил виски быстрыми жадными глотками, и его тоже начала охватывать лихорадка. Он чувствовал себя уже готовым. Только вот к чему?..

— Еще виски!

Наверное, он был готов, не дрогнув, вынести присутствие той пары из кинохроники. Хорошенько рассмотреть их, а затем уйти. Большого он не просил. Быть может... они в зале ресторана? Он направился в огромный зал, в котором к нему подскочил гарсон и тут же подвел его к столику.

— Месье один?

— Да, — рассеянно ответил Флавьер.

Несколько ослепленный светом и смущенный, он неловко сел на предложенный стул, не осмеливаясь до поры до времени рассматривать посетителей. Почти наугад он выбрал несколько блюд, а затем со скучающим видом начал медленно, осторожно разглядывать сидящих в зале. Было много офицеров и очень мало женщин, и на него никто не обращал внимания. Одинок сидящий в своем углу, он никого не интересовал. И вдруг понял, что попросту теряет время, что его умозаключения были нелепыми и что та парочка вовсе не останавливалась в этой гостинице. Камера случайно зафиксировала их двоих, остановившихся на тротуаре. Они вполне могли выйти из машины или же прийти из соседней гостиницы. Так что же делать? Обыскивать город? С какой стати? И для чего? Для того, чтобы найти женщину, смутно напоминающую... Чтобы вернуть к жизни превратившуюся в пепел любовь?..

Он заставил себя поесть. Да, он был до ужаса одинок. Он навязал себе эту поездку и путешествие в Ниццу, чтобы погрузиться в огромную волну шума, радости и ненависти, омывающую Европу. Что же касается его паломничества, так это не более, чем предлог. И этим вечером он был ничем иным, как обломком, выброшенным на берег прибоем. Ему оставалось лишь вернуться назад, в Дакар, и снова заняться своими монотонными делами. Если уж на то пошло и ему так хочется излечиться, то ведь там тоже есть клиники...

— Вам кофе с ликером?

— Да.

Время шло. Флавьер курил, беспокойно шаря глазами, чувствуя, как у корней волос выступает пот. Вокруг него под звон приборов и подносов поднимались и садились люди. Так что абсолютно бесполезно оставаться здесь восемь дней. Завтра же ему необходимо уехать в Ниццу и немного передохнуть, прежде чем еще раз распрощаться с Францией. Встав, он почувствовал, как ломит все его кости и насколько он разбит после этого путешествия. Зал уже опустел. Зеркала бесконечное число раз отражали его отощавший силуэт, лавирующий между столиков. Он медленно поднялся по лестнице, дабы предоставить себе последний шанс, однако ему повстречались лишь два американца, которые скатывались вниз, перепрыгивая через ступеньки. Зайдя в номер, Флавьер разделся и швырнул свою одежду в кресло, лег и повернулся на бок. Заснул он с трудом, и даже во сне ему казалось, что он ищет что-то, постоянно ускользающее от него.

Утром, открыв глаза, он ощутил во рту как бы привкус крови и почувствовал себя крайне уставшим. Без всякого энтузиазма поднялся. Вот до чего он дошел по своей же собственной вине! Если бы он забыл Мадлен еще тогда, в сороковом, если бы он не находил удовольствия в трауре по ней, если бы он не пренебрег своим лечением... А теперь он, возможно, обречен. О! Как он сейчас себя возненавидел! Как он злился на себя за то, что был человеком со сложными чувствами, эстетствующий, культивирующий подозрительные, приводящие в смятение чувства! Он осторожно помассировал свои веки, затем жестом, ставшим для него привычным, приложил руку ко лбу... Он болен!.. Он просто болен!.. Отныне все будут ласково беседовать с ним... Закончив свой туалет, он поторопился просмотреть железнодорожное расписание. Марсель, со своим дымом, шумом и слишком оживленной жизнью, бурлящей на улицах, казался ему городом ненадежным. И ему хотелось, чтобы за ним по-матерински ухаживали одетые в белое женщины, ему хотелось тишины, он мысленно придумывал очередной роман, чтобы победить ту ужасную мысль, которая несмотря ни на что, время от времени проры-

валась в нем, словно артерия, наполненная черной кровью: «Я пропал!»

Одевшись, он вышел в длинный коридор, устланный ковром. Голова у него по-прежнему болела. Тогда он спустился по лестнице, ступенька за ступенькой, вздохнул поглубже и направился к дежурному. В небольшом зале, расположенном напротив кассы, завтракали постояльцы — солидные мужчины, челюсти которых с отвратительной методичностью сжимались и разжимались. Флавьер посмотрел на одного полного мужчину... Не сон ли это?.. У мужчины на галстук... о боже!.. Неужели это он?.. Элегантный мужчина лет пятидесяти разрезал надвое хлеб, беседуя с молодой женщиной. Последняя сидела спиной к Флавиеру. Это была брюнетка с очень длинными волосами, наполовину спрятанными шубой, брошенной на ее плечи. Для того, чтобы увидеть ее лицо, нужно было бы войти в зал... Да, он сейчас войдет... Но немного позже. В настоящий же момент он чувствовал себя слишком взволнованными. Эти глупые эмоции были ему совсем ни к чему. Машинально он вынул сигарету из портсигара, но тут же положил ее на место. Никаких опрометчивых поступков! И прежде всего этот мужчина с женщиной никоим образом не интересуют его. Облокотившись о стол, он тихо и доверительно спросил у служащего:

— Скажите, этот господин, который сидит вон там... ну, тот, несколько лысоватый... видите... ну, тот самый, что разговаривает с женщиной в шубе... вы не помните его имя?

— Алмариан.

— Алмариан!.. А чем он занимается?

Служащий подмигнул:

— Всем понемножку... Сейчас есть возможность подзаработать денег... Вот он и зарабатывает!

— А это его жена?

— Уверен, что нет... Знаете, он никогда не оставляет ее надолго.

— Есть ли у вас железнодорожное расписание?

— Разумеется, месье.

Сев в кресло в холле, Флавьер сделал вид, что листает расписание, а сам поднял глаза. Отсюда ему легче было наблюдать. И уверенность зажглась в нем,

словно темное солнце... Мадлен! Это была она! Да и как вообще он мог сомневаться?.. Правда, она изменилась, постарела, ее лицо отяжелело... Это была немножко другая Мадлен, но все же это была Мадлен... Все та же!

Флавьер медленно соскользнул в глубину кресла, откинув голову на спинку. У него не хватило сил достать носовой платок, чтобы вытереть пот, обильно выступивший на лице. Возможно, он потерял бы сознание, если бы попытался сделать какой-нибудь жест или же сформулировать какую-нибудь мысль. Он не шевелился, а образ Мадлен снова присутствовал в его памяти, молниеносно носился в его сознании, пылал под смежившимися веками. «Я просто умру, если это действительно она», — подумал он. Расписание, выскользнув из его рук, упало на пол.

...Медленно, неуверенно, Флавьер все же взял себя в руки. Не станет же он в конце концов терять голову из-за того, что увидел двойника Мадлен! Он открыл глаза. Нет, это не двойник! Но кто может сказать, почему мы так уверены, что узнаем кого-то. Теперь-то он знал, что Мадлен здесь, рядом с этим толстым Алмарианом, точно так же, как он знал, что это все не сон, что его точно зовут Флавьер и что он сейчас испытывает адские муки. А испытывает он муки от того, что так же точно знает и сам лично убедился в том, что Мадлен уже была мертва...

Поднявшись, Алмариан предложил своей даме руку. Склонившись над расписанием, Флавьер так и застыл в этой позе на время, пока парочка выходила в холл и проходила мимо него. Он заметил полу шубы и элегантную обувь... Подняв голову, он увидел их сквозь решетку лифта, рисующую на лице Мадлен тонкую сеть теней, похожую на вуаль, и он снова испытал тот горький привкус старой любви. Флавьер поднялся и, сделав несколько неуверенных шагов, бросил расписание на стол, задаваясь вопросом: узнала ли его она?

— Месье сохраняет за собой номер? — поинтересовался служащий.

— Разумеется! — буркнул Флавьер.

Этот ответ заранее предрешал его судьбу, и он это прекрасно понимал.

Все утро Флавьер бродил под теплыми лучами сол-

нца на подступах к старому порту. Здесь сновали спекулянты. При прохождении составов старые камни мостовой дрожали, словно кратер вулкана. С опаской он попытался предаться шуму и сиянию толпы. Сколько бы людей ни было рядом с ним, они все равно не смогут развеять этот страх... Ведь он же видел ее труп собственными глазами... Да и Жевинь его тоже видел, и та старуха, которая готовила Мадлен в последний путь... и полицейские, уполномоченные вести это дурацкое расследование. Человек десять наверняка опознали ее... Значит, спутницей этого Алмариана была вовсе не Мадлен...

В баре на улице Канебьер он выпил анисового ликера... Всего лишь одну рюмку, однако сразу же почувствовал, как погружается в легкое забытие. Он раскурил сигарету при помощи зажигалки, той самой зажигалки, которая не могла обманывать, которая лежала в его руке, согретая его пальцами. Мадлен умерла там, у подножия церкви... а до нее умерла Полина... И все же... Он заказал виски, поскольку мысль, мелькнувшая в его сознании, была до такой степени странной, что ему необходимо было сконцентрировать все свои силы, чтобы рассмотреть ее под всеми углами. Он без труда припомнил их беседу в Лувре. «Я уже была здесь с каким-то другим мужчиной, — сказала тогда Мадлен... — Он был похож на вас, вот только он носил бакенбарды...»

Как неожиданно все прояснилось! В то время он еще не мог этого понять, так как был полон жизненных сил и ослеплен предрассудками. Ведь тогда он еще не испытывал ни несчастий, ни болезни... А сейчас был готов принять ту невероятную и утешительную истину. Так же, как и Полина использовала тело Мадлен, так и теперь эта Мадлен... Да и он сам, в какие-то давние времена, о которых он, возможно, уже забыл, видел это фиолетовое море, эти коричневые паруса... Быть может, он тоже умирал?.. Интересно, сколько раз?.. О боже, если бы только можно было быть уверенным, по-настоящему уверенным... А Мадлен, она ведь все знала!.. Тогда почему же он боялся? Чего он опасался? Проснуться? Не верить больше в чудо? Оказаться ужасно обманутым? Нет. Он боялся лишь вновь увидеть ее в ситуации, когда не сможет помешать себе заговорить с ней. Он хотел обязательно поговорить с этой Мадлен. Одна-

ко сможет ли он вынести взгляд ее глаз? Без дрожи слышать звуки ее голоса?

Шатаясь, Флавьер поднялся и побрел в гостиницу, чтобы переодеться к ужину. Он оделся во все черное, считая, что ему по-прежнему следует носить траур. Как только он переступил порог бара, так сразу же заметил ее в зале ресторана. Она, казалось, мечтала, опустив подбородок на скрещенные руки, в то время, как Алмариан что-то тихо говорил мэтр-дотелю. Присев, Флавьер поднял палец, и гарсон, уже хорошо знавший его, поставил перед ним рюмку виски.

На узкой танцевальной площадке кружились пары, а через широко открытую в зал дверь были видны медленно движущиеся посетители. Она выглядела грустной, и именно эта грусть очаровывала Флавьера. Уже тогда... А Жевинь ведь ласкал ее! Забавно, что все ее вещи унаследовали незнакомцы и, наверное, теперь она оказалась бедной и вынуждена была жить с этим Алмарианом, похожим на очень хитрого халифа. У нее в ушах были безвкусные серьги, ногти ее были ярко накрашены. А ведь раньше Мадлен выглядела куда более элегантно! Флавьеру казалось, что он смотрит плохо дублированный фильм с актрисой, случайно снявшейся в роли звезды. Она почти ничего не ела, а лишь время от времени пригубливала бокал. Когда Алмариан встал, она, казалось, испытала некоторое облегчение. Войдя в бар, они поискали свободный столик. Флавьер развернул вертящееся сидение, но вдруг услышал, как Алмариан у него за спиной заказал два фильтра. Быть может, сейчас?.. Нет, у него не хватит духу. Протянув гарсону купюру, он сполз со стула. Теперь ему нужно было обернуться и сделать еще три шага. И тогда четыре года страха перестанут висеть над ним, прошлое и настоящее соединятся, и Мадлен будет здесь, словно они расстались с ней накануне после прогулки по Версалию. И, возможно, она даже забудет, как она ускользнула...

Он вдруг резко ступил три шага и, церемонно склонившись к молодой женщине, пригласил ее на танец. В течение нескольких секунд он видел этого Алмариана вблизи: желтоватого оттенка щеки, увлажненно-бархатно-черные глаза, и рядом поднятое лицо Мадлен, ее блеклый взгляд, выразивший лишь скуку. С хмурым

видом она согласилась. Может ли быть такое, что она еще не узнала его? Прижавшись друг к другу, они танцевали. У Флавьера перехватило горло, ему показалось, будто бы он преступает какую-то важную грань.

— Меня зовут Флавьер, — прошептал он. — Это имя вам ничего не напоминает?

Лишь из вежливости она сделала вид, что пытается припомнить.

— Нет, извините меня... но оно мне действительно ничего не напоминает.

— А вас как зовут? — поинтересовался он.

— Ренэ Суранж.

Флавьер хотел было запротестовать, но вдруг понял, что она, разумеется, должна была изменить свой гражданский статус, и его волнение усилилось. Исподтишка он рассматривал ее. Лоб, голубизна глаз, линия щек, каждая деталь этого любимого лица, сотни раз возникающего в его памяти — все было таким же, как прежде. Если бы он закрыл глаза, то подумал, что перенесся в залы Лувра, где он в первый и последний раз держал Мадлен в своих объятиях. Однако прическа новой Мадлен была не элегантной, и губы ее, несмотря на кремы и помаду, увяли. Но так было даже лучше. Она уже не пугала его. Он осмелился прижать ее к себе и почувствовал, что она так же полна жизни, как и он, хотя смутно опасался, что обнимает тень. Он чувствовал женщину и злился на себя за то, что уже желал ее.

— До оккупации вы, наверное, жили в Париже?

— Вовсе нет. В то время я была в Лондоне.

— Неужели? А вы не занимаетесь живописью?

— Нет, не занимаюсь... Правда, в свободное время я немного рисую, но не более.

— Вы никогда не бывали в Риме?

— Нет.

— А почему вы пытаетесь обмануть меня?

Она посмотрела на него своими светлыми, пустыми, незабываемыми глазами.

— Я не обманываю вас, уверяю.

— Сегодня утром вы видели меня в холле и узнали. А теперь вы делаете вид...

Она попыталась высвободиться, но Флавьер еще сильнее прижал ее к себе, благословляя оркестр, игравший непрерывную мелодию.

— Простите меня, — продолжал он.

Впрочем, ведь Мадлен в течение многих лет тоже не знала, что она была Полиной. Ничего удивительного в том, что Ренэ не знает еще, что она Мадлен. «Я совершенно пьян», — подумал Флавьер.

— А он ревнив? — спросил Флавьер, указывая глазами на Алмариана.

— Увы, нет! — грустно ответила она.

— Ну и, конечно же, он промышляет на черном рынке, не так ли?

— Разумеется, а вы?

— Я нет. Я — адвокат. Он очень занятой человек?

— Да, он часто и довольно надолго исчезает по делам.

— Значит, я могу увидеть вас в течение дня?

Она не ответила, а он опустил свою руку на ее талию.

— Если я вам понадобится, — прошептал он, — то знайте, что я живу в семнадцатом номере... Вы запомните?

— Нет... А теперь мне нужно вернуться к нему.

Алмариан курил сигарету и читал «Дофина либере».

— Полагаю, что он прекрасно обходится без вас, — сказал Флавьер. — До завтра.

Поклонившись, он вышел, пересек холл, забыв, что даже не поужинал. Поднимаясь к себе, он справился у лифтера:

— В каком номере живет месье Алмариан?

— В одиннадцатом, месье.

— А как зовут даму, которая живет вместе с ним?

— Ее зовут Ренэ Суранж.

— Это ее настоящее имя?

— Ну конечно же. Это имя записано в ее удостоверении личности.

Флавьер, который никогда не делал никаких подарков, почувствовал вдруг, что стал щедрым. Он отдал бы все, что угодно, лишь бы только узнать... Только бы узнать! Прежде чем лечь спать, он выпил несколько стаканов воды, но так и не смог рассеять туман, в который медленно погружался. Теперь он снова должен был признаться себе, что опять испытывал страх. Даже несмотря на то, что выпил, он прекрасно отдавал себе отчет,

что она не могла не узнать его. В противном случае, либо она потеряла полностью память, либо ломала ко медию, либо она была не Мадлен!

Проснувшись на следующий день, он в бешенстве задал себе тот же вопрос и со злорадством заключил, что ему самое время поехать провериться к психиатру в Ниццу. Вспоминая свои вчерашние разглагольствования, он краснел. Впрочем, в Марселе ему больше нечего было делать. Здоровье прежде всего! И к черту эту девушку, похожую на Мадлен!

И тем не менее, дождавшись ухода Алмариана, он подошел к его номеру и постучался, словно был старым знакомым.

— Кто там?

— Флавьер.

Она открыла дверь. У нее были красные глаза, опухшие веки, и она еще не успела одеться.

— Что с вами? Что все это означает?

Она опять заплакала, а Флавьер, закрыв дверь, задвинул защелку.

— Ну-ну, малышка, объясни мне, в чем дело.

— Это все из-за него, — пробормотала она. — Он собирается меня оставить...

Флавьер откровенно разглядывал ее. Ну, конечно же, это была Мадлен. Правда, Мадлен, изменившая ему с Алмарианом, а, возможно, и с другими. Сжав в кулаки засунутые в карманы руки, он криво улыбнулся.

— Подумаешь, трагедия! — сказал он игриво. — Ну и пусть себе оставляет! А я зачем здесь, по-вашему?

Рене разрыдалась еще больше.

— Нет! — прошептала она. — Нет!.. Только не вы!

Глава 3

Имею честь сообщить Вам, что указанная Вами сумма была переведена в Марсель на Ваш счет. Этот перевод не слишком сказывается на общей сумме капитала, тем не менее, должен привлечь Ваше внимание на неправильность подобной операции, которая, в случае возобновления, не пройдет, не нанеся ущерба нашей конторе. Надеюсь, Ваше здоровье уже перестало доставлять Вам хлопоты и вскоре мы

будем иметь счастье услышать о Вашем возвращении. У нас здесь все нормально. Дела идут довольно сносно.

Примите, господин директор, мои искренние заверения в самых преданных к Вам чувствах.

Ж. Траубль.»

Флавьер в бешенстве порвал письмо — сейчас малейший пустяк выводил его из себя.

— Что, плохие новости? — поинтересовалась Ренэ.

— Да нет. Этот идиот Траубль вывел меня из себя.

— А кто это?

— Мой заместитель... Послушать его, так завтра нужно ожидать конца света. А ведь доктор Баллар рекомендовал мне длительный отдых... Отдых!

— Иди сюда! — сказал он вдруг резко. — Пойдем подышим воздухом!

Флавьер сожалел, что покинул просторные номера в «Уолдорфе»; комнаты номера «Отель де Франс» были маленькими, мрачными и, кроме всего прочего, страшно дорогими. Однако здесь они могли не опасаться встречи с Алмарианом. Вытащив из портсигара сигарету, он прикурил от спички, так как не осмеливался больше пользоваться зажигалкой с тех пор, как встретил снова Мадлен... Стоя перед зеркалом шкафа, она поправляла прическу.

— Мне не нравится эта прическа, — пробурчал он. — Ты не могла бы немного изменить ее?

— Как изменить?

— Ну, почему я знаю? Завязать волосы, например, узлом на затылке.

Говорил он, конечно, не задумываясь, и тут же разозлился на себя за сделанное им замечание. К чему вновь возобновлять ссору, длящуюся уже не один день и чередующуюся с изнуряющей грубостью и обманчивым успокоением? Они крутились друг возле друга, словно два животных, заброшенных в одну клетку, рыча, показывающих клыки друг другу или же лежащих и отвлеченно мечтающих о свободе.

— Я жду тебя внизу.

Он спустился напрямик в бар и бросил гневный взгляд на улыбавшегося гарсона. Все они походили друг на друга там за своими стойками — такие мягкие, вкрадчивые, все понимающие, шепчущие на ухо

свои предложения, словно они старались обмануть какого-то подозрительного свидетеля. Флавьер выпил рюмку. Он мог себе позволить пить, потому что теперь был во всем уверен. И напрасно она все отрицает — он все равно уверен! В нем жила абсолютная, глубокая уверенность, идущая от плоти и крови, словно Мадлен была его ребенком, а не любовницей. Впрочем, то, что она была любовницей, значило несравненно мало. Ведь он прекрасно обходился и без плотской любви. И даже был несколько разочарован, убедившись, что Мадлен тоже доступно телесное наслаждение. То, что ему всегда нравилось в ней, было что-то такое... он даже не знал, как это выразить... Наверное, это было то, что она представлялась ему не совсем реальной. А вот теперь, напротив, Мадлен, казалось, старалась походить на всех женщин, так как изо всех сил стремилась быть Ренэ. Она просто беспощадно цеплялась за эту новую оболочку, лишенную всякой таинственности. Но вместе с тем... Если бы она только согласилась раскрыть свою тайну! Тогда бы он почувствовал себя чудесным образом исцеленным от одиночества! Ведь это он был мертвецом, а она — вполне живым человеком!

Она спустилась по лестнице, а он с какой-то гримасой на лице наблюдал, как она подходит к нему. Платье на ней было неприятного цвета, вдобавок претенциозное и плохого кроя, да и туфли были на недостаточно высоком каблуке... И потом... Ей необходимо пользоваться совершенно другой косметикой: немного румян, чтобы сделать щеки немного впалыми и придать скулам их волнующую выпуклость, а вот несколько штрихов карандаша придали бы бровям их былую растерянность. Вот они-то и выдавали былую Мадлен. Заплатив, Флавьер пошел навстречу даме. Ему хотелось заключить ее в объятия, чтобы или нежно обнять, или задушить.

— Я торопилась, чтобы побыстрее прийти, — сказала она.

Флавьер чуть было не пожал плечами. Она уже не умела находить слова, которые он от нее ждал. Даже то, как она просовывала свою руку ему под локоть, злило его. Кроме того, Мадлен стала слишком кроткой и боязливой и даже немного побаивалась Флавьера, а его эта боязнь особенно раздражала. Они оба медлен-

но шли рядом. «Если бы мне предложили подобное месяц тому назад, я бы умер от счастья», — подумал он. Но вместе с тем он никогда еще не чувствовал себя таким несчастным, как сейчас.

Проходя мимо витрин, она замедлила шаг и заметно повисла на руке Флавьера, а тот кипел от возмущения, считая подобную фривольность вульгарной.

— Во время войны тебе, должно быть, многого недоставало?

— Мне всего недоставало, — прошептала она.

И это признание растрогало его.

— Это Алмариан одел тебя в такое тряпье?

Он знал наперед, что это слово обидит ее, и вместе с тем не смог удержаться, чтобы не произнести его. Ее пальцы судорожно сжались в его руке.

— Я была очень рада, что мне посчастливилось зацепиться за него.

Теперь настал его черед снести обиду. Но такова была игра, хотя он и не мог с этим смириться.

— Послушай, ты! — в бешенстве начал он...

Впрочем, к чему продолжать?

Флавьер привел ее в центр города.

— Не иди так быстро, — попросила она, — мы ведь гуляем.

Но он не удостоил ее ответом, а лишь рассматривал витрины магазинов. В конце концов он нашел то, что искал.

— Пойдем!.. Вопросы будешь задавать потом.

У входа в магазин им церемонно поклонился служащий.

— Где отдел готового платья? — отрывисто спросил его Флавьер.

— На втором этаже. Лифт в глубине зала.

На этот раз он был настроен решительно, и его заместителю Траублю придется еще раз раскошелиться. Душу Флавьера обжигало какое-то горькое наслаждение. Теперь-то она точно во всем признается!.. Ей придется признаться! Лифтер закрыл решетку, и кабинка поползла вверх.

— Дорогой! — прошептала Ренэ.

— Замолчи!

Он подошел к продавщице.

— Покажите, пожалуйста, нам наиболее элегантные платья, какие только у вас имеются?

— Хорошо, месье.

Флавьер присел. Он немного запыхался, словно после утомительного упражнения. Разложив на длинном столе платья всевозможнейших фасонов, продавщица попросительно посмотрела на Ренэ. Однако Флавьер тут же вмешался, ткнув пальцем:

— Вот это.

— Черное? — удивилась продавщица.

— Да, черное, — ответил он и добавил, поворачиваясь к Ренэ: — Надень его... доставь мне удовольствие....

Сперва она в нерешительности остановилась и под взглядом наблюдавшей за ними продавщицы покраснела, но затем решительно вошла в примерочную. Встав с места, Флавьер принялся расхаживать взад-вперед. Его вдруг охватили былые ожидания и все та же то появляющаяся, то исчезающая тревога, те же спазмы в груди — словом, он вновь зажил прежней жизнью.

Он крепко сжимал в кармане зажигалку. Заметив, что время идет слишком медленно и что его руки начинают охватывать нервная дрожь, он решил поискать на вешалках подходящий женский костюм. Флавьеру непременно хотелось, чтобы он был именно серого цвета, однако ни один из имеющихся в магазине не понравился ему, так как не походил на тот, что хранился в его памяти... Не идеализирует ли его память подобные детали? Точно ли он их запомнил?.. Когда скрипнула дверь примерочной, он резко обернулся и испытал тот же шок, что и в «Уолдорфе», тот же шок, пронизавший все клетки тела. Его взору представилась вновь воскресшая Мадлен, вначале застывшая на месте и как бы узнавшая его. Несколько побледневшая и идущая ему навстречу все с тем же грустным вопросом в глазах, что и прежде. Он сперва было протянул к ней свою похудевшую руку, однако тут же опустил ее. Нет, облик Мадлен был еще несовершенным. И как это он раньше не заметил этих сережек, отблеск которых полностью разрушал линию нежного профиля?

— Сними это, — тихо попросил он.

Но поскольку она смотрела на него непонимающим взглядом, он сам чуть ли не сорвал с нее эти крича-

щие серьги. Отступив на шаг, чтобы получше рассмотреть ее, он испытал разочарование художника, которому не под силу полностью реализовать свое видение картины.

— Ладно, — сказал он, — обращаясь к продавщице. — Мадам пойдет в этом платье... И вот тот костюм, это ведь тот же размер, да?.. Заверните его. И еще покажите нам, где у вас находится обувный отдел.

Ренэ полностью доверилась Флавьеру в подборе обуви. Она, наверное, понимала, почему он так долго изучает каждую пару и, похоже, спорит с самим собой, критикуя про себя изгиб каблука или рисунок стяжки. Наконец он выбрал маленькие блестящие туфельки и подал их Ренэ.

— Ну-ка! А теперь пройдишь в них!

И она пошла, покачиваясь на высоких каблуках, с целеустремленным видом. Обтянутые черной тканью платья, ее бедра начали понемногу оживать.

— Достаточно! — крикнул Флавьер.

Но так как продавщица подняла на него удивленный взгляд, он поспешил добавить:

— Мы берем их, а остальные сложите в одну коробку.

Взяв свою спутницу под локоть, Флавьер подвел ее к зеркалу.

— Посмотри на себя, — прошептал он. — Посмотри же на себя, Мадлен!..

— Прошу тебя, не надо! — умоляюще проговорила она.

— Ну посмотри же! Еще одно усилие... Посмотри в зеркало на эту женщину в черном... Ты же сама прекрасно видишь, что ты не Ренэ! Ну же, вспомни!

Часть ее лица свело от страха, рот напрягся, зато другая часть лица, в свою очередь, хоть и неравномерно, но оживала, излучая неуловимый отблеск. Он повел Мадлен к лифту. Что касается прически, то с ней они разберутся попозже. А вот духи — этот призрак прошлого — необходимо отыскать и как можно быстрее. Теперь дороги назад уже нет и... будь что будет...

Оказалось, что нужные ему духи уже не выпускались, и Флавьер совершенно напрасно тратил время, объясняя продавщице, что он хочет.

— Нет... я не понимаю, о каких духах вы говорите... — отвечала ему девушка.

— Ну как же... Я просто не знаю, как вам это объяснить... эти духи пахнут как бы свежей землей и увядшими цветами...

— Может быть, это «Шанель № 3»?

— Да, наверное.

— Но эти духи больше не выпускаются, месье. В каком-нибудь маленьком магазинчике вам, возможно, и удастся их отыскать, но у нас вы их напрасно ищете.

Ренэ тянула его за рукав, а он все стоял, ошупывая изящные формы флаконов. Без этих духов ему не удастся полностью восстановить прежнюю Мадлен. В конечном итоге ему все же пришлось уступить, однако прежде чем покинуть магазин, он купил Мадлен шляпку из кротового меха с изощренно загнутыми полями. Расплачиваясь, Флавьер краем глаза следил за так хорошо знакомым силуэтом, стоящим возле него. Сердце его неожиданно смягчилось, и он сам взял Мадлен за руку.

— К чему все эти сумасшествия? — спросила она.

— К чему?.. Да к тому, что я хочу, чтобы ты вновь стала прежней. Я хочу, наконец, знать правду.

Она находилась в напряжении, и он почувствовал ее враждебность, отчужденность, но продолжал держать ее, крепко прижав к себе. Она больше не ускользнет от него, и ей, в конце концов, придется уступить.

— Я хочу, чтобы ты была самой красивой, — продолжал он. — И забудь Алмариана, — он никогда не существовал.

В течение нескольких минут они шли, прижавшись друг к другу, и он не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Не может быть, чтобы тебя звали Ренэ. Ты видишь, я вовсе не сержусь на тебя... и говорю совершенно спокойно.

Но стоило ей только вздохнуть, как его тут же понесло:

— Да, да, я знаю! Тебя зовут Ренэ и ты до войны жила в Лондоне со своим отцом, братом и дядей Шарлем. А родилась ты в Дамбремоне, в Вогезах, в крошечной деревушке, стоящей на реке... Ты уже мне рас-

сказывала все это, однако все это не так. Ты ошибаешься.

— Давай не будем опять начинать все сначала, — сдерживая слезы, попросила она.

— А я и не начинаю. Я только предполагаю, что с твоей памятью не все в порядке. Должно быть, в такой момент ты чем-то заболела, чем-то серьезным.

— Уверяю тебя...

— А некоторые болезни оставляют после себя страшные последствия.

— Что-то я не припоминаю таких болезней... В десять лет я, правда, переболела скарлатиной, вот, пожалуй, и все мои болезни.

— Да нет, не все.

— Ну сколько можно, в конце концов!

Он попытался проявить терпение, словно Мадлен была хрупким и больным существом, к которому опасно было прикасаться, однако подобное упрямство выглядело просто невыносимым.

— Ты почти ничего не рассказывала мне о своем детстве, — продолжал он. — А мне бы очень хотелось узнать о нем поподробнее.

Они как раз проходили мимо музея, поэтому Флавьер поспешно добавил:

— Давай зайдем! Здесь никто не помешает нашей беседе.

Но как только они вошли в вестибюль, он сразу же понял, что его беспокойство оживет с еще большей силой и будет терзать его сильнее прежнего. Шорох их шагов, висящие на стенах картины, портреты и царящая вокруг тишина — словом, все будет мучительно-настойчиво напоминать ему об их прогулке по Лувру. Чтобы не нарушать безмолвия залов, его спутница понизила голос, и неожиданно к ней вернулись интонации, присущие Мадлен, и то самое приглушенное контральто, придававшее ее откровениям еще большую цену. Флавьер слушал не столько ее слова, сколько чарующую их мелодию. Она рассказывала ему о своем детстве, и это детство, разумеется, было почти в точности похоже на детство Мадлен. Она тоже была единственным ребенком... сиротой... До получения аттестата училась на подготовительных курсах. Затем уехала в Англию, работала там переводчицей. И рука Флавьера ощу-

шала то же хрупкое, волнующее его тело, которое ему еще сильнее захотелось сжать в объятиях. Остановившись перед картиной с изображением старого порта, дрогнувшим голосом он спросил:

— Тебе нравятся такие картины?

— Нет... Я не знаю... Честно говоря, я ничего не смыслю в живописи.

Вздыхнув, он увлек ее дальше, в макетный зал, к каравеллам, галерам, трехмачтовому кораблю с точной копией всех его пушек и паутиной крошечных канатов.

— Ну, ну, рассказывай дальше.

— Что рассказывать?

— Да все: чем ты раньше занималась, о чем думала.

— О! Я была девочкой, такой же, как и все... Разве что, может быть, менее веселой. Я очень любила читать, особенно легенды.

— И ты тоже?

— Как и все дети! Прогуливаясь по окрестным холмам, я придумывала различные истории. Я смотрела на жизнь, как на сказку...

Они вошли в зал, посвященный античному Риму. Вдоль стен стояли мечтающие на своих цоколях и консолях статуи и бюсты с пустыми глазницами и вьющимися волосами. Флавьеру еще больше стало не по себе. Эти лица консулов походили на размноженную посмертную маску Жевиня, и Флавьер, помимо своей воли, вспоминал некоторые слова своего друга: «Мне бы хотелось, чтобы ты присмотрел за моей женой... Ее поведение тревожит меня...» Теперь оба они были мертвы... И не только голоса, но и внешний облик... А Мадлен, как и прежде, шла рядом с ним.

— И тебе никогда не приходилось жить в Париже? — спросил он.

— Нет. Я была там только проездом, когда уезжала в Англию, вот и все.

— А когда умер твой дядя?

— В мае прошлого года... Вместе с дядей я потеряла работу, поэтому мне пришлось вернуться.

«Ей-богу, — подумал Флавьер, — я задаю ей вопросы так, словно она совершила какое-то преступление!»

Он уже сам не очень хорошо осознавал, чего он хочет от нее добиться. Он испытывал горечь и разочаро-

вание. Рассеянно слушая Мадлен, он все время спрашивал себя: не лжет ли она ему. Однако зачем ей нужно было лгать? И как можно придумать все эти подробности, которыми она буквально ошарашивала его? Даже самый подозрительный человек, и тот поклялся бы, что она никто иная, как Ренэ Суранж.

— Ты не слушаешь меня, — сказала она. — Что с тобой?

— Ничего... Я немного устал. Здесь душно.

Быстро миновав оставшиеся залы, они, к большой радости Флавьера, очутились опять на улице, где светило солнце и откуда доносились шумы. Ему захотелось побыть одному, пойти выпить.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал Флавьер. — Мне необходимо пойти узнать насчет дополнительного питания, которое мне положено... А затем я загляну в комиссию по снабжению. А ты пока погуляй... Можешь купить все, что тебе понравится. Вот, держи!

С этими словами он вынул из кармана кучу скомканных банкнот и тут же пожалел об этом жесте, похожем на раздачу милостыни. И зачем только он сделал ее своей любовницей? Ведь он сам все перепутал. Он создал какого-то монстра, который не был ни Ренэ, ни Мадлен.

— Не задерживайся там, — бросила она ему вдогонку. И пошла по залитому солнцем тротуару. Вот она отошла на двадцать, на тридцать метров, и... он чуть было не бросился за ней вдогонку — до того ее движения, жесты, плечи и стремительная походка напоминали Мадлен. Вот сейчас она уже у перекрестка. О боже! А вдруг она навсегда покинет его?! А ведь он сам разомкнул руки и позволил ей сбежать... Да нет же, дурачок, она не сбежит... Этого не стоит опасаться!.. Она не настолько глупа. Вот увидишь, она будет послушно дожидаться тебя в гостинице.

Не в силах больше бороться со своим желанием выпить, он зашел в первое попавшееся кафе.

— Анисового ликера!

Окончание следует

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО

1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ჩუბინათაჲს, ჰ აქლას სამეფოს, ჰ სამეფანდუნა ჩუბინათაჲს. წილიად, შილიდ.
 ჰ ლაქსინელად დაცუად, ჰ აღსარულად. აღსარულ ამის შილიდუნაჲს, ჰ ჟ.
 თილიდუნაჲს. შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.
 შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.
 შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.
 შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.
 შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.
 შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს.

საქლია ბეჭედიანი ჰქუთ
 თილიდუნაჲს, შილიდუნაჲს

7

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ХУТА БЕРУЛАВА.** Году змен. Стихи. Перевод Яна Гольцмана 3
- ТЕИМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ.** Соло для осени. Повесть. Перевод Лианы Татишвили 6
- БЕСИК ХАРАНАУЛИ.** Кукла-калджа. Поэма. Перевод Олеси Николаевой 80
- БУАЛО-НАРСЕЖАК.** Среди мертвых. Роман. Окончание. Перевод с французского Алексея Дроздовского 120
- ДЖЕМАЛ БЕТАНЭЛИ.** Виденное и пережитое. Автобиографическая повесть 139

ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ

- ГАСТОН БУАЧИДЗЕ.** Через 41⁰ 168

ИСКУССТВО

- ГЕОРГИИ МИРОНОВ.** Бессмертная свирель
Дато 185

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

7

СРЕДИ МЕРТВЫХ

РОМАН

Однако прохладная жидкость не утолила его жажды. Он беспрестанно возвращался к вопросу, который мучал его. Очевидно, что Ренэ — это Мадлен, однако Мадлен — не совсем Ренэ. И никакому доктору Баллару не решить этой задачи. Возможно также, что Флавьер ошибался с самого начала, и его память решила сыграть с ним злую шутку — ведь он совсем недолго был знаком с настоящей Мадлен, с той, прежней Мадлен... Да к тому же с тех пор произошло столько событий... Ну вот еще! Разве облик Мадлен не стоял у него перед глазами и дено и ношно, словно икона?! Он даже с закрытыми глазами узнал бы ее, он бы просто почувствовал ее присутствие. Нет, Мадлен отличалась от других женщин: она была слеплена из другого материала. И точно так же, как она, казалось, потерялась в роли Полины, точно так же она заблудилась в роли Ренэ, как будто ее дух колебался между различными оболочками. Возможно, она окончательно остановится на теле этой Ренэ... Хотя нет, он ни за что не допустит этого. Прежде всего потому, что Ренэ — женщина стареющая... потому что она вовсе не обладает ни изысканностью, ни обаянием Мадлен... И, наконец, потому что она отвергает все доказательства, которые он ей неустанно предоставляет...

Флавьер заказал себе еще один аперитив. Доказательства! А можно ли назвать доказательствами утверждения, которые нельзя проверить? Он подсознательно был уверен в том, что она была Мадлен, но ведь не

Окончание. Начало см. в №№ 5, 6.

более того. Чтобы удивить ее, заставить признаться, что она скрывается под именем Ренэ, необходимы были бы веские, неоспоримые доказательства. Только вот какие?

Алкоголь начал растекаться по телу, и Флавьер попытался сосредоточиться, чтобы превратить тлеющий уголек понимания в яркий свет. Он как бы сквозь дымку видел нечто, похожее на нужное ему доказательство, лежащее здесь, на расстоянии вытянутой руки, к тому же легко достижимое. Он уже неоднократно с подозрением рассматривал удостоверение личности Ренэ, лежащее в ее сумочке: «Суранж Ренэ Катрин, дата рождения — 24 октября 1916 года; место рождения — департамент Дамбремон, Вогезы». Ну и что?

Расплатившись, Флавьер посидел еще немного, раздумывая. Да, его мысль вполне логична. Выйдя из кафе, он сел в трамвай и поехал на почту. Он почувствовал, что это открытие опустошило его душу. Теперь он больше уже не хотел думать. Рассматривая простые лица людей, стоящих в трамвае, он захотел стать одним из них... Тогда бы он не так сильно боялся.

На почте он безропотно встал в очередь. Если линии восстановлены и не слишком перегружены, то он сразу же все узнает...

— Могу ли я позвонить в Дамбремон?

— В каком это департаменте?

— Вогезы.

— Дамбремон? — переспросил служащий. — Это, должно быть, относиться к Жерарме. В таком случае...

И он обратился к своему коллеге:

— Вот месье хотел бы позвонить в Дамбремон, в Вогезы... Ты, должно быть, знаешь, как там обстоят дела?..

Тот удивленно поднял голову:

— В Дамбремон?.. Да он совершенно стерт с лица земли, его разбомбили... А что вас интересует?

— Я хотел бы навести справки в мэрии об одном свидетельстве о рождении.

— Там совершенно ничего не осталось, в том числе и мэрии... одно лишь камни.

— Так что же мне делать?

В ответ служащий лишь пожал плечами и вновь принялся что-то писать.

Флавьер отошел от окошечка. Ну вот, не осталось ни архивов, ни книги записей актов гражданского состояния — словом, ничего, кроме удостоверения личности, датированного октябрём или ноябрём 1944 года... Да и что означало это удостоверение личности?.. Оно послужило бы лишь доказательством, единственным доказательством того, что Ренэ уже жила тогда, когда не стало Мадлен... С печальным видом от того, что как раз этого-то доказательства и не доставало, Флавьер вышел на улицу. И теперь уже никто и никогда не сможет установить, что они одновременно жили, но были двумя совершенно разными людьми...

Флавьер бесцельно брел по улице. Все же не следовало ему пить, как и не следовало было идти на почту, потому что до этого он чувствовал себя спокойнее. Ну так почему он не может просто так любить эту женщину, не отравляя их взаимоотношений всевозможными вопросами?! Косвенные доказательства еще ничего не значили. Да и совпадение — не являлось доказательством. Что же делать? Ехать в Дамбрёмон? Рыться в развалинах? Он чувствовал, что становится отвратителен самому себе. А что если устав от его подозрений и упреков, от его злобной слезки, она возьмет и бросит его? Да... Если в один прекрасный день она уйдет...

От этой мысли у него просто подкосились ноги. На мгновение Флавьер остановился на углу улицы, приложив руку к сердцу, словно больной, хватающийся за сердце. Затем, сгорбившись, он медленно пошел дальше. Бедная Мадлен! Как же ему нравилось доставлять ей страдания! Но ведь она сама виновата! Почему она не хочет признаться? Стоило бы ей только сказать ему: «Да, я мертва... Я вернулась оттуда. Мои светлые глаза, выражающие отчаяние, не могут забыть то, что они там увидели...» — разве бы он не упал бы, будто сраженный молнией?!

«На этот раз, — подумал Флавьер, — я точно сошел с ума!» Пройдя еще немного, он сказал себе: «Железная логика — это, вероятно, и есть сумасшествие!» Перед входом в гостиницу он в нерешительности остановился, а затем, заметив цветочную лавку, вошел туда и купил гвоздики и мимозы. Цветы украсят комнату и станет немного веселее, и Ренэ не будет больше чувствовать себя пленницей. Когда он вошел в лифт, за-

пах мимозы, разлившись по крошечной кабине, произвел на него возбуждающее действие, ассоциируясь в памяти с другими запахами, из прежних времен... И вновь к нему вернулась его затаенная навязчивая мысль. Входя в комнату, Флавьер почувствовал отвращение и отчаяние. Увидев, что Ренэ лежит на кровати, он швырнул букет на стол.

— Что с тобой? — спросил он.

Что такое? Она плачет? О! Нет... Подойдя к кровати, он сжал кулаки.

— Что с тобой?.. Отвечай! Что случилось?

Взяв за голову, он повернул ее к свету.

— Бедняжка моя! — прошептал он.

Флавьер никогда не видел Мадлен плачущей, однако он навсегда запомнил увиденные там, на берегу Сены, ее мокрые щеки и бесцветное лицо. Закрыв глаза, он встал и прошептал:

— Прошу тебя, немедленно прекрати плакать...

И вдруг, охваченный внезапным приступом гнева, он топнул ногой:

— Прекрати, я сказал, прекрати!

Сев на кровать, она притянула его к себе. Так неподвижно они и сидели, будто чего-то ожидали. В конце концов Флавьер обнял ее за плечи.

— Извини... Я слегка погорячился... Но я тебя очень люблю...

День медленно близился к концу. С улицы доносился скрип трамваев, а в зеркалах их окон отражались зеленые хохолки крыш домов. Мимоза распространяла запах мокрой земли. Флавьер постепенно успокаивался. Ну зачем ему непременно нужно что-то узнавать от нее. Ведь ему хорошо с этой женщиной. Он, разумеется, предпочел бы, чтобы она стала прежней Мадлен. Однако разве не мог он пофантазировать в темноте, что она сидит здесь, в своем черном платье, вырвавшись на какой-то момент из тени, в которой все время растворялась?

— Пора пойти поужинать, — тихо сказала она.

— Не нужно... Я не голоден... Давай останемся в номере.

Это будет чудесно! Они будут принадлежать друг другу весь вечер и ночь, до тех пор, пока ее лицо на его плече не побледнеет в утреннем свете... Мадлен!.. Он

наслаждался спокойствием, которое он еще никогда не испытывал. Нет, они не были двумя разными женщинами... Бесплезно это объяснить, он больше не боится прошлого.

— Я больше не боюсь, — пробормотал он.

Она погладила его по лбу, и он ощутил ее дыхание на своей щеке. Запах мимозы наполнял комнату. Он нежно отодвинул это лежащее рядом с ним тело, тепло которого передавалось ему, а затем вытянулся и поискал руку, ласкавшую его лицо.

— Иди ко мне!

Кровать прогнулась со стороны Флавьера. Он не выпускал ее руки, осторожно дотрагиваясь до нее, словно хотел пересчитать ее пальцы. Он узнавал ее запястье, короткий большой палец, выпуклые ногти. Как он мог забыть это? Ему очень хотелось спать, и он в свою очередь погрузился в ночь, в которой обитают все его воспоминания. Перед его глазами возник руль, который сжимала маленькая рука, совсем живая, та самая, что развязала перевязанный голубой ленточкой пакет и дотронулась до открытки, на которой было написано: «Вновь спасенной Эвридике». Он вновь открыл глаза... Рядом с ним лежало неподвижное тело. Какое-то время Флавьер прислушивался к его дыханию, а затем, приподнявшись, склонился над невидимым лицом и прижал свои губы к живым, незаметно подрагивающим векам.

— Может быть, ты все-таки скажешь мне, кто ты? — прошептал он.

На нежной коже век выступили слезы, и он попробовал их на вкус, а затем поискал под подушкой платок, но не обнаружил его.

— Я сейчас.

И с этими словами он бесшумно проскользнул в ванную. Здесь среди всевозможных флаконов, на туалетном столике лежала сумочка Ренэ. Открыв ее, он порывался в ней, однако платка не нашел. Но его пальцы наткнулись на какой-то заинтриговавший его предмет... Так, соединенные друг с другом зерна... Это ведь то самое ожерелье!.. Да, точно, то самое ожерелье! Подойдя с ним к окну, он поднес его к проникающему сквозь матовые стекла аквариумному свету. По янтарным зер-

нам пробежал золотой блеск. Руки его задрожали. Ошибка исключалась: это было кольцо Полины Лажерлак...

Глава 4

Ты слишком много пьешь, — заметила Ренэ и тут же оглянулась на соседний столик, опасаясь, что сказала это слишком громко. Она прекрасно видела, что Флавьер уже несколько дней своим внешним видом привлекает к себе внимание. Бравируя, он залпом осушил свой бокал.

— Если меня что-то и может свалить с ног, так только не это вино, которое здесь называют «бургундским», — заметил он.

— И все же... Ты поступаешь неправильно!

— Да, я поступаю неправильно... Я всю жизнь поступаю неправильно. Ничего нового ты мне не сообщила.

Без всякой на то причины он начал злиться, а она, чтобы не видеть его колючих, отчаявшихся глаз, неустанно следящих за ней, начала просматривать меню. К их столику подошел гарсон:

— Что вам подать на десерт?

— Фруктовое пирожное, — ответила Ренэ.

— И мне тоже, — сказал Флавьер.

Но как только гарсон отошел, он тут же наклонился к ней:

— Ты совсем ничего не ешь... А прежде у тебя был хороший аппетит.

Он слегка подтрунивал над ней, однако губы его дрожали.

— Я помню, ты запросто проглатывала по три-четыре булочки, — продолжил он.

— Я?..

— Да, да, ты, ты... Вспомни... как мы ходили с тобой в «Галери Лафайет»...

— Еще одна выдумка!

— Нет, это событие того времени, когда я был счастлив.

Вздохнув, Флавьер порылся в своих карманах, а

затем полез в сумочку Ренэ за сигаретами и спичками. При этом он не спускал с нее глаз.

— Тебе не следовало бы курить. — с легким упреком заметила она.

— Я тоже знаю, что курить мне не следует, но мне это нравится. Мне нравится быть больным. А если я схохну... — раскурив сигарету, он помахал спичкой у Ренэ перед глазами, — то это не будет иметь никакого значения. Ведь ты сама как-то сказала мне: «Смерть не причиняет боли!»

В ответ она лишь устало пожала плечами.

— Да, да, — продолжил он. — Я даже могу точно сказать, где именно ты произнесла это — в Курбевуа, на берегу Сены. Видишь у меня хорошая память. Да, да.

Облокотившись о стол, он засмеялся, прищурив один глаз, в который попал дым.

Подошел гарсон с пирожными.

— Ну, ешь, — приказал Флавьер. — И оба, потому что я не голоден.

— На нас же смотрят, — взмолилась Ренэ.

— Ну и что? Я имею полное право заявить, что больше не голоден. Это превосходная реклама для ресторана.

— Я просто не знаю, что с тобой творится сегодня.

— Да ничего, дорогая моя, ничего. Я просто весел. А почему ты не берешь ложечку? Ведь прежде ты ела пирожные только с ложечки.

Оттолкнув тарелку, она взяла сумочку и встала:

— Ты стал просто невыносим.

Флавьер в свою очередь тоже встал. Действительно, люди стали оглядываться на них, провожая их взглядами. Однако это обстоятельство не вызывало у него стыда. Для него люди перестали существовать. Кто из них согласился бы прожить хотя бы один из тех дней, которыми он жил уже не один год?!

Он догнал Ренэ в лифте, и лифтер незаметно тоже покосился на них. Высморкавшись, она спрятала лицо за сумочкой, делая вид, что пудрится. Когда она была в таком состоянии, готовая в любой момент разрыдаться, то становилась красивой, очередная порция мучений лишь украшала ее. Они молча прошли по длинному коридору. Войдя в комнату, Мадлен швырнула свою сумочку на кровать.

— Так больше продолжаться не может, — вырвалось у нее. — Эти постоянные намеки неизвестно на что... Эта жизнь, которую ты заставляешь меня вести... нет, я предпочитаю расстаться с тобой... Иначе я, в конце концов, сойду с ума.

Она не плакала, однако слезы дрожали на ее ресницах, придавая глазам стеклянный, несколько рассеянный блеск. Флавьер грустно улыбнулся.

— А ты помнишь — продолжил он, — церковь Сен-Николя... Ты еще там молилась... а потом вдруг побледнела, так же как сейчас.

Она медленно села на край кровати, словно какая-то невидимая рука опустила ей на плечо. Ее губы едва шевельнулись:

— Церковь Сен-Николя?..

— Да, церковь в какой-то затерявшейся под Мантом деревушке... Ты там готовилась к смерти...

— Я?! Я готовилась к смерти?

Она внезапно упала ничком на живот и, спрятав лицо в согнутый локоть, громко зарыдала. Флавьер встал перед ней на колени. Он хотел было погладить ее по голове, но она резко отстранилась и закричала:

— Не прикасайся ко мне!

— Ты боишься меня? — спросил Флавьер.

— Да!

— Ты думаешь, что я пьян?

— Нет.

— Может, ты считаешь меня сумасшедшим?

— Да!

Встав, он некоторое время смотрел на нее, а затем, приложив руку ко лбу произнес:

— Впрочем, возможно, это и так!.. Однако это ожерелье... Нет, дай уж мне досказать!.. Так почему же ты его не носишь?

— Потому что оно мне не нравится. Я же уже тебе говорила об этом.

— А не потому ли, что ты боялась, что я его узнаю? Это, наверное, ближе к истине?

Медленно повернув голову, она посмотрела на него сквозь растрепанные волосы и ответила:

— Нет...

— И ты можешь в этом поклясться?

— Разумеется.

Рисуя ногой на ковре сложную фигуру, Флавьер задумался.

— Значит, если верить твоим словам, тебе купил его Алмариан.

Приподнявшись на локте, она подобрала под себя ноги, словно хотела стать поменьше, а он с тревогой следил за ней.

— Алмариан сказал мне, что купил его в Париже у какого-то антиквара в предместье Сент-Оноре.

— И как давно он приобрел его?

— Я уже говорила тебе об этом. Ты постоянно заставляешь меня повторять одно и то же.

— Ничего, повтори. Так как давно он приобрел его?

— Полгода назад.

Впрочем, такое совпадение было вполне объяснимым... Нет! Все-таки подобное совпадение невозможно!

— Ты лжешь! — прокричал он.

— Зачем мне лгать?

— Зачем?!. Прекрати ломать комедию! Признавайся... Тебя зовут Мадлен Жевинь!

— Нет!.. Прошу тебя, не начинай меня терзать вновь. Если ты по-прежнему любишь ту женщину, оставь меня в покое... так будет лучше. Я уйду... Я больше не могу так жить, с меня достаточно.

— Та женщина мертва.

Флавьер пребывал в нерешительности: сейчас ему очень хотелось выпить. Чтобы превозмочь жажду, раздражающую его, он откашлялся.

— Точнее, — поправился он, — она была мертва в течение некоторого времени... Вот только не знаю, можно ли умереть лишь на какое-то время?

— Нет, — простонала она. — Замолчи!

На ее лице снова появилась бледная гримаса, выражавшая ужас. Он отступил на несколько шагов.

— Не бойся ничего... Ты же видишь, что я не намерен причинять тебе зло... Я говорю странные вещи, но я не виноват в этом... Кстати, ты видела когда-нибудь вот эту штучку? — С этими словами он, порывшись в кармане, достал оттуда золотую зажигалку и швырнул ее на кровать. Закричав, Ренэ, отползла к своей стене.

— Что это?.. — едва пробормотала она.

— А ты возьми... и посмотри!.. Это всего лишь за-

жигалка... Ну, дотронься до нее! Зажги ее!.. Уверяю тебя, что это просто зажигалка, и ничего более... Она не выстрелит тебе в лицо. Ну же! Она тебе ни о чем не напоминает?

— Нет.

— И даже о Лувре?

— Нет.

— А я, между тем, подобрал ее возле твоего тела... Ты, разумеется, не можешь помнить это.

При этих словах у него вырвался смешок, а Ренэ не смогла сдержать своих слез.

— Уходи, — простонала она, — уходи!

— Возьми ее, — настаивал Флавьер. — Она твоя.

Лежавшая между ними зажигалка сверкала. Флавьер видел, что он совершенно незаслуженно доставляет Ренэ массу страданий. Ни за что ни про что! Кровь глухо стучала у него в висках. Приблизившись нетвердым шагом к умывальнику, он выпил из ладоней пригоршню безвкусной, отдающей дезинфицирующими средствами воды. На языке у него вертелось множество вопросов к Ренэ, и эти вопросы, словно черви, копошились в его голове. Но он решил не спешить — своей неуклюжестью и поспешностью он уже и так обратил в бегство Мадлен. Лишь не торопясь он сможет вновь вернуть ее к жизни, восстановив ее из плоти Ренэ. Вот тогда-то и наступит момент истины, и она обо всем вспомнит. Подойдя к двери, он закрыл ее на ключ.

— Я здесь не останусь, — сказала Ренэ.

— Куда же ты пойдешь?

— Куда угодно, но здесь я не останусь.

— Обещаю, что я не прикаснусь к тебе... И не буду больше говорить о прошлом.

Раздеваясь, он прислушивался к ее прерывистому дыханию и чувствовал, что она наблюдает за его малейшими движениями.

— Убери эту зажигалку, — приказала она таким голосом, каким бы попросила убрать змею.

Исполнив ее желание, Флавьер подбросил зажигалку в руке и спросил:

— Вот как?.. Ты действительно не хочешь взять ее себе?

— Нет, я хочу только, чтобы ты оставил меня в покое. Во время войны на мою долю и так выпало не-

мало разных несчастий, и если мне сейчас опять предстоит...

На глазах ее снова показались слезы, и она полезла за носовым платком. Флавьер тут же бросил на кровать ей свой, но она сделала вид, что не заметила этого жеста.

— Почему ты так рассердилась? — поинтересовался он. — Клянусь, я не хотел доставить тебе неприятность. Ну, ладно, давай опять станем друзьями.

Присев на кровать, он взял платок и вытер ей лицо. От внезапно охватившей его нежности жесты ее стали неуклюжими, а из глаз словно кровь из незаживающей раны, по-прежнему текли слезы.

— Послушай, — продолжал Флавьер, — у тебя нет никаких причин плакать. Тоже мне, несчастье!

Прижав ее голову к своему плечу, он начал нежно покачивать ее.

— Ты знаешь, — признался он, — в некоторые моменты я сам себя не узнаю... Я терзаюсь воспоминаниями... Нет! Увы, ты не можешь этого понять!.. Если бы она мирно умерла в своей постели... я бы, конечно, и тогда страдал, но все же со временем, возможно, забыл бы ее... а вот тогда... Впрочем, почему бы мне не рассказать тебе об этом?.. Она покончила с собой... Бросилась в пустоту... чтобы избежать того, что... И вот уже пять лет, день в день меня терзает один и тот же вопрос...

Грудь молодой женщины вновь сотрясли рыдания, и Флавьер еще крепче прижал ее к себе.

— Ну вот, — прошептал он, — все кончилось... Видишь, малышка, я все тебе рассказал... Я не могу без тебя, моя крошка. Ты не должна меня бросать, потому что в этот раз я этого не переживу... Да, я по-прежнему люблю Мадлен. И тебя я тоже люблю... и эта любовь одна. Любовь, которая не была признана никем, кроме меня... И она стала бы неповторимо прекрасной, если бы ты захотела сделать одно лишь небольшое усилие... Если бы ты захотела вспомнить то, что произошло там, на колокольне...

Она сделала попытку освободиться от его объятий, но он еще сильнее прижал ее голову к себе.

— Дай мне договорить до конца... я посвящу тебя в то..., что я понял лишь на днях...

В поисках выключателя он провел рукой по стене и выключил свет. Ее голова сильно надавила ему на плечо, однако он даже не пытался изменить положения. Слитые воедино, они покачивались в сумерках, в которых плавали неясные очертания предметов: они возвращались вместе к какому-то некогда потерянному свету.

— Я всегда боялся смерти, — продолжал Флавьер. — Смерть людей всегда потрясала меня, потому что предвещала и мою собственную смерть... а что касается моей смерти... нет... я не в силах с ней смириться. Я чуть было не поверил в христианского бога... потому что он обещал якобы воскрешение из праха. Представь себе труп Иисуса, погребенный в глубине склепа, вход в который завален камнями, охраняется вооруженными legionерами. И вдруг наступает судный день... В детстве, будучи ребенком, я часто думал об этом дне... Подкрадываясь к входу в шахту, я заглядывал туда и кричал... мой крик долго блуждал под землей, но никого не тревожил... Тогда было еще слишком рано. Теперь же, я полагаю, что он был бы услышан. Как бы мне хотелось поверить в это! Если бы это действительно было именно так, если бы ты только захотела... тогда бы я больше не боялся... я бы забыл о том, что мне сказали врачи. А ты бы научила меня...

Он посмотрел на ее откинутую голову и, казалось, пустые глаза. Лишь лоб, щеки да подбородок, похоже, были затронуты слабым светом. Сердце Флавьера переполняла любовь. Он смотрел на нее, возможно, ожидая, что она что-нибудь скажет. Где-то на повороте заскрипел трамвай, и по стенам и потолку их комнаты пробежали отблески света. В какое-то мгновение зрачки Рене сверкнули зеленым светом. На этот раз Флавьер чуть было не попятился от нее.

— Закрой глаза, — прошептал он.

Он уже не чувствовал своей затекшей, как бы омертвевшей руки, и тут у него в памяти всплыл момент, когда, отяжелев под весом мокрого тела Мадлен, он вынужден был бороться уже за свою собственную жизнь. Сегодня вечером его вновь тянуло ко дну, однако у него не было на этот раз желания бороться за свою жизнь. Он скорее был склонен уступить, отказаться от роли поводыря и защитника. В конце концов, ведь секретом владеет она, а не он... Его сознание уже начала

обволакивать дымка дремоты. Он попытался еще что-то сказать, что-то пообещать, но уже превратился в наполненную своими образами и забывшуюся во сне тень. Сквозь сон до сознания смутно доходило, что она зашевелилась, вероятно, раздеваясь. Ему захотелось сказать ей: «Мадлен... Остайся со мной», — но губы лишь безмолвно зашевелились. Флавьер уже спал, но мозг его неустанно работал. Окончательно забылся он лишь к утру, так и не подозревая, что она еще долго, до самого рассвета, смотрела на него, и ее глаза вновь и вновь наполнялись слезами.

Проснувшись, он почувствовал головную боль и крайнюю усталость. Однако, услышав шум текущей в ванной воды, он успокоился и поднялся. «Черт возьми! — подумал он, глядя в зеркало. — Ну и вид у меня!»

— Подожди еще минуточку, — сказала Ренэ из ванной. — Я сейчас.

Без всякого удовольствия и без единой мысли Флавьер смотрел на нависшее над крышами домов голубое небо. Да, жизнь продолжалась, все та же дурацкая жизнь. Он медленно оделся. Настроение у него, как обычно по утрам, было очень подавленное. И как обычно это случалось по утрам, он был поглощен одним желанием — выпить. После первого же стакана в голове у него светлело, и он снова возвращался к своим неразрешимым тревогам, строго по порядку расположенным в голове, словно сверкающие лезвия кухонных ножей. Ренэ появилась в великолепном, купленном накануне, домашнем платье.

— Ванная свободна, — сказала она.

— Куда мне торопиться? Доброе утро... Как тебе спалось? Я что-то чувствую себя не в своей тарелке. Ты не слышала случайно, я не кричал во сне?

— Нет.

— А то это иногда случается со мной, когда вижу кошмары. Я их вижу с самого детства. Так что это не страшно.

Зевнув, Флавьер посмотрел на нее. Она тоже выглядела не лучшим образом, однако с тех пор, как она похудела, он часто испытывал при виде ее все возрастающее волнение. Она начала причесываться, и Флавьер вновь уже не смог сдержать резкий, подталкивающий импульс и даже не попытался это сделать.

— Дай сюда расческу! — сказал он, придвинув к ней поближе стул. — Сядь здесь, перед зеркалом. Я покажу тебе, какую прическу тебе нужно носить... Твои ниспадающие на плечи волосы выглядят несколько старомодно!..

Он пытался выглядеть веселым, но пальцы его дрожали от нетерпения.

— Прежде всего, — продолжил он, — тебе нужно покрасить их хной... А то у тебя одни пряди светлые, другие — темные, и непонятно, какого же цвета у тебя волосы.

Пряди ее волос красиво переливались, трещали под расческой. В руках Флавьера они казались мягкими, пахли скошенным сеном, выжженным лугом, и этот запах, словно брожение молодого вина, опьянял. Он задержал дыхание, а Ренэ, приоткрыв рот, полностью отдавалась этому сладострастному занятию. Укрепленная и поддерживаемая огромным количеством булавок, прическа начала обретать форму. Флавьер вовсе не претендовал на совершенное владение искусством дамского парикмахера. Он хотел лишь создать ту благородную и целомудренную прическу, которая придавала облику Мадлен изящество мадонн на портретах Леонардо да Винчи. Вот теперь-то была уже видна изящная форма ее ушей, выпуклось лба, его рельефность. Он наклонился, чтобы закончить свой шедевр, пригладил узел закрученных волос, придал ему расческой мягкость. Он лепил одновременно тонкую и холодную голову статуи. Заколов последнюю булавку, он выпрямился и посмотрел в зеркало, ища там новое лицо. И...

Вот оно! Наконец то самое лицо! Он видел его таким, каким ему так часто описывал его Жевинь. В зеркале, разрезанном наискось лезвием луча и блестящем, словно свежая акварель, не отражалось ничего, кроме бледного, таинственного лица, полностью погруженного в свои мечты...

— Мадлен! — сказал он, но она так и не услышала его. Что это, отражение или, быть может, скорее видение, похожее на мираж? Неторопливо обогнув стул и взглянув прямо на нее, он понял, что не ошибся. Благодаря медленным движениям расчески, легким, словно бы флюидным прикосновениям его пальцев женщина погрузилась в нечто наподобие сна или глубокого раз-

мышления. Затем, вероятно, почувствовав, что на нее смотрят, она вздохнула и сделала над собой усилие, чтобы повернуться и улыбнуться.

— Еще немного, — прошептала она, — и я бы уснула... Мне и сейчас еще хочется спать...

Затем, рассеянно посмотрев на себя в зеркало, она одобрила эту прическу:

— Неплохо!.. Да, так действительно намного лучше, чем раньше... Только мне кажется, она не очень прочная.

С этими словами она встряхнула головой, и булавки посыпались на пол. Когда же она встряхнула головой вторично, еще сильнее, то прическа вовсе распалась, и волосы упали ей на плечи. Ренэ рассмеялась, и Флавьер вторил ей — до того он был испуган увиденным.

— Дорогой мой! — сказала она.

А он все смеялся, приложив ладони к вискам и чувствуя, что не может больше находиться в этой комнате. Здесь он уже начинал задыхаться. Ему было необходимо видеть солнце, слышать уличные шумы, смешаться с толпой. Ему было необходимо немедленно забыть то, что он только что увидел. Ему казалось, что он похож на алхимика, получившего наконец золото. Флавьер стремительно прошел в ванную. Открыв краны на полную мощь и постоянно натываясь на стеклянную полку умывальника, он подставил лицо под воду.

— Может, я подожду тебя внизу? — предложила Ренэ.

— Нет, жди меня здесь. Ты вполне можешь подождать меня здесь!

Его голос внезапно так сильно изменился, что она испугавшись, подошла к двери ванной.

— Что с тобой?

— Со мной?! Ничего... А что со мной может быть?

Он заметил, что она сделала себе прежнюю прическу, но был не в состоянии решить: радуется ли его это или злит. Завязав кое-как свой галстук, он натянул пиджак и взял Ренэ под руку.

— Теперь я не потеряюсь, — пошутила она.

Но он больше не хотел смеяться. Выйдя из гостиной, они превратились в обычных, одолеваемых скукой прохожих. Флавьер уже чувствовал усталость. Под

черепом начинала биться мигрень, и ему пришлось в парке присесть на скамейку.

— Извини, — сказал он. — Думаю, что нам придется вернуться назад... Я что-то неважно себя чувствую.

Поджав губы, она старалась не смотреть на него, но все же помогла послушно добраться ему до гостиницы, а войдя в номер, взялась за штопку чулок в то время, как он лежал, набираясь сил. Как долго она согласится сидеть с ним в этой случайной комнате, в которую проникают различные шумы и которая своей угрюмостью напоминает зал ожидания? У него не было права задерживать ее, и он догадывался, что и она не совсем в этом уверена. В полдень он хотел было встать, но из-за сильного головокружения вновь упал на кровать.

— Хочешь, я поставлю тебе на голову компресс? — спросила она.

— Нет... не нужно... Это скоро пройдет... Иди, пообедай...

— Ты уверен, что тебе не нужна моя помощь?

— Говорю же тебе, что нет.

Однако едва захлопнулась за ней дверь, как лицо Флавьера исказилось, страшные опасения промелькнули у него в голове. Нет, глупо так думать. Ведь все ее вещи остались здесь, в шкафу. Нет, она не убежит, не исчезнет... «Но она может умереть!» — подумал он и тут же провел рукою по лбу, как бы желая отогнать эту сумасшедшую мысль. Время шло, и Флавьер слышал, как оно шуршит в его ушах, словно песок в песочных часах. Он знал, что в этом ресторане обслуживают медленно, но все же!.. Она вполне могла бы поторопиться. Он представил себе, как она, несомненно пользуясь удачным случаем, поглощает все эти столь любимые ею сладости, которые она только теперь соглашалась есть, и то лишь в угоду ему. Какое отвращение вызывал у него этот животный инстинкт! Как он страдал уже тогда, в Курбеуа, когда увидел ее одетой в платье хозяйки!.. С тех пор, как она ушла, прошел битый час... Значит, она проголодалась! Скоро уже будет час с четвертью! К мигрени Флавьера добавились страх и отчаяние. Его глаза наполнили слезы бессилия.

Когда она вернулась, он с отвращением посмотрел на нее.

— Тебе понадобился целый час и двадцать пять минут, чтобы проглотить какой-то несчастный бифшекс!

Засмеявшись, она села на кровать и взяла его за руку.

— Сегодня подавали устриц, — сообщила она. — Они так долго обслуживали... Ну, а ты как?

— Да что я!

— Ну, не будь ребенком.

Он крепко сжал ее руку и мало-помалу начал успокаиваться, затем забылся во сне, не выпуская ее руки из своих сжатых пальцев, словно боялся лишиться любимой игрушки. К вечеру, после четырех часов, он почувствовал себя лучше и изъявил желание пройтись.

— Мы погуляем в окрестностях гостиницы, а завтра я схожу к врачу.

Они спустились вниз, а когда вышли на улицу, то Флавьер сделал вид, что забыл что-то.

— Подожди меня, пожалуйста, здесь, — сказал он. — Мне нужно позвонить в одно место.

Вернувшись в гостиницу, он тут же направился к бару.

— Один бокал виски... Быстро!

Он дрожал от нетерпения, словно пассажир, боявшийся пропустить свой поезд. За это время она вполне может уйти, завернуть за угол... и... Он пил длинными глотками, наслаждаясь растекающимся по горлу жжением. Совершенно случайно взгляд его скользнул по меню.

— Это что, сегодняшнее меню? — поинтересовался он.

— Да, месье.

— Но я не вижу здесь устриц...

— А их и не было.

Осушив стакан, Флавьер задумчиво промокнул губы салфеткой.

— Запишите на мой счет, — сказал он и выбежал на улицу.

Во время прогулки он был любезен, много говорил, он мог быть очаровательным, когда прилагал для этого усилия. Затем он повел ее ужинать в роскошный ресторан в районе старого порта. Замечала ли она, каких усилий стоило ему это кажущееся веселье? Видела ли она, как временами застывал его взгляд? Однако в их

жизни все было искусственным. Да и Флавьер был крайне странным человеком!

Они вернулись поздно, поэтому утром долго спали. В полдень Флавьер снова пожаловался на головную боль.

— Вот видишь, — сказала она, — стоит нам хоть ненадолго отступить от привычного режима дня, как...

— Меня больше волнуешь ты. Ведь тебе опять придется обедать в одиночестве.

— Я мигом вернусь.

— Нет, нет, не торопись.

Послушав ее удаляющиеся шаги, Флавьер встал, осторожно открыл дверь и, выскочив в коридор, буквально одним прыжком оказался в лифте. Внизу он быстрым взглядом окинул холл и ресторан. Ее здесь не было, а выйдя на улицу, он увидел ее в самом конце квартала и тоже ускорил шаг. «Точно, — подумал он, — все начинается сызнова!»

Ренэ шла в своем сером костюме, а вокруг нее шевелились тени ветвей липы. Несколько наклонив голову вперед, она спешила, ничего не видя перед собой. По улицам, как и до войны, ходило много офицеров. Газеты пестрели аршинными заголовками, и Флавьер мельком замечал слова, воскрешавшие былые картины: **«Бомбежки... неминуемое поражение...»** Она свернула на маленькую улочку, и Флавьер несколько приблизился к ней. Это была узенькая улочка, вдоль которой тянулись всевозможные магазины и антикварные лавки... Где же он уже видел ее?.. А, точно! Она напоминает улицу Сен-Пер. Перейдя дорогу, Ренэ вошла в маленькую гостиницу. Флавьер никак не решался идти дальше. Какой-то суеверный страх парализовал его напротив дверей дома, в который она только что вошла. «Сентраль Отель» гласила мраморная табличка, а на висящем на дверях объявлении было написано: **«Свободных мест нет»**. Хотя ноги Флавьера подкосились, он все же нашел в себе силы войти в отель. Его рука легла на дверную ручку, на которую только что легла рука Ренэ. Войдя, он увидел маленький холл и доску, с которой она, вероятно, только что сняла ключ. За стойкой, читая газету, сидел портье.

— Что вам угодно? — поинтересовался он у Флавьера.

— Эта дама, — пробормотал тот... ну, в сером...
Кто она?

— Вы имеете в виду даму, вошедшую перед вами?

— Да, как ее зовут?

— Полина Лажерлак, — ответил служащий с ужасным марсельским акцентом.

Глава 5

Вернувшись, Ренэ застала Флавьера лежащим в постели.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась она.

— Немного лучше. Надо бы попытаться встать.

— А почему ты так странно смотришь на меня?

— Кто, я?

Сияясь улыbnуться, он приподнялся и отбросил одеяло.

— У тебя очень страшный вид, — не унималась она.

— Ничего подобного, уверяю тебя.

Причесавшись, он почистил щеткой свой пиджак. В комнатухе нельзя было сделать ни одного движения, чтобы не натолкнуться друг на друга. Сейчас Флавьеру одинаково жутко было и молчать, и говорить. Он готов был, закрыв голову руками и заткнув уши пальцами, бежать куда глаза глядят, чтобы остаться наедине со своей тайной.

— Мне нужно сходить еще кое-что купить. Я зашла специально, чтобы посмотреть, как ты себя чувствуешь?

— Сходить еще кое-что купить? А что именно?

— Ну, прежде всего я должна зайти в парикмахерскую. Кроме того, мне нужен шампунь, и еще я хотела бы купить себе пару чулок...

Значит, шампунь и пара чулок... Ну что ж, выглядит вполне правдоподобно. К тому же в тот момент, когда она говорила, взгляд ее был до того ясным, что заподозрить ее во лжи было бы просто невозможно.

— Так я могу пойти? — спросила она.

Он хотел было погладить ее, но его рука замеслась в пространстве, словно рука слепого.

— Ты ведь не пленница, — пробормотал он. — Ты же видишь, что пленник... это я.

В комнате снова воцарилось молчание. Ренэ стояла перед зеркалом и пудрилась, а он, стоя у нее за спиной, наблюдал за ней.

— Ты раздражаешь меня, дорогой, — сказала она.

Над ухом у нее подрагивали волосы, а на виске пульсировала тоненькая голубая жилка, в которой текла кровь. И в этом излучающем очень тонкий запах теле таилась жизнь. Если бы его взгляд отличался большей проницательностью, то он, вероятно, заметил бы над ее головой нечто, похожее на нимб. Осторожно положив руку Ренэ на плечо и почувствовав гладкую, мягкую кожу, Флавьер тут же отдернул руку.

— Что с тобой творится в конце концов? — заинтересовалась она, наклонившись к зеркалу, чтобы подвести губы.

В ответ он лишь вздохнул. Ренэ... Мадлен... Полина... К чему вновь возвращаться все к тем же вопросам?

— Иди, — сказал он. — И побыстрее возвращайся. С этими словами он протянул ей перчатки и сумочку.

— Я буду ждать тебя внизу... Ты вернешься в отель?

Она удивленно обернулась:

— А это что еще за вопросы?!

Флавьер изобразил жалкое подобие улыбки. Он выглядел несчастным и весь его вид свидетельствовал о том, что он признал свое поражение; он почувствовал, что ей вдруг стало жалко его, но она не решалась уйти, как колеблются уйти люди, оставляющие без присмотра безнадежно больного человека. Она, наверное, уже любила его — в ее чертах читалась одновременно и жестокость, и нежность. Сделав шаг, Мадлен наклонилась и поцеловала его в губы. Быть может, этот поцелуй — символ прощания... А быть может, и разлуки... Он скромно погладил ее по щеке.

— Прости меня... моя дорогая Эвридика!

Ему показалось, что даже под внушительным словом румян она все же побледнела, а ее ресницы задрожали.

— Будь умницей, дорогой. Отдыхай и ни о чем не думай. Твоему мозгу сейчас нужен только покой...

На пороге она еще раз обернулась и помахала ему рукой. Дверь за ней закрылась, и ручка возвратилась на прежнее место. Стоя посреди комнаты, Флавьер не мог оторвать взгляд от этой ручки. Она, конечно, вернется, но весь вопрос в том — когда?.. Он чуть было не бросился в коридор и не закричал во всю глотку: «Мадлен!..» Как он был тогда прав, сказав, что пленник — это он сам. Так на что же он теперь надеется? Неужели он думает, что навечно может удержать ее в этой комнатушке, подле себя? Или следить за ней денно и ночью? Наверное, понапрасну он несет этот идиотский караул, ему, видимо, никогда так и не проникнуть в тайники ее памяти. Настоящая Мадлен была свободна, жила в другом месте, а видимость, которую она оставила ему, была не более, чем милостыня. Но ведь придет время, когда их разлука станет неизбежной. Да и сама их любовь была чудовищной. Он тоже обречен на смерть!.. На смерть!

Флавьер толкнул ногой стоявший возле туалетного столика стул. Что это с ним? Разве гостиница, в которой она сняла комнату, и все эти покупки, которые она совершала, разве все это не предвещало ее бегство? И в этом нет ничего таинственного. После Жевиня у нее появился Алмариан, а после него — Флавьер, и еще кто-нибудь появится. «Ревнивец!..» — съехидничал он про себя. Имело хоть все это какой-то смысл?

Достав зажигалку и раскурив сигарету, Флавьер спустился в бар. Есть ему не хотелось; даже пить не было никакого желания. Он заказал лишь рюмку коньяка и удобно развалился в кресле. Над стоящими в ряд бутылками разного калибра горела лишь одна лампочка, бармен читал газету. Зажав в руке бокал, Флавьер откинул голову и закрыл глаза. Перед ним снова возник образ Жевиня. Когда-то он обошелся с ним непорядочно, а вот теперь сам очутился в его положении. В каком-то смысле теперь он сам стал как бы Жевинем, ибо, в свою очередь, жил вместе с незнакомкой, которая являлась его любовницей, почти женой. Если бы у него в этом городе были знакомые, то он, возможно, обратился бы к ним за советом, а если бы у него был друг, то он попросил бы того присмотреть за Ренэ. Вот до чего он дошел. Перед его глазами предстал сидящий в

своем кресле Жевинь, говорящий ему: «Она какая-то странная... ее поведение беспокоит меня...»

— Гарсон! Еще виски!

К счастью, Жевинь никогда не догадывался об истине. А если бы он узнал ее?.. Как бы он тогда повел себя?.. Наверное, он бы тоже начал пить или же пустил себе пулю в лоб. Ведь бывают моменты истины, на которых невозможно сосредоточиться, не испытывая при этом головокружения во сто крат худшего, нежели физическое. И надо же, чтобы среди всех людей судьба выбрала именно его хранителем этой тайны! Тайны, от которой не испытываешь никакой радости и которая, напротив, лишь увеличивает опасности жизни. О! Вот сейчас он почувствовал себя на удивление спокойно и с совершенно ясным рассудком. Он даже был в состоянии не дрогнув вернуться в прошлое.

...Он видел лежащий под колокольной труп, кровь на камнях, переломанные, изувеченные конечности. А немного погодя над этим трупом плакал Жевинь. Затем консьержка помогла одеть эти жалкие останки. Тело Мадлен было тщательно обследовано инспектором полиции. С этой стороны он был спокоен... Столь же спокоен, сколь и сидевшие у подножия креста с распятым Иисусом Христом легионеры, игравшие в кости. А вот головокружение начиналось тогда, когда он начинал думать о Полине Лажерлак, покончившей с собой, когда он после первого мимолетного знакомства с Мадлен вспоминал впервые услышанные им слова: «Умирать вовсе не больно», и особенно, когда он вспоминал сцену в церкви, ту спокойную и хладнокровную решительность Мадлен... Жизнь для нее, вероятно, стала слишком сложной... и тогда она просто исчезла. А разве жизнь у Ренэ легче? Нет, конечно... Но тогда... Тогда голова Флавьера закружилась, он почувствовал подавленность, невыносимую пустоту; чувства, похожие на те, которые испытываешь, размышляя о бесконечности, о чем-то таком, что длится вечно, бесконечно, безгранично

— Гарсон!

На этот раз Флавьеру уже захотелось выпить. Он безнадежно смотрел на обои окружающих его стен и на ряд бутылок, выстроившихся за стойкой. Был ли он сам еще жив?.. Да. Потому что лоб его покрылся

испаринной, а руки, лежавшие на подлокотниках кресла, горели. Он был жив, и его разум пугал его своей остротой. Прилагая болезненные усилия, он отдавал себе отчет в абсурдности подобной ситуации, в ее невозможности. Он не только не может теперь обнять Ренэ, но и обратиться к ней. Уж слишком разной была она. С тех пор, как он обнаружил эту маленькую гостиницу, между ними возникла какая-то стена, разрушившая эту дружбу. Она неминуемо потянется к другому мужчине, который, ничего не ведая, полюбит ее. Жевинь едва не узнал ее тайну...

Флавьер выронил свой еще недопитый бокал, и спиртное пролилось ему на колени... Он вытер пятно своим платком, а затем поднял стыдливо взгляд на занятого чтением гарсона. Как он был зол на себя за то, что раньше не догадался обо всем этом. А теперь она, очевидно, ускользнет... Там, в другой гостинице, она, должно быть, уже приготовила свои вещи... И именно сейчас она, возможно, уже покупает билет куда-нибудь в Африку... или в Америку... И это бегство будет для него иметь тяжелые последствия.

Резко подскочив, он почувствовал головокружение и был вынужден схватиться за кресло.

— Что с вами, месье?.. Вам плохо?

Поддерживая под руки, его осторожно вели к стойке бара.

— Все в порядке... оставьте меня!

Вцепившись в никелированную стойку, он тупо уставился в белый пиджак и манишку поддерживающего его человека.

— Ну вот... мне уже лучше, спасибо.

— Быть может, выпьете чего-нибудь для поднятия духа?

— Да... конечно, виски!

Он жадно поднес бокал ко рту. За эту слабость к алкоголю он испытывал к себе отвращение, но эта желтая жидкость должна подбодрить его, и тогда он сможет найти средство, чтобы помешать Мадлен бежать. Это он сам во всем виноват, со всеми этими нескончаемыми допросами и намеками. Вполне возможно, что к тому времени, когда он нашел ее, она уже позабыла о своих превращениях. А он постепенно начал воссоздавать облик Мадлен, даже не догадываясь, к чему это

приведет.. Но как же теперь ее обмануть? Как заставить ее согласиться с тем, что жизнь может продолжаться, как и прежде? Нет, уже слишком поздно.

Поискав глазами электрические часы, он увидел, что они показывают половину пятого!

— Запишите это на мой счет.

Отпустив металлическую стойку, он сделал несколько нетвердых шагов, однако его ноги быстро окрепли и, пройдя через холл, он позвал посыльного.

— Есть ли здесь где-нибудь поблизости женская парикмахерская?.. Наивысшего разряда, разумеется?

— Да, «У маркиза», — ответил посыльный. — Это ближайшая парикмахерская.

— Это далеко отсюда?

— Нет, в десяти минутах ходьбы. Пойдете по бульвару, затем — третья улица налево. Парикмахерская расположена между цветочным магазином и кафе. Вы ее сразу увидите.

— Спасибо.

Выйдя на улицу, Флавьер почувствовал, что погода давит на него и что ему следовало бы прежде пообедать. Трамвайные рельсы под лучами солнца излучали невыносимо-ослепительный блеск, жизнь текла, словно река в половодье, а Флавьер шел чуть ли не вплотную к стенам домов, чтобы не попасть в этот стремительный поток пешеходов. Он старался держаться подальше от шума, время от времени ему приходилось опираться о теплые камни домов... Он действительно без труда нашел парикмахерскую и подошел к ее витрине, словно нищий, собирающийся просить милостыню, и сразу же увидел ее сидящей в кресле с какой-то каской на голове. Она здесь! Это точно она! Небо им обоим представило еще одну небольшую отсрочку. Спасибо!.. Спасибо!.. Пройдя мимо парикмахерской, он зашел в кафе.

— Сэндвич и кружку пива!

Отныне он будет стараться вести себя куда более осмотрительно, он будет следить за собой, набираться сил. Чтобы помешать ей, ему нужно будет приложить невероятные усилия... Однако ему прежде всего необходимо завоевать ее доверие. Но как это сделать? Прекратить всякие намеки? Не заставлять ее признаваться в том, что она?..

Вздохнув, он решил не доедать сэндвич. От пива его

стало тошнить, во рту от никотина появился гадкий привкус. Он поудобнее уселся на стуле. С этого места хорошо просматривался тротуар перед парикмахерской. Нет, ей не удастся уйти незамеченной... Скорее всего она сразу же вернется в гостиницу. Но как вынести долгий вечер, который наступит после ее возвращения? Попросить у нее прощения? Умолять забыть их былые ссоры?..

Флавьер не сводил глаз с небольшой площадки перед парикмахерской. Ему казалось, что он сдает очень сложный экзамен и, стоя перед доской, «плавает»... Он хорошо знал себя. Он никогда не откажется от желания все узнать. Вот теперь он любил ее не за то, что она — Мадлен, а за то, что она еще жива. Но, похоже, она и не собиралась делиться с ним своей тайной, ибо была слишком поглощена ею. Так что же делать?

Время шло медленно. Хозяин кафе посматривал на странного клиента, который время от времени разговаривал сам с собой и не сводил глаз с улицы. А Флавьер грустно размышлял и не видел выхода. Мадлен неизбежно покинет его... Ведь держать ее взаперти невозможно... Как только ей предоставится первая же возможность убежать, все будет кончено. У него больше не было права страдать мигренью и подолгу нежиться в постели... Возможно, сейчас уже слишком поздно помешать ей... Не исключено, что она тут же отправится в порт и сядет на какое-нибудь судно, стоящее уже под парами. Тогда ему останется лишь умереть...

Неожиданно на улице появилась Мадлен. Казалось, она, словно видение, выросла на тротуаре. Голова ее была непокрыта, а выкрашенные хной волосы были уложены на затылке...

Флавьер поспешил за ней. В своем недавно купленном сером костюме она шла не спеша, неся под рукой черную сумочку. В это мгновение она выглядела именно такой, какой являлась ему в снах. Флавьер подошел к ней сзади почти вплотную, как когда-то на набережной Сены, и вдохнул запах ее духов, тот самый запах осенней земли, опавших листьев и увядших цветов. Приложив руку к груди и приоткрыв рот, он следовал за Ренэ, словно лунатик. На этот раз сходство было уж слишком явным. Силы стали покидать его, и он плелся, сталкиваясь с прохожими, а те озабоченно

оборачивались и смотрели ему вслед. Ему казалось, что он сейчас разрыдается... А она прогулочным шагом направилась к развалинам старого квартала. Как правильно он поступил, пойдя за ней! Да она вовсе не собирается возвращаться в гостиницу! С безразличным видом она проходила мимо витрин магазинов, и ее лежащая на тротуаре длинная от заходящего солнца тень падала прямо к его ногам. Что это? Просто прогулка? Или же она идет на свидание? Быть может, она идет на свидание? А быть может, она просто наслаждалась своей свободой прежде чем вновь окунуться в тревоги невыносимого пребывания с ним в комнате? А возможно, что она уже находится далеко отсюда и даже стала чужой в этом городе...

Было слышно, как за искалеченными фасадами зданий рычат бульдозеры. На почерневших стенах висели афиши, а на развалинах домов играли дети. Своей несколько вихляющей походкой, Мадлен дошла до Бельгийской набережной. Она ненадолго остановилась, повернув голову к искалеченным опорам транспортного моста. В серой воде отражались одинаковые корпуса парусников, заснувших друг подле друга. Какой-то мальчишка, широко расставив ноги, вел кормовым веслом лодку. Уткнувшись носами в камни, то здесь, то там гнили разгруженные баржи. Это происходило в Марселе и вместе с тем это так напоминало Курбеуа! Каким-то поразительным образом, под слоем непостижимо настоящего, проступало прошлое. Флавьер чувствовал себя вне времени. Возможно, эти небольшие волны, на которых покачивались доски и гнилые фрукты и даже сам силуэт Мадлен, вовсе не существовали. И вместе с тем он ощущал сильный запах ее духов, перебить который были не в состоянии даже запахи порта.

Медленно идя вдоль набережной, Мадлен направилась к докам. Собирается она сесть на судно или просто пришла полюбоваться кораблями и помечтать о странах, в которые могла бы уехать? Какие-то люди неопределенной национальности, одетые в американские куртки и брюки со множеством карманов и молний, непринужденно сновали взад и вперед среди бараков и навесов. Но Мадлен, казалось, никого не замечала. Она смотрела на испачканную мазутом воду и на виднеющуюся за перепутанным лесом мачт черную стену

форта Сен-Жан. Повсюду стояли вооруженные часовые, охранявшие причалы. Хотя Флавьер и чувствовал крайнюю усталость, ему даже в голову не приходило остановиться. Но он ожидал неизбежного, и это неизбежное произошло на набережной Жольетты. Мадлен села за единственный столик какого-то кафе. Флавьер тут же поискал уголок, в котором можно было бы спрятаться. Как и тогда в Курбеуа, возле него оказались огромные бочки со сделанной белой краской надписью: «Сальг, Алжир». Фирма «Сальг» была одним из его клиентов в какой-то очень далекой жизни... Сидя за столиком, Мадлен что-то писала, а на кораблях и вдоль причалов уже зажигались первые огни. Ветер приподнял краешек листочка, по которому быстро скользила ее рука. Это она к нему обращается в этот момент и говорит с ним про себя, как прежде говорила с Жевинем. Он почувствовал себя больным от страха и печали. Вот она складывает письмо, заклеивает конверт, оставляет на столике мелочь, встает.

Флавьер решил выйти из укрытия. Страшное подозрение пронеслось в его мозгу: а не намеревается ли она?.. Идя вдоль рельс, Мадлен была еще далеко от края набережной. Здесь, вероятно, по ее мнению, было слишком много судов, и она искала более уединенный уголок. Один за другим они проходили мимо огромных форштевней, темные клюзы которых смотрели на них, словно гигантские глаза; время от времени где-то очень высоко, склонившись над релингами, какой-нибудь матрос стряхивал вниз сигаретный пепел. Переплетаясь, огромные канаты привязывали к набережной походящие на темные молчаливые скалы корабли дальнего плавания. Падал желтый свет фонарей, пересекаемый стайками мошкары. Мадлен явно торопилась, слегка придерживая рукой развевающуюся юбку. Наклонившись, чтобы пройти под перилами, она осторожно приблизилась к краю набережной. Флавьер, стоя в тени подъемного крана, пристально наблюдал за ней. Теперь в этом месте не было ни души. Внизу, на камнях, скрипели трущиеся друг о друга лодки. Флавьер подкрадывался на цыпочках, словно бродяга, выжидающий удобный момент для свершения кражи. Схватив Мадлен за плечи он оттянул ее назад. Зовя на помощь, она начала отбиваться.

— Это я... — сказал он. — Отдай-ка мне это письмо.

Она отчаянно сопротивлялась. Во время их возни сумочка открылась и из нее, перевернувшись, выпало письмо, и Флавьер тут же попытался накрыть его своим туфлем, но промахнулся. Конверт приподняло от земли сильным порывом ветра и перебросило через край набережной. Письмо исчезло в темноте, затем снова возникло, будучи уже недоступным, покачивалось в пене волн. Флавьер по-прежнему прижимал Мадлен к себе.

— Вот видишь, что ты наделала!

— Отстань от меня!

Положив сумочку себе в карман, Флавьер потащил Мадлен за собой.

— Я начал следить за тобой еще от самой парикмахерской «У маркиза». Что привело тебя сюда, а?.. Отвечай!.. О чем ты писала мне в этом письме?.. Это было прощание?

— Да.

Он встряхнул ее.

— А зачем ты со мной прощалась?.. Что ты намеревалась сделать?

— Уйти от тебя... Возможно, даже завтра... И заняться чем угодно! Но так жить я больше не могу!

— А как же я?

Он чувствовал, что его опустошенная душа как бы задеревенела, плечи его сгорбились от непомерной усталости.

— Иди сюда!.. Пошли!

И они пошли по узеньким улочкам, по которым скользили подозрительные тени. Но Флавьер не боялся бродяг и даже не думал о них. Он крепко сжимал пальцами локоть спутницы, толкая ее перед собой, и на этот раз он отчетливо видел, что возвращается с ней откуда-то издалека, из самой страны смерти.

— Теперь, — продолжил он, — я имею право знать... Ты ведь Мадлен!.. Ну, говори же!

— Нет!

— А кто же ты тогда?

— Ренэ Суранж.

— Это неправда.

— Это правда.

Он поднял голову вверх, чтобы посмотреть на тон-

кую полоску неба, проглядывающую между высокими слепыми домами, и у него возникло желание избить ее до смерти.

— Ты — Мадлен! — в бешестве повторил он. — И доказательством этому служит тот факт, что хозяйину гостиницы ты представилась Полиной Лажерлак.

— Я сделала это для того, чтобы сбить тебя с толку в том случае, если бы ты захотел разыскать меня.

— Сбить меня с толку?

— Да... Раз уж тебе так необходимо, чтобы я была именно какой-то Полиной Лажерлак... Я догадывалась, что ты непременно станешь следить за мной, а эта слежка приведет тебя в ту гостиницу... Я только хотела, чтобы ты сохранил воспоминания... о той, другой, и позабыл напрочь о Ренэ Суранж.

— Но тогда зачем ты сделала эту прическу и покрасилась хной?

— Я же только что сказала тебе: чтобы полностью стереть Ренэ из твоей памяти... Чтобы для тебя существовала только Мадлен.

— Нет!.. Мне нужна именно ты!

С отчаянием Флавьер сжимал ее руку. В темноте он полностью узнал ее по походке, по духам, по тем тысячам признаков, по которым безошибочно узнается любовь. Приглушенные звуки аккордеона и мандолины, казалось, струились прямо из стен, то здесь, то там подмигивали уличные фонари. Иногда за их спинами, словно какое-то ночное животное, начинала выть сирена.

— Почему ты хотела бросить меня? — спросил Флавьер. — Ты что, несчастлива со мной?

— Да.

— И всему виной мои расспросы?

— Да... и все остальное.

— А если бы я пообещал тебе, что больше никогда... не буду задавать тебе никаких вопросов?

— Бедный мой друг... Ты не выдержишь этого мучительного испытания.

— Послушай... Ведь то, в чем я прошу тебя признаться, так просто. Скажи, что тебя зовут Мадлен, и мы больше никогда не станем к этому возвращаться... Мы уедем из Марсея... Будем путешествовать. Ты увидишь, наша совместная жизнь станет очень приятной.

— Я не Мадлен.

Подумать только! Какое невероятное упрямство!

— Да нет же, ты именно Мадлен! Ты даже пере-
няла ее манеру смотреть в пустоту, убегать в какой-то
никому неведомый мир.

— У меня есть свои проблемы, и никто за меня их
не решит.

Он почувствовал, что она плачет. Прижавшись друг
к другу, они вышли на освещенный бульвар. Здесь, в
толпе людей, они смогут прийти в себя. Флавьер вы-
нул носовой платок.

— Дай-ка я вытру тебе лицо!

Нежно вытерев ей щеки, он поцеловал ее в глаза,
а затем взял под руку.

— Пойдем... Не бойся!

На бульваре они смешались с толпой. Здесь в кафе
играли оркестры, мимо проносились на полной скоро-
сти джипы, в которых сидели мужчины в белых фураж-
ках. Повсюду разносчики газет, торговцы орехами и
клошары продавали пачки «Кэмел» и «Лаки Страйк». Когда Флавьер смотрел на Мадлен, она отворачи-
вала голову. Значит, она не сдаётся. У него от злости да-
же перекосило рот. Однако Флавьер и сам в этот мо-
мент был слишком несчастен для того, чтобы испыты-
вать к ней жалость.

— Отпусти меня, — сказала она. — Мне нужно ку-
пить аспирина. У меня очень разболелась голова.

— Сперва признайся, что ты — Мадлен!

В ответ она лишь пожала плечами, и они продолжи-
ли свой путь, прижавшись друг к другу, словно двое
влюбленных. Вместе с тем он держал ее под руку, сло-
вно полицейский, боящийся упустить свою добычу.

Вернувшись в гостиницу, они сразу же отправи-
лись в ресторан. Флавьер был не в силах оторвать
взгляд от Мадлен. При свете люстры, с этой прической,
она была именно такой, какой он увидел ее впервые в
театре. Протянув руку, он крепко сжал ее пальцы.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — поинтере-
совался он.

Мадлен наклонила голову — она была бледна,
словно умирающая.

К ним подошел метрдотель, чтобы принять заказ.

— А что вы будете пить?

— «Мулен-а-Ван».

Он совсем не ощущал себя, словно присутствие Мадлен лишило его реальности бытия, плоти и самого факта существования. Один из них, возможно, был лишним. Глядя на нее, он думал: «Это невозможно!» Или говорил себе: «Я сплю». Она же почти ничего не ела и не раз погружалась в ту самую меланхолическую задумчивость, которая когда-то так пугала Жевиня. Спокойно, почти методично осушив бутылку, Флавьер почувствовал холодную стену враждебности, вставшую между ними.

— Ну, — начал он, — я теперь прекрасно вижу, что ты на пределе... Говори, Мадлен.

Она резко вскочила со своего места.

— Подожди меня, — сказал он ей вдогонку.

В то время, когда она поспешно доставала ключ, он быстро опрокинул в баре пару рюмок виски и побежал к лифту. Лифтер закрыл за ними дверцу, и кабинка поползла вверх. Обняв Мадлен за плечи, Флавьер склонился к ее уху, будто намереваясь поцеловать ее.

— Ну, признайся, дорогая.

Медленно прислоняясь к стенке из красного дерева, она выдавила из себя:

— Да... Я — Мадлен.

Глава 6

Флавьер машинально повернул ключ в замочной скважине. Потрясенный только что полученным и столь долго ожидаемым признанием, он двигался, словно в тумане. Да и можно ли было это вообще назвать признанием? Она так устало ответила ему! Возможно, она просто хотела доставить ему удовольствие или же, устав от расспросов, желала хоть ненадолго получить передышку. Войдя в комнату и закрыв дверь, Флавьер прислонился к ней спиной.

— И ты хочешь, чтобы я вот так просто взял и поверил тебе? — спросил он.

— А тебе что, нужны доказательства?

— Нет, но...

Флавьер уже и сам не знал, чего еще хочет от нее. Он чувствовал крайнюю усталость.

— Выключи свет, — попросила она.

В комнате стало темно, и только свет уличных фонарей, проникавший с улицы, обрисовывал контуры ставней, отбрасывая на потолок похожие на решетку тени. Теперь казалось, клетка захлопнулась, и Флавьер рхнул на кровать.

— Почему ты сразу не сказала мне правду?

Он уже не видел ее в темноте, но слышал, что она крутится возле ванной.

— Ответь же мне, чего ты боялась?

Но поскольку она по-прежнему молчала, он продолжал:

— А ты сразу узнала меня там, в «Уолдорфе»?

— Да, в первый же день.

— Но тогда тебе следовало бы довериться мне сразу же, с самой первой минуты. А ты повела себя глупо. Почему ты так повела себя?..

Он в бешенстве стучал кулаком по покрывалу, а пружины кровати звенели, словно струны гитары.

— Зачем было разыгрывать всю эту комедию? Разве это достойно нас?.. И потом... это письмо... Не проще ли было просто рассказать мне обо всем откровенно?..

Сев рядом с ним, она поискала в темноте его руку.

— Вот именно, — прошептала она. — Мне хотелось, чтобы ты так и не узнал правду... чтобы ты так и пребывал в неуверенности...

— Но ведь я всегда знал...

— Послушай, дай я тебе все объясню... Это так сложно!

Ее ладонь, лежащая на руке Флавьера, была очень горячей. Он же сидел неподвижно, съжившись от страха... Сейчас он узнает тайну.

— Женщина, с которой ты познакомился в Париже, — сказала Мадлен, — та, которую ты видел в театре в сопровождении ее супруга, а твоего друга — Жевиня, та, за которой ты следил и которую ты вытащил из воды, эта женщина... не умирала. Я еще не умираю, ты понимаешь меня?

Улыбнувшись, Флавьер ответил:

— Ну, конечно же, ты не умирала... Ты просто перевоплотилась в Ренэ, я это прекрасно понимаю.

— Нет, дорогой мой, нет... Это было бы слишком фантастично. Я вовсе не перевоплощалась в Ренэ, я все-

гда была ею. Я действительно Ренэ Суранж. И именно в меня, в Ренэ Суранж ты влюбился тогда.

— Как это?

— Ты никогда не был знаком с настоящей Мадлен Жевинь. Я лишь выдавала себя за нее, так как была сообщницей Жевиня... Прости меня... Если бы ты знал, что мне пришлось перенести...

Флавьер схватил ее за запястье.

— А теперь ты бы хотела убедить меня в том, что будто тело, лежавшее под колокольной...

— Да, то было тело настоящей мадам Жевинь, предварительно убитой собственным мужем... Мадлен Жевинь была мертва, а я осталась жива... Вот так-то! Это и есть правда.

— Это ложь, — возразил Флавьер. — Жевиня уже нет на этом свете, он не может опротестовать эту клевету, а ты этим пользуешься! Бедняга Жевинь!.. Ты хочешь меня убедить в том, что была его любовницей? И вы убили его законную жену?.. А зачем вам это понадобилось?

— Потому что все состояние Жевиня фактически принадлежало ей... А затем мы с ним должны были уехать за границу.

— Великолепно! Ну а зачем же тогда Жевиню понадобилось обращаться ко мне с просьбой присмотреть за его женой?

— Успокойся, мой дорогой.

— Я спокоен, отвечай мне. Уверяю тебя, что я спокоен, как никогда. Ну, отвечай же!

— Дело в том, что Жевиня никто не должен был заподозрить в убийстве. А у Мадлен не было никаких причин кончать с собой. Таким образом, ему необходим был свидетель, который смог бы подтвердить, что мадам Жевинь одолевала страшные мысли, что она была уверена в том, что уже когда-то жила на этом свете и что смерть казалась ей событием, не имеющим никакого значения, почти что игрой... Жевиню нужен был свидетель, слова которого не подвергались бы сомнению, когда тот заявит, что лично присутствовал при самоубийстве... А еще как бы случайно был адвокатом... и потом он тебя хорошо знал... еще с самого детства... Он знал, что ты поверишь в эту историю сразу же...

— Короче говоря, он считал меня идиотом, человеком не совсем нормальным, не так ли?.. Да, неплохо придумано! Так, значит, это ты была в театре «Мари-ни», и на кладбище Пасси, и на фотографии, украшавшей письменный стол Жевиня, когда я приходил к нему...

— Да.

— И, разумеется, ты станешь утверждать, будто Полина Лажерлак никогда не существовала.

— Нет, как раз существовала.

— Ага, так все-таки существовала! Ты не осмеливаешься отрицать это.

— Да пойми же наконец! — простонала она.

— Я все понимаю, — запальчиво прокричал Флавьер. — Я все понимаю! Особенно хорошо я понимаю, что сведения о Полине Лажерлак очень мешают тебе — ведь ее так непросто втиснуть в твою сказку, да!

— Если бы это действительно было сказкой, — прошептала она. — Ведь Полина Лажерлак действительно была прабабкой Мадлен Жевинь. Кстати, именно ее образ невольно подсказал твоему другу мысль о дальнейших планах, в которые входили навязчивые идеи этой несколько странной родственницы Мадлен, паломничество к могиле и в дом на улице Сен-Пер, в котором когда-то жила Полина... ну и попытка утопиться — ведь Полина умерла тоже утонув...

— Что значит, попытка?

— Ну, это была подготовка... к другому самоубийству. Если бы ты не бросился за мной в воду, я бы выплыла — ведь я хорошо плаваю.

Флавьер засунул руки в карман, сжав их в кулаки, чтобы не накинуться на нее и не избить.

— А этот Жевинь оказывается всемогущ, — съехидничал он. — Короче говоря, он все предусмотрел. Даже когда в первый же день он предложил мне прийти в гости, то заранее знал, что я откажусь.

— Доказательством тому служит то, что ты действительно отказался. Я же, со своей стороны, запретила тебе звонить мне, — возразила Ренэ.

— Замолчи! Ну хорошо, предположим, это так!.. А как же тогда колокольня?.. Разве мог он знать, что мы поедем именно туда?... Да, сейчас ты скажешь мне, что за рулем была ты... что вы заранее обо всем услови-

лись, отыскивали эту заброшенную деревню, договорились о времени... ему же оставалось лишь предложить своей жене небольшую прогулку, и он заранее знал, во что она будет одета... Ладно, тем хуже... Нет, я не верю тебе, ты слышишь! Я не верю тебе... Жевинь не мог быть преступником!

— Мог, — ответила она. — У него были на то смягчающие обстоятельства. Он неудачно женился... А его Мадлен действительно была немного больна. Он водил ее к врачам, но они так ничего и не обнаружили...

— Ну, конечно, — начал Флавьер, — когда нужно, то всегда можно отыскать объяснения... Колокольня? Здесь все очень просто... Жевинь уже ждал тебя там, предварительно убив и обезобразив лицо своей жены. Он знает, что на высоте я страдаю головокружениями и поэтому не смогу подняться за тобой... Ты бежишь к нему... Затем ты выпускаешь этот вопль... а он бросает тело вниз. И вы оба наблюдаете за мной сверху, в то время, как я смотрю на эту лежащую на земле женщину... Эту женщину с такой же, как у тебя прической и волосами, выкрашенными хной... Видишь, я тоже умею придумывать объяснения!.. А как только я удалился, вы выскользнули в одну из дверей...

Флавьер шумно дышал. Эта версия, казалось, отобрала у него последние силы, схватила его за горло. Тысячи деталей сразу же сложились в его голове в единое целое, составляя какую-то картину-галлюцинацию, и он заговорил очень тихо:

— И, по идее, я должен был бы позвать на помощь, позвонить в полицию... Жевинь не мог сомневаться в моем свидетельстве — ведь за несколько дней до того, в Курбеуа... Вот только я никуда не позвонил... У меня не хватило смелости еще раз признать свою трусость. А этого Жевинь не предусмотрел... Он предусмотрел все, кроме моего молчания... молчания человека, по вине которого однажды уже умер его товарищ...

Вместе с тем, то, что он здесь говорил, было правдой. Флавьер вспомнил свой визит на авеню Клебер, ужас Жевиня, который тоже вынужден был молчать, и телефонный звонок на следующее утро к Флавьеру, и последняя напрасная попытка Жевиня: «Ее обнаружили... полиция уже начала расследование...» И его ложь: «—Нет, ее лицо почти не пострадало...» Черт возьми

ми!.. Ведь Флавьер так и не осмелился посмотреть на разможенное лицо, и эта последняя предосторожность оказалась излишней... Затем, вследствие отсутствия свидетелей, полиция углубила свои поиски и сунула нос в дела супружеской пары... Тут и обнаружилась побудительная причина: материальный интерес... У Жевиня не было алиби, поскольку в то время он находился там, на колокольне... К тому же крестьяне заявили, что видели, как к деревне подъезжала машина с какой-то парочкой, и это, вне всяких сомнений, был огромный «Тальбо» Жевиня... И, наконец, Жевинь был мертв.

Ренэ тихо плакала, уткнувшись в подушку, и Флавьер внезапно понял, что он исчерпал все доводы, что он наяву увидел кошмар... Итак, эта лежащая возле него женщина — Ренэ. Вероятно, она жила в одном доме с Жевинем. Вполне возможно, что именно там они и сошлись... Она из слабости и нужды согласилась играть эту комедию... А спустя годы она из отвращения или из фатализма согласилась на приключение с этим жалким, вновь найденным адвокатом... Нет, нет... Все это она придумала, чтобы специально отвратить его от нее, потому что она его не любила... потому что она никогда его не любила, ни тогда, ни...

— Мадлен! — позвал он.

Вытерев глаза, она приподняла свои волосы и сказала:

— Я не Мадлен.

Тогда, сжав зубы, он двумя руками схватил ее за горло и повалил на спину, плотно прижимая к подушке.

— Ты лжешь... — простонал он. — Ты всегда лгала... Ты что не видишь, что я люблю тебя! Еще с самого начала!.. Благодаря Полине, благодаря кладбищу, благодаря твоему задумчивому виду... Эта любовь походила на восхитительный гобелен, с лицевой стороны она рассказывала невероятную легенду, а с оборотной... я не знаю, что с оборотной... да и не желаю знать... Но когда я сжимал тебя в своих объятиях, когда я почувствовал, что ты будешь моей единственной женщиной... Мадлен... А наши прогулки?... Ты помнишь их?... Цветущая деревня... Лувр... потерянная страна... Мадлен!.. Прошу тебя... Скажи мне правду!

...Она больше не двигалась. Флавьер с трудом разжал пальцы.

Затем, дрожа, поискал выключатель и включил свет. И тогда у него вырвался ужасный крик, из-за которого в коридор повыскакивали перепуганные постельцы.

Флавьер уже не плакал. Он просто смотрел на кровать. Если бы на нем даже не было наручников, то он все равно держал бы руки сцепленными. Инспектор заканчивал читать письмо профессора Баллара своему коллеге в Ниццу.

— Уведите его, — сказал он.

Хотя в комнате было много людей, царила абсолютная тишина.

— Я могу поцеловать ее? — спросил Флавьер.

В ответ инспектор лишь пожал плечами. Флавьер подошел к ней. Лицо ее выражало совершенный покой. Наклонившись, Флавьер приложил губы к бледному лбу.

— Я буду ждать тебя, — прошептал он.

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО

